МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского»

На правах рукописи

Александров Сергей Сергеевич

ЧУДО В ДРЕВНЕРУССКОЙ ВОИНСКОЙ ПОВЕСТИ

Специальность 10.01.01 — Русская литература

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель —

кандидат филологических наук,
доцент Л. Г. Горбунова

Саратов — 2021

Содержание

Введение…….. 3

Глава I. Проблемы изучения жанра воинской повести и ее поэтики…… 16

1.1 Об историзме как особенности древнерусской литературы ……... 16

1.2 Чудесное / фантастическое в древнерусской литературе (проблема вымысла) …… 23

1.3 Об особенностях жанра древнерусских воинских повестей..... 32

1.4. Летописные истоки воинской повести ……. 45

1.5 Черты воинской повести в летописных рассказах о походе князя Игоря на половцев под 1185 г……... 52

1.6 Фантастическое в содержании «Слова о полку Игореве»……... 61

Глава II. Чудо в воинских повестях XIII – XV вв…….. 72

2.1 Чудесное в повестях о княжеских усобицах……. 72

2.2 Чудесное в воинских повестях о монголо-татарском нашествии (до Куликовской битвы)…….. 76

2.3 Чудесное в памятниках Куликовского цикла…… 82

2.4 Чудесное в произведениях, которые описывают события, произошедшие после Куликовского сражения ……. 96

Глава III. Судьба воинской повести и особенности чудесного в произведениях первой половины XVII века …….. 108

3.1 Мотив чуда в «Повести о взятии Смоленска Иваном Грозным» ….. 108

3.2 Мотив небесного заступничества в повестях Азовского цикла (первая половина XVII века)……. 113

Заключение …… 122

Список использованной литературы…… 126

ВВЕДЕНИЕ

Обращение исследователей к поэтике чудесного применительно к древнерусским памятникам связано, прежде всего, с изучением житий, что объяснимо ориентацией книжников на агиографический канон. Если вести речь о воинской повести, то чудесные элементы не являются обязательными, что, однако, не снижает их значимости для художественной системы произведений.

Осмысление проблемы чуда в воинских повестях определяется, в первую очередь, особенностями средневекового мировоззрения (мировидения). Любое событие интерпретировалось человеком той эпохи как проявление божественной воли: нашествие иноземных захватчиков – Божий гнев и наказание за грехи, победа в битве – Божественная благодать, милость Божья и т. д. Встречающиеся в повестях ссылки на чудо, небесное заступничество, божественное вмешательство – не только этикетные формулы, но и нечто наполненное художественным смыслом. Например, участие небесных сил в развитии сюжета воинских повестей. Чудо может служить сюжетообразующим звеном (особенно это характерно для повестей о междоусобных распрях, где чудесное явление имеет предметное воплощение (Крест Христов, икона). Имеет место и констатация факта свершения чуда самими авторами воинских повестей (бысть преславное чюдо).

Чудо – явление многоликое, многомерное. Это и неотъемлемая часть христианского миросозерцания, и предмет философских размышлений, – нечто невероятное, но истинное. А. П. Липатова выделяет следующие признаки чуда:

– модальность текста (невероятность, но истинность);

– сложность структуры (чудесное проявляет себя не в одном событии, а в связи нескольких событий)[1].

Теологическое сознание не только не ставит под сомнение действительность всего того, что называется *чудом*, но и признаёт необходимость этого элемента как первопричину бытия. При таком подходе бесспорным представляется, что само чудо не воспринималось как нечто сверхъестественное, а понималось как сотворённое силою Божьей. Наши рассуждения подкрепляет определение, сформулированное в Библейской энциклопедии: «Чудо, чудеса суть дела, которые не могут быть сделаны ни силою, ни искусством человеческим, но только всемогущею силою Божею»[2]. Чудо рассматривается как философская категория, которую по разным причинам отрицают материализм, пантеизм, деизм, и только *теизм* отводит проявлениям чудесного главную роль в устройстве бытия. В книге «Чудеса на дорогах войны» даётся следующее определение этого понятия: «Чудо есть не нарушение, а наоборот: действие высших и вечных законов бытия в нашем преходящем мире. Чудо есть нечто прикровенное, внутреннее <…>» [3]. В издании «Чудеса в Православии» можно найти рассуждения о природе чуда: «С точки зрения здравого смысла, чудо есть нарушение космической закономерности. С христианской точки зрения – в чудесах проявляется закономерность высшего порядка. Чудо не противоестественно, а сверхъестественно, оно выходит лишь за пределы данной ограниченной плоскости данного ограниченного плана бытия <…>. Характерной чертой чуда в христианском понимании является обнаружение в нём высшего смысла, устремление всех обстоятельств его к высшей цели, в конечном итоге – цели спасения мира и человека»[4].

---

[1] *Липатова, А. П.* Чудо: история и характер вариативности предания и легенды // Традиционная культура. 2008. №2. С.88. Эти наблюдения сделаны при рассмотрении чуда в предании и легенде, но нам кажется, что они имеют общетеоретическое значение.

[2] Энциклопедия Библейская. М., 2004. С. 737. Текст печатается по изд.: Библейская Энциклопедия : в 4 вып. / труд и издание архимандрита Никифора. М., 1891.

[3] Чудеса на дорогах войны. М., 2010. С. 3.

[4] Чудеса в Православии / авт.-сост. В. Артёмов. М., 2011. С. 5-6.

Завершая характеристику христианско-религиозных особенностей этого понятия, обратим внимание на весьма существенный момент: «Всякого рода необычайные и необъяснимые явления сами по себе не представляют чудес и получают характер чудесного лишь при определённом способе их истолкования, причём для неверующих всегда остаётся возможность отрицать наличность чуда ссылкою на неизвестные ещё законы природы, галлюцинации и т. п. Наоборот, при соответствующем миросозерцании самое обыкновенное явление жизни может приобрести значение чуда. Такое значение, например, может, приобрести выздоровление больного ребёнка в сознании религиозной матери, если это выздоровление произошло после её молитвы»[5]. Сходной позиции придерживается и Н. А. Антропова: «Как известно, религиозное сознание может интерпретировать в качестве чуда практически любое явление действительности»[6]. То есть ответ на вопрос, случилось чудо или нет и что именно называть этим словом, а что – нет, кроется в отношении человека к происходящему. Она затрагивает два аспекта этого понятия: религиозный и социальный. Религиозная сторона этого явления обнаруживается в четырёх функциях:

– функция подтверждения могущества Господа Бога; его милости и справедливости, которая констатирует Божью благодать;

– функция регуляции выполнения обрядовых норм: чудо может быть как наказанием за несоблюдение правил религиозной жизни, так и наградой за особо ревностное их исполнение;

– функция наказания: чудо является карой тем людям, которые совершили различные прегрешения в обыденной, частной жизни;

– функция помощи: чудесное событие происходит в ответ на истовую мольбу с просьбой человека в чём-либо помочь ему[7].

---

[5] Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского. Репринт воспр. изд. Ф. А. Брокгауз- И. А. Эфрон, 1890 г. М., 1993. С. 12.

[6] *Антропова, Н. А.* Рассказы о чудесах в произведениях Аввакума и Епифания как социальный феномен // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2008. Сб. 13. С. 711.

[7] См.: *Антропова, Н. А.* Указ. соч. С.748. Эти функции выделены при рассмотрении рассказов о чудесах, но нам представляется возможным распространить их на тексты воинских повестей.

Из «социологических» функций важной для нас будет чудо как способ адаптации фольклорных сюжетов и образов народной мифологии к христианскому мировоззрению[8].

Близкую мысль высказывает и Т. А. Чернышёва: «Чуду мы верим и не верим одновременно. Не верим, потому что знаем, что такое случиться не может, верим, потому что оно всё же произошло»[9]. Примечательно, что исследовательница касается темы чудесного в рамках статьи, посвящённой фантастике. Она сопрягает чудесное с удивительным, что нисколько не противоречит пониманию этого явления, ведь одно из значений слова «чудо» как раз и есть – *удивление* как реакция современников на событие. А способность удивляться – способность творческая, даже в обстоятельствах, привычных для древнерусского книжника, стеснённого так называемым литературным этикетом (термин предложен Д. С. Лихачёвым). Однако, по мысли Д. С. Лихачёва, следование этикету не ограничивало творческого начала средневекового автора. Чудесное, с одной стороны, – это нечто реальное, с другой, подталкивающее к удивлению, а, следовательно, чудесное может быть тем самым потерянным ключом (метафора И. П. Ерёмина)[10] от запертой двери в особый мир произведений Древней Руси. Заметим, кстати, что Т. А. Чернышёва, вслед за Гегелем, признаёт удивление началом всякого научного исследования.

Интерес к проявлениям чудесного[11] закономерно встречается в работах фольклористической направленности. В этой связи отметим статью С. Ю. Неклюдова «Чудо в былине». В ней учёный рассматривает чудо как часть понятия «фантастика» и дает следующее определение: «Чудо – явление из ряда вон выходящее, заслуживающее удивления»[12]. Сходной позиции придерживается В. П. Автономова («Своеобразие художественной

[8] *Антропова, Н. А.* Рассказы о чудесах в произведениях Аввакума и Епифания как социальный феномен // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2008. Сб. 13. С.748-749.
[9] *Чернышёва, Т. А.* Потребность в удивительном и природа фантастики // Вопросы литературы. 1979. № 5. С.223.
[10] См.: *Ерёмин, И. П.* Введение // *Ерёмин, И. П.* Лекции и статьи по древнерусской литературе. Л., 1987. С. 7.
[11] Понятия «чудо» и «чудесное» употребляются нами как синонимичные.
[12] *Неклюдов, С. Ю.* Чудо в былине // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Т. 4, вып. 236. С. 145.

фантастики в русском героическом эпосе»)[13]. С. М. Толстая рассматривает его как мотив славянского фольклора и даёт классификацию чудесных явлений:

– космические и атмосферные явления (с неба падают камни, рыбы);

– геофизические явления (земля разверзается, поглощая грешника);

– предметы, обладающие сверхъестественными свойствами (города или церкви строятся или разрушаются сами по себе);

– всевозможные метаморфозы (превращение животных в человека и наоборот);

– оживление умерших, исцеление больных; чудесное зачатие.[14]

Исследовательница, характеризуя природу чуда, пишет: «Способность к чудесным действиям приписывается Богу, святым, демоническим существам, сказочным героям и в большинстве случаев используется в целях наказания за прегрешения или для защиты людей от злых сил и помощи им в противоборстве с нечистой силой».[15] Акцентируя внимание на способах изображения героя в фольклоре и древнерусской литературе, В. П. Адрианова-Перетц указывает на то, что место волшебных сил в историческом повествовании занимают божество и святые и дьявол или бес, причём, «заслужить помощь первых и побороть сопротивление второго человек может не активными, а пассивными ‘’добродетелями’’, обязательными по христианскому кодексу общественной и частной морали; среди них на первом месте – смирение, терпение, всепрощение, отказ от мирских радостей. Так образ героя, если он последовательно выдерживает эту идеологию, – снижается: герой становится не реально действующей в жизни силой, а *покорным воле божества* существом, которого не учат искать счастья и благополучия в этой жизни, не бороться с социальной несправедливостью, а терпеливо переносить все страдания, лишения и

[13] *Автономова, В. П.* Своеобразие художественной фантастики в русском героическом эпосе. Саратов, 1981. С. 6.
[14] *Толстая, С. М.* Чудо // Славянская мифология. СПб., 1995. С. 392-393.
[15] Там же.

насилие, чтобы заслужить “вечную награду” в “вечной жизни” – после смерти»[16]. В качестве иллюстрации этого положения, учёный показывает различия между героическим эпосом и, как раз, воинской повестью: «В представлении народного эпоса победа всегда добывается руками воина-богатыря, его мужеством; “воинские повести” Древней Руси снижают заслуги “воев”, “храбров”, рисуя появление на поле битвы “небесных воинов”, разящих врага стрелами и мечами, и, таким образом, литература иногда стремится внушить, что не беззаветное мужество народа, а “помощь божия” решает исход битвы»[17]. Однако, это не воспринимается ни автором, ни читателем как «нечто небывалое, поскольку метод писателя оставался одинаковым – рассказывал ли он о появлении “навьих” или “небесных” воинов и прочего среди правдиво нарисованных людей».[18]

Обобщая материалы словарных статей, можно выделить следующие значения чуда:

– «всякое явление, кое мы не умеем объяснить по известным нам законам природы»[19];

– *«по религиозным и мифологическим представлениям*: сверхъестественное явление, вызванное вмешательством божественной силы»[20].

– синоним слова «удивление»[21].

Исследователи, конечно же, не могли обойти вниманием этот аспект поэтики литературы Древней Руси в целом и воинской повести в частности, отражающий представление о роли высших сил в жизни человека. Для агиографических памятников чудеса – это обязательный элемент сюжетно-композиционной структуры, применительно же к воинской повести всё не так однозначно. Как отмечает Е. К. Ромодановская, «литература*”идеального*

[16] *Адрианова-Перетц, В. П.* Историческая литература XI — начала XV в. и народная поэзия // *Адрианова-Перетц, В. П.* Древнерусская литература и фольклор. Л., 1972. С. 27 (курсив мой — *С. А*.).
[17] Там же.
[18] Там же.
[19] *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1882. Т. 4. С. 612.
[20] Большой толковый словарь русского языка. СПб, 2002. С. 1485 [курсив мой – *С. А*.].
[21] *Срезневский, И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб, 1903. Т. 3. Стлб. 1547.

преображения” – это, в первую очередь, агиография, наполненная самыми разными – как объяснимыми в реальной жизни, так и фантастическими – *чудесами*»[22].

По нашему мнению, не следует ограничиваться лишь этикетной функцией чуда, поскольку тексты воинских повестей содержат в себе не только сообщения о факте свершившегося чуда («и помог Бог»), но и пространные описания, как и кем эта помощь была дарована[23]. Эти «чудесные» эпизоды являются стимулом развития действия. Нам представляется важным, что чудо воплощается в предметных образах (например, Крест Христов, просфора Пресвятой Богородицы).

Актуальность настоящей работы определяется сочетанием в ней теоретического и историко-литературного аспектов рассмотрения проблемы чуда, что отвечает существующей в современной науке потребности в дальнейшем углублении теоретического осмысления проблемы чудесного на основе расширения диапазона конкретных наблюдений над его различными художественными проявлениями, в частности, в древнерусской воинской повести. Одновременно исследование чуда в воинской повести тесно связано с проблемами поэтики, дополняет и конкретизирует общую картину древнерусской литературы.

Воинские повести в отечественном литературоведении изучены основательно: с точки зрения жанра[24]; проблем текстологии[25]; значимости

---

[22] *Ромодановская, Е. К.* Вымысел в литературе XVII века // *Ромодановская, Е. К.* Русская литература на пороге нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 31 (курсив мой – С. А.).

[23]См., например: *Лурье, Я. С.* Конец золотоордынского ига («Угорщина») в русской литературе и истории // Русская литература. 1982. № 2. С. 52-69; *Лихачёв, Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С. 79-80. *Творогов, О. В.* Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // Труды отела древнерусской литературы. 1964. Т. 20. С. 20–64.

[24]*Орлов, А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей М., 1902. *Трофимова, Н. В.* Древнерусская литература XI-XVII вв. Воинская повесть. Курс лекций. Развитие исторических жанров: материалы к спецсеминару. М., 2000.

[25] *Дмитриев, Л. А.* Литературная история «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве. М., 1959. (Литературные памятники). *Дмитриев, Л. А.* За землю русскую // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. (Страницы истории отечества).

исторического начала[26]; стилевых приёмов[27]. Однако не все аспекты поэтики изучены равноценно.

Нами обнаружена единственная специальная работа по теме нашего исследования, а именно Н. В. Трофимовой «Чудеса в древнерусском воинском повествовании». В ней даются определения «символических жанров»: видения, знамения и чуда. Определение последнего из названных понятий вписывается в общие представления об этом явлении: «Чудо – повествование о неожиданном, часто сверхъестественном явлении, происходящем по воле Бога и разрешающем какие-то земные проблемы»[28]. Автором выделены следующие типы чудес:

– чудеса защиты городов и помощи в битвах;

– чудеса-предупреждения от икон, призывающие к покаянию и предвещающие в случае его отсутствия беду;

– чудеса исцеления[29].

Исследовательница выделяет функции чудес, а именно

– помощь в битве;

– защита городов;

– чудеса-предупреждения[30].

На наш взгляд, учёный не приводит достаточных доказательств суждения о том, что чудеса являются самостоятельными жанровыми образованиями. Безусловно, исследуемое явление характеризуется сюжетностью и изобразительностью, но можно ли их счесть за жанровые признаки – вопрос более чем дискуссионный.

---

[26] *Ерёмин, И. П.* Литература Древней Руси : этюды и характеристики. М., Наука, 1966. *Ерёмин, И. П.* Лекции и статьи по древнерусской литературе. Л., 1987. *Шайкин, А. А.* Поэтика и история. На материале памятников русской литературы XI-XVI веков. М., 2005.

[27] *Робинсон, А. Н.* Из наблюдений над стилем поэтической повести об Азове // Ученые записки Московского государственного университета. 1946. Вып. 118, кн. 2. *Робинсон, А. Н.* Повести об азовском взятии и осадном сидении // Воинские повести Древней Руси. М. ; Л., 1949. *Трофимова, Н. В.* Древнерусская литература XI-XVII вв. Воинская повесть. Курс лекций. Развитие исторических жанров: материалы к спецсеминару. М., 2000.

[28] *Трофимова, Н. В.* Чудеса в древнерусском воинском повествовании // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2011. №4 /33. С. 73.

[29] Там же. С. 73-79.

[30] Там же. С. 73-74.

Очевидно, что осмысление проблемы чуда в древнерусской воинской повести нуждается в более широком, обстоятельном рассмотрении, в частности, с точки зрения функций чудесного (сюжетных и внесюжетных), что позволит, на наш взгляд, дополнить и углубить представления о поэтике воинской повести. С этим связана *научная новизна* настоящего исследования. Следует отметить, что в большинстве работ по изучаемому жанру имеют место отдельные наблюдения и упоминания о таком сюжетном элементе, как помощь небесных заступников русским воинам[31].

Цель настоящей работы – выявить художественно-смысловую значимость чуда в жанре воинской повести на разных уровнях текста: сюжетно-композиционном, образно-стилевом, эмоционально-экспрессивном. Цель предполагает решение следующих *задач*:

– рассмотреть содержание понятия «чудо» с мировоззренческой и художественно-эстетической точек зрения;

– обобщить и систематизировать имеющиеся в науке представления о жанре воинской повести и её поэтике;

– дополнить и углубить представление о генезисе воинской повести и жанровых изменениях в «переходную эпоху» в их связи с особенностями проявления чудесного;

– определить роль и функциональное значение чуда, форм его проявления и способов включения в текст для более полного представления о поэтике воинской повести.

Объект исследования – воинские повести XII–XVII веков (летописные и внелетописные).

Предмет исследования – чудеса в воинских повестях XII–XVII веков.

В качестве *материала* исследования выделены следующие тексты воинских повестей, содержащих в себе то или иное проявление чуда:

[31] Например: *Лурье, Я. С.* Конец золотоордынского ига («Угорщина») в русской литературе и истории // Русская литература. 1982. № 2. С. 52-69; *Дмитриев, Л. А.* За землю русскую // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. (Серия «Страницы истории отечества») и др.

XII в. Летописные рассказы о походе Игоря на половцев (по Ипатьевской и Лаврентьевской летописям);

XIII в. Повесть о битве на реке Калке;

XV в. Повесть о битве на реке Вожже;

Повести Куликовского цикла

Повесть о Куликовской битве (Летописная);

Сказание о Мамаевом побоище (Основная редакция).

Повести о событиях, произошедших после Куликовской битвы

Рассказ о нашествии Тохтамыша;

Повесть о Темир-Асаке;

Угорское стояние.

Повести о княжеских усобицах

XIV в Сказание о битве новгородцев с суздальцами;

XV в Рассказ о восстании в Новгороде в 1418 году.

XVI в.Сказание о Мамаевом побоище (Киприановская редакция).

Первая половина XVII в:

Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным;

Повести об Азове (Историческая и Поэтическая)[32].

Мы отдаём себе отчёт в том, что приблизительно с XIV века между событием, о котором повествует то или иное произведение, и самим произведением, существует временная дистанция, поэтому будем придерживаться событийной последовательности при анализе текстов (за исключением второй главы). Оставляем за собой право выбрать лишь те тексты, в которых жанровые признаки воинской повести выделяются наиболее отчётливо. Поэтому за пределами исследования останутся «Повесть о взятии Царь-Града турками в 1453 году» (XV в.), «Казанская история» (XVI

[32] Исследуемый материал упорядочен по тематическому и хронологическому принципам.

в.) и «Сказание» Авраамия Палицына (первая половина XVII в.)[33]. Однако мы не можем не учесть «Слово о полку Игореве», поскольку учёные находят в нём заметные жанровые признаки воинской повести. Художественные особенности этого произведения побудили нас поразмышлять вместе с исследователями о природе вымысла в древнерусской литературе.

Большинство исследуемых текстов будут цитироваться по изданию «Памятники Литературы Древней Руси» (1978–1998 гг.). В отдельных случаях мы будем обращаться к изданиям серии «Литературные памятники» с сохранением орфографии цитируемого источника.

Методологическую базу исследования составляют работы по истории и поэтике жанра воинской повести, труды, посвящённые художественной специфике древнерусской литературы, и работы, осмысляющие своеобразие чудесного и фантастического в древнерусской литературе: А. С. Орлова[34], Я. С. Лурье, В. В. Кускова, В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачёва, И. П. Ерёмина, О. В. Творогова, А. Н. Робинсона, А. А. Пауткина, Н. В. Трофимовой, А. С. Дёмина, А. А. Шайкина, Е. К. Ромодановской, Т. А. Чернышёвой, Т. М. Акимовой, В. К Архангельской, (с вовлечением в исследование архивных материалов рукописного наследия В. К. Архангельской)[35] А. Л. Фокеева, В. П. Автономовой.

Для достижения цели и решения задач были использованы следующие *методы*: историко-литературный, текстологический, культурно-исторический, метод мотивного анализа.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что в нём устанавливается соотношение между такими эстетическими явлениями и

---

[33] Основанием для этого служит суждени Н. В. Трофимовой об этих произведениях: «Воинская повесть выступает как *подчинённый элемент* исторического повествования – *историческая повесть с воинским сюжетом*». См. *Трофимова, Н. В.* О некоторых закономерностях в развитии жанра древнерусских воинских повестей / Н. В. Трофимова // Герменевтика русской литературы. М., ИМЛИ РАН, 1994. Сб. 7, ч. 1. С. 48. [курсив мой – С. А.]

[34] Отдельно стоит выделить монографию А. С. Орлова «Об особенностях формы русских воинских повестей» (М., 1902), в которой исследователь кратко, но ёмко обозначил подступы и к нашей теме.

[35] *Архангельская В. К.* Лекции по истории древней русской литературы. Материалы к практическим занятиям по курсу // Рукописный фонд архива проф. В. К. Архангельской в Учебной Лаборатории «Кабинет фольклора им. проф. Т. М. Акимовой» Института филологии и журналистики СГУ имени Н. Г. Чернышевского. П. 1, т. 1-23 ; п. 1, т. 25, т. 29.

понятиями, как «вымысел», «фантастика» и «чудо» в контексте древнерусской литературы; осмысляется жанровое своеобразие воинской повести, определяются особенности и формы проявления чуда как компонента сюжетно-композиционной структуры воинской повести.

Положения, выносимые на защиту:

1. Чудо как форма фантастики обнаруживается на разных уровнях текста воинской повести: сюжетно-композиционном, образно-стилевом, эмоционально-экспрессивном.
2. Чудесное выполняет в воинской повести сюжетную функцию, определяя узловые моменты развития действия от экспозиции до кульминации и развязки.
3. Фантастическое в «Слове о полку Игореве» имеет преимущественно народную, былинно-сказочную основу, определяет движение сюжета и общий колорит произведения, атмосферу необычайного, являясь средством беллетризации повествования
4. Являясь отражением особенностей сознания эпохи, представления о чуде, входящие в содержание воинской повести, выполняют мировоззренческую и дидактическую функции, утверждая религиозно-нравственные ценности.
5. Чудесное в воинской повести сопряжено с историческим и героическим, входя в произведения на правах реальности.

Практическая значимость исследования: материалы диссертации могут быть использованы при составлении общих и специальных курсов по древнерусской литературе в целом и воинской повести в частности, а также при подготовке к републикации соответствующих текстов и их комментировании. Результаты проведённого исследования были частично использованы в курсе «История русской литературы» (Часть I: Древнерусская литература) в Саратовском национальном исследовательском государственном университет имени Н. Г. Чернышевского.

Результаты исследования были представлены на следующих конференциях: Всероссийская научная конференция молодых учёных «Филология и журналистика в XXI веке» (Саратов – ежегодно с 2009 по 2019; 2021); Всероссийская научная конференция «Проблемы филологического образования» (Саратов, 2016, 2017); Всероссийская научная конференция «Инновационный потенциал молодёжной науки» (Уфа, 2012); IV Межвузовская научная конференция «Национальный стиль русской литературной классики» (Москва, 2018).

Всего по теме диссертационного исследования опубликовано 16 статей (3 из которых – в ведущих рецензируемых журналах, определенных Высшей аттестационной комиссией).

Работа состоит из Введения, трёх глав, Заключения и Списка использованной литературы.

Глава 1

Проблемы изучения жанра воинской повести и его поэтики

1.1 Об историзме как особенности древнерусской литературы

Если задаться вопросом, каковы основные черты древнерусской литературы, то очевидно, что это прежде всего историзм. По мысли В. В. Кожинова, историзм – это свойство любого художественного произведения, «возможность охватить ведущие тенденции общественного развития, проявляющиеся в общенародных событиях и индивидуальных судьбах»[36]. Под историзмом исследователь разумеет «художественное освоение конкретно-исторического содержания той или иной эпохи, а также её неповторимого облика, колорита»[37]. Он различает *историзм в науке* и *историзм в литературе*. Естественно, в разных сферах у этого явления разные задачи. Историзм в науке призван «охарактеризовать закономерности исторического развития в ту или иную эпоху»,[38] тогда как задача художника «запечатлеть тончайшие отражения общего хода истории в поведении и сознании отдельных людей»[39].

Характеризуя особенности именно средневекового историзма, Я. С. Лурье писал: «В нашем восприятии событий прошлого всегда своеобразно переплетаются литература и история. Историк узнаёт о прошлом из источников, но источники эти – литературные памятники, проникнутые определённой тенденцией, написанные в той или иной художественной манере. С другой стороны, факт, вошедший в исследования и исторические курсы, постоянно используется как материал писателями нового времени, воплощается (и своеобразно деформируется) в исторических романах,

[36] *Кожинов, В. В.* Историзм // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. М., 1966. Т. 3. С. 227.
[37] Там же.
[38] Там же.
[39] Там же.

драмах, поэмах»[40]. О влиянии истории на литературные произведения различных эпох размышляет и А. А. Шайкин: «Современное произведение только опосредовано историей, тогда как в XI–XV вв. история – это и тема, и предмет, и смысл литературного произведения»[41]. При этом кажется существенным следующее замечание исследователя: «Но литература училась преодолевать этот тотальный и буквальный историзм. Осваивая сферу художественного вымысла, она перестраивалась, приближаясь к современному типу литературного творчества»[42]. Наконец, необходимо учесть предостережение Б. В. Томашевского относительно необоснованного расширения термина «историзм»: «Не следует смешивать историзм как определённое творческое качество с объективным фактом обращения к исторической теме и даже с интересом к прошлому»[43].

Одним из первых, кто предложил отделить литературную составляющую в летописании от исторической и сосредоточиться на художественной специфике «Повести временных лет», был И. П. Ерёмин. По его мнению, человек есть субъект и объект исторического процесса одновременно, в нём конечная цель исторического процесса, а сам этот процесс – проявление Божественной воли. Способом его осмысления для книжника стало погодное изложение событий в летописи. Учёный отмечает: «”Погодный” принцип изложения исторических событий для летописца не случаен; он свидетельствует о закономерной тенденции летописца внести известный порядок в поток подлежащих его обзору фактов, прикрепить каждый из этих фактов к определённой единице времени. Большую услугу оказала ему в этом существовавшая в его эпоху система летосчисления – от сотворения мира. Благодаря этой системе летосчисления каждый летописный факт смог найти своё место, зыбкие “до” и “после” получили свои чёткие

[40] *Лурье, Я. С.* Конец золотоордынского ига («Угорщина») в истории и литературе // Русская литература. 1982. № 2. С. 52.
[41] *Шайкин, А. А.* Предисловие // *Шайкин, А. А.* Поэтика и история. На материале памятников русской литературы XI-XVI веков. М., 2005. С. 3.
[42] Там же.
[43] *Томашевский, Б. В.* Пушкин. Книга вторая (1824-1837). Материалы к монографии. М. ; Л., 1961. С. 155.

границы»[44], в результате чего летописное повествование приобретает такие черты, как фрагментарность и внутренняя противоречивость фрагментов[45].

Статья В. В. Кускова «Проблемы историзма древнерусской литературы XI–XII вв.» не столько даёт решение научной проблемы, сколько формулирует и обосновывает её. Она показывает теснейшую связь историзма с другими, как кажется, частными вопросами:

– как формировалось понятие историзма в древнерусском обществе;

– что понималось тогда под историческим фактом и вымыслом;

– каково было их соотношение;

– прибегали ли древнерусские писатели к обобщениям фактов;

– как соотносился «документализм» с занимательностью[46].

Жанр своего труда исследователь определяет как «этюд», а свою задачу видит в том, чтобы «наметить некоторые общие контуры их решения»[47].

Историческим фактом, по мысли В. В. Кускова, является *событие*, которое характеризуется как «не повседневное, не обыденное, а имеющее важное государственное значение, связанное с военными походами, отражением набегов степных кочевников, заключением мирных договоров, княжескими усобицами, крамолами – темы “войны и мира” с явным преобладанием “темы войны”»[48].

Помимо связанных с военной тематикой исследователь выделяет следующие типов фактов-событий:

– брачные союзы князей, рождение у них детей;

– некрологи о смерти князей;

– строительство князьями каменных храмов;

– известия о церковных делах, сообщения о митрополитах и епископах;

---

[44] *Ерёмин, И. П.* Повесть временных лет // *Ерёмин, И. П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987. С. 49.
[45] Там же.
[46] *Кусков, В. В.* Проблемы историзма древнерусской литературы XI-XII вв. // Труды Отдела Древнерусской литературы. 1997. Вып. 50. С . 303. Далее использую сокращение ТОДРЛ.
[47] Там же.
[48] Там же. - С. 306.

– знамения небесные: затмения солнца, луны, появление кометы Галлея;

– стихийные бедствия: землетрясения, распространение моровых поветрий, нашествия саранчи[49].

Относительно небесных знамений ученый замечает: «Фиксируя эти явления, летописец <…> истолковывал небесные знамения в провиденциальном духе в качестве Божьего знамения, предостережения людям о необходимости отказаться от беззаконий, обратиться к покаянию»[50]. В. В. Кусков размышлял над проблемой историзма и в других работах, в связи с такими аспектами изучения древнерусской литературы, как миросозерцание и система жанров. Учёный выделил три особенности средневекового мышления, основанные на христианском миропонимании: догматизм, авторитарность и систематизация, наложившие свою печать на все сферы жизни, в том числе на литературу и – шире – искусство. Исследователь отмечает: «На характер жанровых систем [церковной и светской – *С. А.*] древнерусской литературы накладывали свою печать догматизм и авторитарность, присущие средневековому мышлению. В сознании господствовала идея незыблемости, неизменяемости установленного самим богом порядка социального, экономического и политического. Считалось, что в мире природы и в жизни человеческого общества нет развития, что самим богом установлен строгий порядок смены времён года, дня и ночи, порядок земной жизни человека с её основными моментами – рождением, браком, смертью. Нет изменения, а повторение являлось определяющим моментом сознания людей. Человек должен неукоснительно следовать установленной традиции, поступать по аналогии, “по чину”, идти путём своих предков»[51]. Сходную мысль высказывал ранее и

[49] *Кусков, В. В.* Проблемы историзма древнерусской литературы XI-XII вв. // ТОДРЛ. 1997. Вып. 50. С. 306 (Последняя группа событий (стихийные бедствия) обозначена так мною - С. А.).
[50] Там же.
[51] *Кусков, В. В.* Характер средневекового миросозерцания и система жанров древнерусской литературы XI – первой половины XIII в. // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. «Филология». 1981. №1. С. 5. Тому же самому

Д. С. Лихачёв: «Часто отсутствие мотивировок, попыток установить причинно-следственную связь событий, отказ от реальных объяснений подчёркивает высшую предопределённость хода истории, её “вечный” смысл»[52].

Систематизация в изобразительном искусстве, по мысли В. В. Кускова, проявлялась в росписи иконостаса «по чинам», а в литературе материал выстраивался по определённым принципам: календарному тематическому и хронологическому. Всякие отступления от канона отмечаются самим книжником, и он просит у читателя за них прощения[53].

Христианское миросозерцание способствовало разделению письменности на две ветви: церковную и мирскую.

Остановимся на суждениях В. В. Кускова относительно светских произведений, а именно исторической повести. По наблюдениям исследователя, историческое повествование имеет две разновидности: воинская повесть и повесть о княжеских преступлениях. «Центральный герой этих произведений – князь-воин, защитник своей страны, “добрый страдалец за Русскую землю”, строитель храмов, ревнитель просвещения. Его антипод – князь-крамольник, нарушающий феодальный правопорядок беспрестанными усобицами, стремящийся добыть себе власть (стол) силой, преступлением»[54].

Одним из проявлений историзма можно считать осмысление и ощущение времени человеком Древней Руси. Эту проблему сформулировал и обосновал Д. С. Лихачёв в монографии «Поэтика древнерусской литературы». Наиболее удобно отразить её содержание в виде тезисов.

Особенности изображения времени в древнерусской литературе

– в Древней Руси время существовало независимо от человека;

порядку подчиняется и время в «Повести временных лет», по наблюдению А. А. Шайкина: «Было, но не прошло; прошлое вновь проявляется в текущих событиях», - пишет исследователь.

[52] *Лихачёв, Д. С.* Художественное время в древнерусской литературе // *Лихачёв, Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С.292.

[53] См.: *Кусков, В. В.* Характер средневекового миросозерцания и система жанров древнерусской литературы XI – первой половины XIII в. // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. «Филология». 1981. №1. С. 5.

[54] Там же. - С. 12.

– время – объект, субъект и орудие изображения;

– время казалось существующим только в объективной данности;

– настоящее воспринималось безотносительно к субъекту времени;

– время для древнерусского автора не было явлением сознания человека.

Время имело свойство замедляться. Это происходило в тех случаях, когда на страницах произведения появлялись:

– диалог / внутренний монолог или молитва героя;

– картинность описания (например, описание боя).

Ещё время могло сужаться. Основания для этого следующие:

– «выделение целого круга явлений в категорию вечного»[55];

– неизменяющимися во времени казались и многие явления «низкой» жизни (бытовой уклад, социальный и экономический строй, общее устройство мира, техника, язык, искусство, наука).

На поэтику времени в древнерусской литературе оказал влияние *закон цельности изображения*, особенность которого в том, что древнерусский автор уместит в рамках словесного текста (или иконы) всё, что кажется ему важным. (Он уменьшит размер изображаемого, но уместит, например, человека «во весь рост»). Закон этот влечёт за собой однонаправленность художественного времени. А если «в житии святого иногда и говорится об ожидающей его судьбе, а в рассказе об исторических событиях приводятся дурные приметы или добрые счастливые предзнаменования, то это не хронологическое нарушение, а попытки придать им вневременной смысл»[56]. С точки зрения Д. С. Лихачёва, «всякое событие имеет свою внутреннюю и внешнюю сторону. Внутренняя сторона для летописца состоит в проявляющейся в них *божественной воле*. Летописец иногда сознательно устраняется от углубления в эту внутреннюю сторону событий, от их *теологических* объяснений. Он отступает от своей “бездумной констатации”

[55] *Лихачёв, Д. С.* Художественное время в древнерусской литературе // *Лихачёв, Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С. 279.
[56] Там же. С. 282.

событий только тогда, когда имеет возможность объяснить их *сверхъестественными причинами*, когда он усматривает в них “перст божий”, *божественную волю* или в тех редких случаях, когда он отвлекается от изложения событий, чтобы прочесть читателям наставление <…>. Летописец стремится видеть события с точки зрения их “вечного”, а не реального смысла»[57]. Относительно связи одного события с другим учёный замечает: «Система изображения течения исторических событий у летописца есть следствие не “особого мышления”, а особой философии истории. Он изображает весь ход истории, а не соотнесённость событий. Он описывает движение фактов в их массе. Прагматическую связь фактов он старался не замечать, так как для него важнее их общая зависимость от *божественной воли*. Факты и события возникают по воле сверху, но не потому, что одни из них вызывают другие в “земной” сфере»[58].

Человек Древней Руси и наш современник воспринимают время неодинаково. У нас восприятие времени линейное, если так можно выразиться, с устремлённостью в будущее. В сознании древнерусского человека есть «переднее» (прошлое) и «заднее» (настоящее и будущее) время. Причём «переднее» – это то, что находится впереди человека (т. е. человек устремлён в прошлое, идеал существует в прошлом).

Таким образом, наиболее заметное влияние историзм оказал на систему жанров древнерусской литературы в целом и на специфику летописного повествования в частности. По словам В. В. Кускова, «сам факт появления летописи – важный уровень исторического самосознания древнерусского общества XI–XII вв.»[59].

---

[57] *Лихачёв, Д. С.* Художественное время в древнерусской литературе // *Лихачёв, Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С. 290 (курсив мой - С. А.).

[58] Там же. С. 292. Неприятие «особого мышления» летописца намекает на скрытую полемику Д. С. Лихачёва с И. П. Ерёминым.

[59] *Кусков, В. В.* Проблемы историзма древнерусской литературы XI-XII вв. // ТОДРЛ. 1997. Вып. 50. С. 305.

1.2 Чудесное / фантастическое в древнерусской литературе (проблема вымысла)

В этом разделе мы попытаемся осмыслить основные понятия нашего исследования*: вымысел, чудесное, фантастическое* и обозначить точки соприкосновения между ними в связи с проблемами изучения древнерусской литературы.

По словам Е. К. Ромодановской, «вымысел является непременным условием существования литературы как вида художественного творчества, и для русской словесности он характерен с древнейших времён»[60]. Близкое по смыслу суждение высказывает и А. А. Шайкин: «<…> древнерусский писатель не выполнял и не мог выполнять чисто художественных заданий. Он прямо привязан к конкретным историческим событиям, к тому, что было. Писатель не ставил перед собой задачи описать правдоподобные, вероятные, но заведомо *вымышленные события*, характеры, обстоятельства. Однако, творя в рамках действительно бывшего, древнерусский писатель уже мог стремиться к живому и конкретному воссозданию действительности, к иллюзии живой жизни. А это не могло быть осуществлено без участия *художественного вымысла*»[61]. Не подлежит сомнению, что вымысел в литературе древней и новой – совсем не одно и то же.

Слово «вымысел» имеет много значений, но нас будут интересовать только два:

– «самый предмет вымысла, то, что вымышлено: выдумка, открытие изобретение»[62];

– «способность писателя представить, вообразить то, что могло бы произойти в реальной действительности»[63].

---

[60] *Ромодановская, Е. К.* Вымысел в литературе XVII века // *Ромодановская, Е. К.* Русская литература на пороге нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 30.

[61] *Шайкин, А. А.* Эпические герои и способы их изображения в «Повести временных лет // *Шайкин, А. А.* Поэтика и история. На материале памятников русской литературы XI-XVI веков. М., 2005. С. 128.

[62] *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1882. Т. 1. С. 302.

В специальной литературе можно обнаружить различение двух типов вымысла. Учёные (И. Лысков, И. А. Белецкий, Т. Ф. Волкова, Е. К. Ромодановская) называют эти два типа по-разному. С точки зрения И. Лыскова, вымысел бывает *мифологический* и *методический*. Мифологический вымысел стремится «раскрыть смысл явлений из жизни природы и человека, найти для него, с точки зрения своего времени, научное обоснование». Примером данного вымысла, по мнению учёного, может служить вымысел эпический. Тогда как методический вымысел отличается намеренным искажением действительности, и он «является приёмом поэтического мышления, посредством которого автор старается объяснить себе то или иное явление, главным образом, из общественной жизни»[64]. В древнерусской литературе господствует вымысел мифологический.

И ещё одно ценное замечание автора словарной статьи: «В основе вымысла лежит не *ложь*, а *правдоподобие* [курсив мой – *С. А.*]. Ложь в поэтическом творчестве настолько же недопустима, как в научном исследовании»[65]. На правдоподобие указывает и Е. К. Ромодановская: «Наряду *с неосознанным* вымыслом, который средневековым человеком воспринимался как реальность, как “историческая правда”, в произведениях может существовать *вымысел в чистом виде*, создающий контекст художественной правды, т. е. художественного *правдоподобия* и художественного *обобщения* действительности. Такой вымысел – основная примета литературы нового времени, теряющей свои деловые функции и ставящей чисто художественные задачи. При этом важно, что произведение, представляющее собой *сознательный* художественный вымысел, как правило, и рассчитано на то, чтобы *быть принятым* за художественный

[63] Краткий словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М., 1978. С. 31-32 (курсив мой – С. А.). Для нас важны именно эти толкования рассматриваемого понятия, поэтому и ссылаемся на данное издания.
[64] *Лысков, И.* Вымысел // Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов : в 2 т. М. ; Л., 1925. Т. 1. - С. 155.
[65] Там же. С. 155-156.

вымысел»[66] [курсив мой – *С. А.*]. А. И. Белецкий обозначает эти типы словами *вымысел* и *домысел*, а Т. Ф. Волкова пишет о *сознательном* и *несознательном* вымысле[67]. Вымысел оказывается связан с такими особенностями древнерусской литературы, как историзм, этикетность и авторское начало.

Размышляя над особенностями средневекового историзма, Д. С. Лихачёв пишет, что собственно историзм является способом художественного обобщения, базирующимся на одном, конкретном историческом факте[68]. Характеризуя разнообразие тем и сюжетов древнерусской книжности, учёный отмечает: «Это повести о битвах (победах и поражениях), о княжеских преступлениях, о хождениях в святую землю и просто о реально существовавших людях: чаще всего о святых и о князьях-полководцах. Есть повести об иконах и о построении церквей, о чудесах, в которые верят, о явлениях, которые якобы совершились»[69]. Но, по мнению Д. С. Лихачёва, «не существует новых произведений на явно вымышленные сюжеты. Эту специфическую черту средневековой письменности исследователь объясняет следующим образом: «Вымысел, со средневековой точки зрения, равен лжи, а любая ложь недопустима <…>. Боясь лжи, писатели основывают свои произведения на документах, которыми считают всю предшествующую письменность»[70]. Однако он отмечает, что «вымысел проникает из фольклора или встречается в переводных сочинениях, при этом вымышленные сюжеты (например, сюжеты притч) на русской почве постепенно приобретают историческую окраску, связываются с теми или иными историческими лицами»[71]. Сходной позиции придерживается Д. С.

---

[66] *Ромодановская, Е. К.* Вымысел в литературе XVII века // *Ромодановская, Е. К.* Русская литература на пороге нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 30.

[67] *Волкова, Т. Ф.* Развитие повествовательности и художественного вымыса в исторической литературе XV-XVII веков. Сыктывкар, 1989. С. 6-8.

[68] *Лихачёв, Д. С.* Введение // История русской литературы X — XVII вв. : учебное пособие для студентов пед. ин-тов / под ред. Д. С. Лихачева. М., 1979. С. 4.

[69] Там же. - С. 6.

[70] Там же.

[71] Там же.

Менделеева: «<…> вплоть до конца XVI века литература Древней Руси не знает собирательно-вымышленных персонажей – её герои являются, по большей части, реально существовавшими историческими деятелями – князьями, полководцами, святыми – и даже в том случае, когда в литературных сочинениях оказывались изображены фольклорно-фантастические существа вроде Стефанита или Ихнилата – героев переводной повести XV века, – отечественные повествователи, похоже, были абсолютно уверены в их подлинном существовании»[72].

Вывод представляется весьма убедительным: «Таким образом, можно заметить, что в отличие от более поздних литераторов русские книжники Средних веков не прибегали к *намеренному художественному вымыслу*, возможно, считая подобные измышления делом недостойным»[73]. Заметим, что Д. С. Менделеева различает две номинации: «книжник» и «литератор», а также противопоставляет творческую манеру авторов Средневековья и Нового времени. Однако, по её мнению, это вовсе не означает, что древнерусские памятники совсем лишены следов литературной обработки, которые могут проявляться в «широкой *свободе трактовки* тех или иных событий, для описания конкретных исторических событий широко использовались традиционные литературные формулы и исторические (часто библейские) аналогии и т. д.»[74]. С этим связано понятие литературного этикета. По словам В. В. Кускова, «следовать “образцу” должен и средневековый писатель, художник. Он лишён права на “самомышление”, своё произведение он должен был строить “по подобию”, по аналогии с образцами, закреплёнными авторитетом “Писания”»[75]. С В. В. Кусковым

[72] *Менделеева, Д. С.* История литературы Древней Руси : учебное пособие для студ. филол. фак. вузов. М., 2008. С. 7-8.
[73] Там же. С. 7-8
[74] Там же. С. 7-8
[75] *Кусков, В. В.* Характер средневекового миросозерцания и система жанров древнерусской литературы XI – первой половины XIII в. // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. «Филология». 1981. №1. С. 5.

солидарна и Е. К. Ромодановская, признающая, что вымысел связан с мировоззрением и мышлением[76].

К противопоставлению эстетических идеалов двух эпох обращается Ю. И. Минералов: «Автор жития святого и составитель летописи, автор церковного акафиста занимались *священным ремеслом* – эстетическое начало в меру личного таланта, конечно, привходило в их произведения, но всё же, как побочное явление. В древнерусской письменности имелись отдельные творения, где, как и в литературе Нового времени, превалирует художественная сторона (“Слово о полку Игореве”, “Поучение” Владимира Мономаха, “Слово о погибели русской земли”, “Моление” Даниила Заточника и др.). Однако они немногочисленны и стоят особняком» (и именно они, по мнению исследователя, представляют наибольший интерес для современного читателя)»[77]. Тогда как писатели Нового времени «занимаются уже не “*священным ремеслом*”, а искусством как таковым; эстетическое начало – первейшее условие их творчества; они заботятся о фиксации своего авторства, стремятся к тому, чтобы их произведения не походили на произведения предшественников, были “художественно оригинальны”, а читатель ценит и считает естественным условием *непредсказуемость* развития художественного содержания, уникальность сюжета»[78].

Своеобразным итогом теоретического осмысления природы и сущности вымысла могут служить суждения Е. К. Ромодановской: «Ориентация на вымысел впервые позволяет более или менее обобщённо, не*”документально”*, а *художественно* говорить о современности, потому что рассказ строится как бы *”вне времени”* (“Повесть о Фроле Скобееве”, “Повесть о Савве Грудцыне”, “История о Василии Кориотском”). Впрочем, для читателя, не подготовленного к восприятию вымысла, такой рассказ

[76]См.: *Ромодановская, Е. К.* Вымысел в литературе XVII века // *Ромодановская, Е. К.* Русская литература на пороге нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. - С. 33.
[77] *Минералов, Ю. И.* Введение // *Минералов, Ю. И.* История русской литературы XVIII века. М., 2007. С. 7
[78] Там же. С. 8-9.

может выглядеть “историческим” <…>. Осознав вымысел как основное содержание беллетристической повести, писатели переходной эпохи активно используют художественный опыт *волшебной сказки* и *притчи* – тех видов словесного творчества, которые издавна опирались на *откровенную фантастику.* Сюжет может возникать на основе самых неожиданных источников неизвестных ранее, таких, как *разрушающийся обряд* или *отмирающие мифологические представления*. Однако первым в новой литературе вымысла <…> появляется *вымышленный герой* – своеобразный знак, сигнал для восприятия вымысла»[79]. Важным выводом учёного представляется утверждение, что сознательный вымысел – достижение литературы переходного периода. Не менее существенно и выявление истоков вымысла, и понимание значимости восприятия вымысла средневековым *читателем*.

Понятия «вымысел» и «фантастическое» сопрягаются Е. К. Ромадановской: «Вымысел же в беллетристике, как переводной, так и оригинальной, бурно развивающейся, начиная с XV в., по-прежнему стоит как бы вне русской жизни: фантастическое могло приходить извне, в переводах: “Александрия”, “Повесть об Индийском царстве”, “Стефанит и Ихнилат”»[80].

А. С. Дёмин пользуется обозначением «древнерусская фантастика» и сосредотачивает своё внимание на источниках этого явления, которые можно распределить по двум группам: книжные (чудесный, квазигеографический, эсхатологический и сатирический) и фольклорные (волшебный и богатырский). Исследователь отмечает: «Первый и главный изобразительный мир древнерусской литературы – это реальная, земная действительность. Но девять иных миров древнерусской литературы – явственно фантастичны,

[79] *Ромодановская, Е. К.* Вымысел в литературе XVII века // *Ромодановская, Е. К.* Русская литература на пороге нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 34-35 (курсив мой – С. А., за исключением *вымышленный герой*).

[80] Там же. - С. 31. Того же мнения придерживается и Д. С. Лихачёв, см.: *Лихачёв, Д. С.* Развитие вымысла // *Лихачёв, Д. С.* Развитие русской литературы XI-XVII веков. (Эпохи и стили). Л., 1973. С. 130-133.

заводят во внереальную или во внеземную жизнь»[81]. Он выделяет десять «изобразительных миров» древнерусской литературы, которые образуют бинарную оппозицию: реальное / фантастическое:

– реальный мир;

– чудеса (ветхозаветные и евангельские, явление ангелов или бесов, глас свыше, чудотворение от икон, исцеление болящих);

– мир волшебный, сказочный (минимально религиозен, существует почти что без вмешательства божественных сил, а проявляется в земной жизни не в виде эпизодических вспышек, а как постоянная обстановка отдельных областей на земле);

– изображение чрезвычайно далёких, экзотических, уже полностью фантастических земель, людей и животных. Близко литературе Нового времени, но редко для древнерусской словесности. «Древнерусские книжники словно бы стеснялись столь резких отклонений от жизненного правдоподобия, или опасались в сочинениях подолгу толковать о столь малосимпатичных отдалённых землях и быстро возвращались к более привычной тематике – исторической, хронографической, библейской агиографической»[82];

– описание земного рая, Эдема, в котором находились Адам и Ева и который после их изгнания продолжает оставаться где-то на земле;

– картины ада. Представлялись где-то под землёй в виде колоссальной подземной полости;

– изображение небес – самый идеализированный, но зато и самый пустоватый мир;

– будущее (представление о конце света: от нашествия варваров до рождения антихриста);

– богатырский мир («Повесть о Еруслане Лазаревиче»);

---

[81] *Дёмин, А. С.* Древнерусская фантастика // *Дёмин, А. С.* О художественности древнерусской литературы. От Нестора до Аввакума. М. ; Л., 1998. С. 695.

[82] *Дёмин, А. С.* Древнерусская фантастика // *Дёмин, А. С.* О художественности древнерусской литературы. От Нестора до Аввакума. М. ; Л., 1998. С.698.

– образно-саркастический мир («Сказание о роскошном житии и веселии»))[83].

Примечательно, что автор этой концепции рассматривает чудо как одно из проявлений фантастики.

Под «фантастикой» мы понимаем «специфический метод художественного изображения, использующий художественную форму-образ (объект ситуацию, мир), в котором элементы реальности сочетаются несвойственным ей, в принципе, способом, – невероятно, “чудесно”, сверхъестественно»[84] (определение, сформулированное Р. Н. Нудельманом). Для нас ключевым словом является «метод» как способ конструирования реальности более или менее правдоподобной, важна также констатация, что чудо является одним из проявлений фантастики. Отметим ещё один существенный момент: дуализм фантастики, то есть искомое понятие можно рассматривать и как приём – «средство изобразительности и выразительности», – и как «содержательную категорию»[85].

Однако оригинальная древнерусская литература не знает (или, по меткому замечанию Д. С. Лихачёва, «считает, что не знает») вымысла как такового, поэтому целесообразно, на наш взгляд, для анализа разнообразных “сверхъестественных” явлений использовать понятие «чудо» (чудесное). Так, например, А. Н. Робинсон писал: «Наряду с историчностью и документальностью древнерусская литература содержала немало легенд и фантастических представлений. Но художественный вымысел и литературная фантазия в ней только зарождались. Писательский вымысел касался главным образом фантастической интерпретации реальных событий. При этом какой-либо творчески развитой системы вымышленных образов и разветвлённого сюжета не возникало. Повествование, даже безусловно легендарное (например, относящееся к религиозной фантастике), ценилось в древнерусском обществе как историческая правда, а не как писательское

[83] Там же. С. 695-702.
[84] *Нудельман Р.* Н. Фантастика // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. М., 1972. Т. 7. С. 887.
[85] *Чумаков, В. М.* Фантастика и её виды // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. «Филология». 1974. № 2. С. 68.

“сочинение”»[86]. То есть сверхъестественные явления воспринимались как реальные.

В завершение скажем, что два понятия вступают в отношения целого и его части, то есть понятие «фантастика» значительно шире «чуда» (чудо – одно из проявлений фантастики). Применительно к древнерусской книжности, как нам кажется, нужно быть очень осторожным в использовании термина «фантастика», предпочитая обозначение «фантастическое», поскольку древнерусская литература старалась оградиться от вымысла художественного, а если он и проявлялся, то «фантастическое либо *воспринималось за правду*, либо считалось *нравоучением*, существовавшем в Евангелии. Фантастическое как бы выносилось за пределы Русской земли, где оно легче могло восприниматься как *действительно бывшее* (“Повесть о Басарге”)»[87].

[86] *Робинсон, А. Н.* В. Ф. Переверзев и его книга о литературе Древней Руси // *Переверзев, В. Ф.* Литература Древней Руси. М., 1971. С. 288.

[87] *Ромодановская, Е. К.* Вымысел в литературе XVII века // *Ромодановская, Е. К.* Русская литература на пороге нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 33 (курсив мой — С. А.).

1.3 Об особенностях жанра древнерусских воинских повестей

Несмотря на давнюю традицию изучения истории и поэтики древнерусской воинской повести, вопросов остаётся едва ли не больше, чем ответов. В частности, каково взаимоотношение жанров: воинской и исторической повести, воинской повести и героического сказания? Является ли повесть воинская самостоятельным жанром древнерусской книжности и др.? Сам термин «воинская повесть» принимается не всеми исследователями: «воинская повесть», «историческая повесть», «воинское повествование», «рассказы о военных походах князей», – всё это названия одного явления. В этой связи очень показательно, на наш взгляд, суждение Н. В. Трофимовой, согласно которому «термин “воинская повесть” используется в литературоведении давно. Однако нельзя сказать, что это понятие определено исчерпывающе. Чаще встречаем попытки определить более широкое жанровое понятие – повесть вообще, в том числе и в древнерусской литературе»[88]. Причина подобных терминологических разночтений кроется в том, что словом «повесть» древнерусские книжники обозначали любое произведение повествовательного характера. Яркой иллюстрацией тому может служить определение древнерусской повести, обнаруженное в «Краткой литературной энциклопедии»: «*Повесть древнерусская* – это название жанра древнерусской литературы, объединяющее повествовательные произведения разного характера»[89]. При этом в науке *нет* единого определения как воинской повести, так и повести вообще. Для обозначения «повествовательности» произведения существуют три термина: «повесть», «историческая повесть» и, наконец, «воинская повесть». Отметим, что мы принимаем жанровое обозначение «воинская повесть», так как оно представляется нам наиболее точным, поскольку даже те исследователи,

[88] *Трофимова, Н. В.* О некоторых закономерностях в развитии жанра древнерусских воинских повестей / Н. В. Трофимова // Герменевтика русской литературы. Москва : ИМЛИ РАН, 1994. Сб. 7, ч. 1. С. 38.
[89] *Державина, О. А.* Повесть древнерусская // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. М., 1968. Т. 5. С. 817.

которые отказывают этим произведениям в самостоятельном жанровом статусе (например, Н. В. Трофимова), отмечают особенности, присущие именно воинским повестям (прежде всего – это объект изображения)[90]. Плодотворная попытка обозначить очертания исторической повести предпринята Н.И. Прокофьевым. Он выделяет следующие признаки исторической повести. Их, на наш взгляд, можно отнести и к воинской:

1. Эпичность жанра;
2. Историзм событий и персонажей;
3. Построение на основе логико-художественной обусловленности или по хронологии;
4. Включение внутрь повести других литературных форм;
5. Преимущественное внимание к событиям, а не к их участникам;
6. Реально-правдивый способ изображения[91] (основные признаки).

К дополнительным признакам исследователь относит особый тип повествователя и язык произведений.

Один из первых исследователей исторических повестей А. С. Орлов во введении к монографии «Слово о полку Игореве», размышляя о типах исторического повествования, справедливо называет совокупность повестей историческим повествованием, при этом оговариваясь: «<…> исторические повести древней Руси являются “воинскими”. Эти воинские повести не равны по степени реальности»[92]. Выводы учёного можно представить в виде классификации:

---

[90] Кажется спорным суждение Ю. К. Бегунова: «Это название условное (повесть). Повести о героях (героические) и о воинах (воинские) не составляют самостоятельного жанра. Как литературные произведения они принадлежат разнообразным жанрам: летописной повести, летописному погодному известию, легендарно-политическому сказанию, притче, автобиографии, духовному завещанию. Особняком стоят прекрасные произведения древнерусской литературы: "Слово о погибели Русской земли", "Слово о полку Игореве" и "Задонщина": по жанру - это лироэпические поэмы, написанные ритмически организованной художественной прозой в особом ключе, близкие к фольклорным произведениям» (*Бегунов, Ю. К.* За землю Русскую! // Памятники литературы Древней Руси XI—XV веков. - М. : Советская Россия, 1981. С. 12.

[91] *Прокофьев, Н. И.* О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI—XVI вв. // Литература Древней Руси : сборник трудов. М., 1975. Вып. 1. С. 31-32.

[92] *Орлов, А. С.* Введение // *Орлов, А. С.* Слово о полку Игореве. М. ; Л., 1946. С. 8.

1. Повести, отражающие действительные факты с сохранением деталей (летописные повести).

2. Повести, которые изображают сочинённую картину, лишённую действительных черт события[93].

3. Смешанный тип повествования.

И. П. Ерёмин развил и углубил изучение различных форм летописного повествования. Исследователь выделил пять таких форм: *погодная запись*, *летописное сказание*, *летописный рассказ*, *документы из княжеских архивов* и *летописная повесть*[94]. Подробнее мы остановимся на двух формах: на летописном рассказе и летописной повести, так как они оказали значительное влияние на воинскую повесть, поскольку, если иметь ввиду генезис и характер бытования этого жанра, то все произведения можно поделить на *летописные* и *внелетописные*. Следует отметить, что летописных воинских повестей значительно больше.

Летописный рассказ – это рассказ в буквальном смысле слова. Он является прямым отражением реальной действительности. Как правило, такие рассказы составляются по свежим следам очевидцем события или с его слов.

Рассказчик – человек определённой эпохи, определённого социального статуса, определённых политических взглядов. Способ изложения характеризуется документальностью, строгой фактичностью (чётко обозначается дата события и его участники), протокольностью описаний, сухой деловитостью тона.

В летописном рассказе можно обнаружить авторское присутствие. Оно проявляется в оценках событий, характеристиках персонажей.

Эта форма летописного повествования интересна нам, так как является одним из источников возникновения воинской повести.

---

[93] Там же.

[94] См. лекцию И. П. Ерёмина «Формы летописного повествования» (*Ерёмин, И. П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987). С. 55-64

Другая форма летописного повествования, заслуживающая внимания, – это *летописная повесть*. Она во многом похожа на рассказ, но в то же время имеет ряд отличительных черт. Прежде всего, к таковым можно отнести более абстрактное, чем в рассказе, изображение действительности. Это объясняется следованием автора литературным нормам. В центре повести – идеальный образ князя, наделённого всевозможными христианскими добродетелями. В этом можно усмотреть приметы агиографического стиля. Повесть, как и житие, изображает человека лишённым индивидуальности. Её герои напоминают один другого, произносят одни и те же речи, поступают одинаково в сходных ситуациях.

По определению И. П. Ерёмина, летописная повесть – это «повествование особого типа, посвящённое рассказу о смерти того или иного князя, своеобразный некролог»[95]. Формирование жанра летописной повести закончилось тогда, когда к некрологу добавились формулы житийного стиля, рассказ о событиях, которые предшествовали смерти князя, рассказ о смерти князя.

Летописная повесть интересует нас как фактический материал для воинской повести. Сюжеты летописных повестей подверглись литературной обработке. Воинская повесть явилась одним из результатов этих переложений.

1. «Воинская повесть летописная основана на народном предании. Вымысел чисто народного (фольклорного) свойства;

2. Одногеройна;

3. Сюжет строится на одном эпизоде, которому подчинены другие;

4. Автор почти не вторгается, он лишь повествователь;

5. Исторических реалий немного»[96].

---

[95] *Ерёмин, И. П.* Формы летописного повествования // *Ерёмин, И. П.* Лекции и статьи по древней русской литературе. Л., 1987. С. 57.

[96] *Архангельская, В. К.* Материалы к практическим занятиям по истории древнерусской литературы // Архив В. К. Архангельской в Учебной лаборатории «Кабинет фольклора им. проф. Т. М. Акимовой». П. 1. Т. 25. Л. 3.

Возражает И. П. Ерёмину О. В. Творогов, который отвергает термин «летописная повесть». Учёный не считает целесообразным делить летописный материал на рассказы и повести, тем самым расширяя понятие «летописный рассказ». Исследователь выделяет два типа летописных рассказов: *рассказы-предания (летописные сказания)* и «*летописные рассказы в собственном смысле слова»* в зависимости от задачи повествования: сообщения или описание[97]. Мы полагаем, что более дробное выделение форм летописного повествования, предпринятое И. П. Ерёминым, правомернее.

А. С. Орлов в работе «Об особенностях формы русских воинских повестей» предлагает выделять воинские повести «в особый литературный род», выработавший свои поэтические приёмы LOCI COMUNNES, причём воинские формулы – это не прямые текстуальные заимствования, а механические, так как картины битв передавались одними и теми же выражениями. Для образования и признания литературного шаблона громадную роль играли летописи, из которых эти шаблоны были взяты[98]. То есть учёный, по сути, описал явление, которое позднее Д. С. Лихачёв назовёт *«литературный этикет»*[99]; он также намечал сюжетно-композиционную структуру, ведь с помощью устойчивых формул передавались узловые моменты воинской повести.

А. С. Орлов выделил следующие жанровые признаки воинской повести:

1. Наличие отдельных слов и формул: «и бысть сеча зла и ужасна» и т. п.
2. Последовательное (летописное) изложение событий.

---

[97] *Творогов, О. В.* Сюжетное повествование в летописях XI-XIII в. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 35-36.
[98] См.: *Орлов, А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей. М., 1902. С. 3.
[99] См.: *Лихачёв, Д. С.* Литературный этикет // *Лихачёв, Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М. ; Л., 1963.

3. Религиозно-патриотическая идея: поведение неприятеля «по наущению Диавола»[100].

Конкретизирует тезис о влиянии летописи на воинскую повесть И. П. Еремин: «”Воинская повесть” <…> к началу XII века ещё не успела полностью сформироваться: чёткие жанровые очертания “воинская повесть” стала приобретать только в XII–XIII вв. под пером ближайших продолжателей “Повести временных лет”. Отпочковалась “воинская повесть” от погодной записи; это погодная запись, развёрнутая до повести»[101]. Жанровые особенности воинской повести, по мнению учёного, – это:

1. Многогеройность;

2. Фактичность;

3. Сухость повествования;

4. Объединение по временной последовательности в рамках одного повествовательного ряда всех эпизодов (фрагментов) этого ряда[102].

В. К. Архангельская суммирует наблюдения А. С. Орлова и И. П. Ерёмина, дополняя их и расширяя: воинская повесть «по форме рассказ о событии; её характеризует: многогеройность (князья, дружина, враги); тема военная; обязательные общие места (речи князя к дружине, при описании боя формулы: летят тучи стрел, реки крови, фразеологизмы: потопташа полки, взяша город на щит, помощь Бога и Святых, возможно обращение к фольклору)»[103].

Своеобразный итог по вопросу о формировании воинской повести в недрах древнейшего летописания подводит Н. В. Трофимова. Основной формой изложения событий в «Повести временных лет» является *погодная*

[100]См.: *Орлов, А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей. М., 1902. С. 6.
[101] *Ерёмин, И. П.* Повесть временных лет как памятник литературы // *Ерёмин, И. П.* Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. Л., 1966. С.84.
[102] Там же.
[103] Архангельская, В. К Материалы к практическим занятиям по истории древнерусской литературы // Архив В. К. Архангельской в Учебной лаборатории «Кабинет фольклора им. проф. Т. М. Акимовой». П. 1. Т. 29. Л. 3-3 об.

запись. Н. В. Трофимова разделяет их на две группы: *погодные записи краткого типа* и *развёрнутые (распространённые) погодные записи*[104].

Погодные записи краткого типа, как правило, сообщают о событии в одной фразе: «**в лѣто 6422 иде Олегъ на древляны**»[105] (запись под 914г.). Для раскрытия нашей темы более интересен второй тип погодных записей, так как в них намечается структура и вырабатываются стилистические приёмы будущей воинской повести. Н. В. Трофимова выделяет среди распространённых записей два типа повести: *историко-легендарная* и *реально-историческая* повесть[106]. «Историко-легендарная повесть рассказывает о реальных событиях, но на основе предания. Предположительно летописцы прибегают к нему в тех случаях, когда о событиях не было письменного источника (походы первых русских князей на Византию, осада русских городов)». Её характеризуют:

– «объект – битвы с внешними врагами;

– трёхчастная структура, в отдельных случаях основы цепочечного построения;

– исторические или легендарные герои изображены через их поступки;

– незначительное количество формул»[107].

В качестве примера исследовательница приводит сказание о Кожемяке под 993 г., сюжет о поединке Мстислава с Редедей под 1022 г. и др.

Другая группа носит название *реально-историческая повесть*. «Эти произведения также повествуют о реальных событиях, но опираются как на свидетельства очевидцев этих событий, так и на письменные источники». Их характеризуют:

– «объект – междоусобные битвы и сражения с внешними врагами;

---

[104] См.: *Трофимова, Н. В.* Древнерусская литература XI-XVII вв. Воинская повесть. Курс лекций. Развитие исторических жанров: материалы к спецсеминару. М., 2000. С. 18.
[105] Повесть временных лет : в 2 т. М. ; Л., 1950. Т. 1. С. 14. - (Литературные памятники).
[106] *Трофимова, Н. В.* Указ. соч. С. 18.
[107] *Трофимова, Н. В.* Древнерусская литература XI-XVII вв. Курс лекций. Развитие исторических жанров : материалы к спецсеминару. М., 2000. С. 18-19.

– трехчастная структура (столкновение войск, сама битва, её исход), приёмы усложнения сюжетно-композиционной схемы (сообщение в одной статье о нескольких походах);

– исторические герои изображены различными приёмами;

– последовательное использование формул»[108].

Как пример исследовательница приводит сюжеты о борьбе Ярослава с печенегами, помещённые под 1034 г., о междоусобной войне Ярославичей с Всеславом Полоцким под 1067 г. и др.

Н. В. Трофимова дает наиболее полное и развёрнутое представление о жанровом своеобразии воинской повести, её типах, особенностях поэтики. Она включает воинскую повесть в разряд исторических повествований с оговоркой: «Воинскую же повесть выделяет объект повествования: *сражение, поход, осада города*»[109].

Исследовательница выделяет ряд жанровых признаков, характерных для этих произведений:

1. Жанрообразующий – объект повествования: *поход, битва, осада города*.

2. Способ обобщения – реально-исторический, возможны элементы легендарно-исторического и идеализирующего.

3.Логико-хронологическая структура:

а) повествование о подготовке битвы;

б) описание сражения;

в) рассказ о последствиях военного столкновения.

Сюжет медленно развивающийся с неярко выраженной кульминацией. Часто события передаются не через связное повествование, а через цепь сообщений. Возможно использование плачей, видений, чудес как элементов структуры произведений.

---

[108] Там же.

[109] *Трофимова, Н. В.* Древнерусская литература XI-XVII вв. Воинская повесть. Курс лекций. Развитие исторических жанров : материалы к спецсеминару. М., 2000. С. 8.

4. Повествователь лишён биографических черт, не всегда выступает как лицо, заинтересованное в победе одной из сторон. Способами выражения его позиции служат изобразительно-выразительные средства, реплики и отступления, ретроспективная историческая аналогия.

5. Язык воинских повестей живой *древнерусский*, использует малое количество тропов[110].

Учёный делит все воинские повести на *информативные* и *событийные*. В основание своей классификации Н. И. Трофимова выдвигает три критерия:

1. Приёмы изображения событий, своеобразие развития сюжета.
2. Особенности изображения персонажей.
3. Использование повествователем художественных средств и формул[111].

«Повести *информативного* типа характеризуются ослабленным сюжетным развитием, краткой передачей основных фактов в виде сообщений, зачастую связанных лишь хронологической последовательностью. Описание битвы обобщённо, предстаёт как единый статический эпизод. В повествованиях этого типа князья НЕ являются активно действующими героями, их поступки чаще всего автора не интересуют, поскольку главное для него – перечисление основных событий. Поэтому в повестях этого типа редки изобразительно-выразительные средства, характеристики героев; рассказ отличается сдержанностью, малой эмоциональностью, если она и выражена, выявляется преимущественно путём провиденциалистских рассуждений, широко использующих библейские цитаты и ретроспективную историческую аналогию. Для изображения битв авторы часто применяют формулы»[112].

«Повести *событийного* типа характеризуются развёрнутым повествованием, сюжет которого развивается более напряжённо и

---

[110] Там же. С. 8-9.
[111] *Трофимова, Н. В.* Древнерусская литература XI-XVII вв. Воинская повесть. Курс лекций. Развитие исторических жанров : материалы к спецсеминару. М., 2000. С. 10.
[112] Там же. С. 14.

мотивированно, что, как правило, связано со значительным вниманием повествователя к персонажам; подробным изображением битв, соединяющим воинские формулы с конкретными историческими деталями реальных событий; более широким использованием изобразительно-выразительных средств. Повествователи проявляют отношение к событиям с помощью дидактических отступлений и через прямые пояснения и оценки действий персонажей»[113].

Как явствует из размышлений учёного, разновидностью произведений событийного типа является *событийно-повествовательная* повесть. Она характеризуется следующими особенностями: развёрнутым сюжетом, более напряжённое развитие которого связано со значительным вниманием повествователей к персонажам произведения, в первую очередь к главному герою – князю; подробное повествование о битвах, соединяющее воинские формулы с конкретными деталями реальных событий, более широкое использование тропов, причём они, помимо оценочной, реализуют изобразительную и эмоционально-эстетическую функцию[114]. Повесть этой разновидности укладывается в рамки традиционной логико-хронологической структуры: подготовка к битве – сражение – последствия битвы. Исследовательница замечает, что «каждый из этих основных этапов повествования приобретает в повести подробную сюжетную разработку; включает в себя ряд эпизодов, точно и детально передающих ход событий»[115]. А способ изображения главного героя (князя) – идеализация.

Мы располагаем двумя весьма близкими определениями изучаемого понятия. Одно находим в «Краткой литературной энциклопедии»: «Воинская повесть – жанр древнерусской литературы XI–XVII вв. Представляла собой светскую историческую повесть, как оригинальную, так и переводную, посвящённую изображению воинских подвигов с описанием битв, воинского

[113] Там же. С. 15.

[114] См. *Трофимова, Н. В.* О некоторых закономерностях в развитии жанра древнерусских воинских повестей / Н. В. Трофимова // Герменевтика русской литературы. М., ИМЛИ РАН, 1994. Сб. 7, ч. 1. С. 40.

[115] *Трофимова, Н. В.* О некоторых закономерностях в развитии жанра древнерусских воинских повестей / Н. В. Трофимова // Герменевтика русской литературы. М., ИМЛИ РАН, 1994. Сб. 7, ч. 1. С. 41.

быта»[116]. Другое приводится в словаре-справочнике «Литература и культура Древней Руси» под редакцией В. В. Кускова: «Повесть воинская – жанр древнерусской литературы XI–XVII веков светского исторического повествования, как оригинального, так и переводного, посвящённого описанию воинских подвигов, битв»[117].

В. В. Кусков выстраивает историю древнерусской воинской повести в соответствии с основными этапами отечественной истории и логикой литературного развития.

Воинская повесть XI – начала XIII века рассказывает о борьбе русских дружин со степными кочевниками: печенегами, половцами. Центральный герой – реальная историческая личность, князь, наделённый, как правило, идеальными качествами, христианскими добродетелями. Красочному, лаконичному описанию сражений служат устойчивые стилистические формулы, прочно закреплённые за этим жанром, в том числе и в «Слове о полку Игореве» (большинство этих текстов по сути – летописные рассказы);

– основополагающим историческим фактом для формирования и существования жанра явилось монголо-татарское нашествие. Мужество героя перед непобедимым врагом приобретает трагический оттенок и черты христианского подвижничества («Повесть о битве на реке Калке», «Повесть о приходе Батыя на Рязань»). После Куликовской битвы воинская повесть окрашивается в мажорные, победные тона. Подвиг воина тесно связан с укреплением могущества единого русского государства;

– значительно обогащают жанр воинской повести «Сказание о Мамаевом побоище» и «Повесть о взятии Царь-града» Нестора Искандера. Изменения военной техники, появление артиллерии, огнестрельного оружия приводят к новым средствам описания сражений, широко вводятся картины вещих знамений, в уста героев вкладываются благочестивые молитвенные размышления-монологи;

---

[116] *Автономова, А. П.* Воинская повесть // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. М., 1964. Т. 1. С. 1015.
[117] *Кусков, В. В.* Повесть воинская // Литература и культура Древней Руси : словарь-справочник / под ред. В. В. Кускова. М., 1994. С. 123.

– затем новые начала получили наиболее полное развитие в «Истории о Казанском царстве» (вторая половина XVI века), а затем в исторических повестях Смутного времени, где уже появляются новые принципы изображения человека, стремление показать его многогранность и противоречивость поведения и характера (это исторические повести с воинским сюжетом);

– завершающим этапом истории воинской повести, связанной с её демократизацией, является середина XVII века. Яркий тому пример «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков»[118].

Во второй половине XVII века, по мнению В. В. Кускова, жанр воинской повести начинает изживать себя, уступая место бытовой и приключенческой повестям[119].

Художественную значимость чудесного осознавал А. С. Орлов. Он отмечает большую роль монголо-татарского нашествия в развитии воинской повести: «Оно [нашествие – *С. А.*] было причиной усиления религиозной стихии, зачатки которой были даны сказаниями, посвящёнными борьбе с <…> половцами»[120]. В этот период создавались произведения «с элементом заступничества божественной силы». Эти произведения учёный делит на два вида: повествования, сосредоточенные вокруг той или иной иконы, святыни, и собственно воинская повесть с одним чудесным эпизодом в рассказе. То есть чудесное служит основанием для деления повестей на две группы. При этом все без исключения учёные подчёркивают значимость и выразительность молитвенных обращений (Д. С. Лихачёв, И. П. Ерёмин, Л. А. Дмитриев и др.). Н. В Трофимова даже выделяет две их функции: *этикетную* и *эмоциональную*[121].

---

[118] *Кусков, В. В.* Повесть воинская // Литература и культура Древней Руси : словарь-справочник / под ред. В. В. Кускова. М., 1994. С. 123-124.
[119] Там же. С. 124.
[120] *Орлов, А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей. М, 1902. С. 4.
[121] См.: *Трофимова, Н. В.* Древнерусская литература XI-XVII вв.: курс лекций; развитие исторических жанров : материалы к спецсеминару. М., 2000.

Таким образом, мы имеем основания считать воинскую повесть особым жанром древнерусской литературы, так как её сюжетно-композиционная структура в целом неизменна: подготовка к битве – сражение – последствия битвы. А всевозможные расширения (включения чудес, видений, плачей) являются *дополнительными* признаками. Нельзя не согласиться с итоговыми суждениями Н. В. Трофимовой: «Воинская повесть, уже в первые века своего существования имевшая две разновидности, в одной из них, событийно-повествовательной, прошла долгий путь от простейшей логико-хронологической структуры до сложного и многогранного исторического повествования, подготовившего развитие исторического повествования в более позднее время»[122].

[122] *Трофимова, Н. В.* О некоторых закономерностях в развитии жанра древнерусских воинских повестей / Н. В. Трофимова // Герменевтика русской литературы. М., ИМЛИ РАН, 1994. Сб. 7, ч. 1. С.50.

1.4 Летописные истоки воинской повести

Прежде чем подробно рассматривать собственно воинскую повесть, сложившуюся в XIII–XV вв., обратимся к её летописным истокам с целью показать тесную связь летописи с произведениями о ратных подвигах. Для этого привлечём древнейшее летописание («Повесть временных лет») и два летописных рассказа о походе Игоря на половцев под 1185 г. (по Ипатьевскому и Лаврентьевскому спискам).

В условиях синкретизма древнерусской литературы вопрос о взаимовлиянии жанров всегда привлекал внимание исследователей. В нашем случае примером синкретизма могут служить так называемые воинские жития (термин В. Ф. Переверзева), заслуживающие отдельного исследования, в том числе и в рамках проблемы воплощения чудесного.

Известно, что представление о художественности в средневековой и новой литературе различно. Если в литературе Нового времени главенствует воля автора, то древнерусская отдавала предпочтение историческому факту. Вымысел же начинает играть важную роль только в XVI–XVII вв. По наблюдениям И. П. Ерёмина, «стремление отобразить мельчайшие подробности фактов, разного рода “реалии” <…> свойство многих древнерусских писателей, изображавших жизнь, какая она есть»[123]. Однако, по мнению учёного, точное следование факту не исключало субъективного взгляда книжника на описываемые им события, так как отбор материала – это уже проявление субъективности.

В этой связи наше обращение к «Повести временных лет», древнейшему памятнику русского летописания, с целью выявить в нём истоки воинской повести – неслучайно. В специальной литературе (труды А. С. Орлова, И. П. Ерёмина, О. В. Творогова и других) влияние летописи на

[123] *Ерёмин, И. П.* О художественной специфике древнерусской литературы // *Ерёмин, И. П.* Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. М. ; Л, 1966. С. 246.

формирование воинской повести не отрицается, ведь большинство воинских повестей является частью летописи.

«Повесть временных лет» была создана, как установлено, в начале XII столетия и дошла до нас в составе летописных сводов более позднего времени. Самые старшие из них: Первая Новгородская летопись (30-е гг. XIV в.), Лаврентьевская (1377 г.) и Ипатьевская (20-е гг. XV в.)[124]. В настоящей работе мы обратимся к тексту Лаврентьевской летописи, так как он является наиболее целостным.

В составе «Повести временных лет» насчитывается более двух десятков сюжетов, посвящённых военным действиям. Их можно поделить на несколько тематических групп: завоевательные походы русских князей на греков (например, поход Олега на Царьград под 907 годом); борьба с печенегами (например, подвиг юноши Кожемяки под 993 годом); борьба с половцами (первое известие о половецком нашествии датировано 1068 годом); сюжеты о княжеских преступлениях (например, сюжет об ослеплении Василька Теребовльского под 1097 годом); сюжеты с мотивом небесного заступничества (например, поединок Мстислава с Ределею под 1022 годом). Сюжеты о походе Олега и о поединке Мстислава мы рассмотрим подробно, так как летописный стиль раскрывается в них с наибольшей полнотой.

Такое тематическое разнообразие даёт нам возможность поразмышлять о жанровом своеобразии летописного повествования, поэтому, прежде чем анализировать конкретные сюжеты, попытаемся учесть некоторые, особенно важные для нас, теоретические разночтения.

Из всего многообразия форм летописного повествования нас интересуют три: *рассказ, сказание* и *повесть*.

[124] См.: *Кусков, В. В.* История древнерусской литературы. М., 2006. С. 49-50.

И. П. Хрущёв полагает, что сказание повествует о событии, которое летописец «видел своима очима» или слышал от очевидцев, а повесть – это, если так можно выразиться, литературная обработка сказания[125].

Разделение летописных повествований на повесть и рассказ наталкивает на мысль о связи воинской повести с героическим сказанием (С. Н. Азбелев). Героическое сказание – это «эмоционально приподнятое повествование о подвигах»[126]. Оно содержит средства выразительности, поскольку призвано увлечь слушателей, следовательно, для этого жанра важен вымысел, хотя историческая основа всё же первична. Особенность русских героических сказаний состоит в сближении с историческими песнями.

Такая разноголосица исследовательских мнений может свидетельствовать о том, что древнерусские книжники не придавали большого значения жанровым обозначениям своих творений, могли с лёгкостью заменить одно наименование жанра другим.

Целесообразно систематизировать типы летописного повествования по признаку завершённости / незавершённости сюжета. Мы используем термин «повествование», так как он представляется наиболее точным общим обозначением для характеристики разнообразного летописного материала. Итак, «воинские» сюжеты с точки зрения завершённости / незавершённости являют собой: краткое сообщение о факте (например, «**в лѣто 6422 иде Олегъ на древляны**»)[127]; незавершённые сюжеты (например, рассказ о половецком нашествии под 1097 годом); завершённые сюжеты (например, месть Ольги древлянам под 945 годом). Заметим, что более древние сюжеты (рассказы о походах Олега и Святослава) теснее связаны с фольклорной

[125] См.: *Хрущёв, И. П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях. Киев, 1878. С. 8.
[126] *Азбелев, С. Н.* Литература периода национально-освободительной борьбы и становления единого русского государства // Русская литература и фольклор XI-XVIII в. Л., 1970. С. 61.
[127] Повесть временных лет : в 2 т. М. ; Л, 1950. Т. 1. С. 31. (Литературные памятники). Далее цитируется это издание с указанием страниц в квадратных скобках.

традицией, прежде всего с народным эпосом и сказкой[128], более поздние сюжеты подвержены влиянию книжной традиции, прежде всего византийских хроник. В XVI–XVII вв. в летописном повествовании появляются «назидательность» и «беллетристичность»[129].

А. А. Пауткин в статье, посвящённой батальным описаниям в «Повести временных лет», пишет: «Батальная часть летописи фиксируется обычно в качестве полноправного, но неделимого компонента»[130]. Исследователь предлагает тематическую классификацию батальных описаний: осада города, полевая битва, поединок[131]. Отметим, что учёный обращает внимание и на устойчивые воинские формулы в летописи. Например, формулы «**изнѣмогахѹ в градѣ людьє**» и «**бысть глад вѣлик**» использовались при передаче трудностей при защите города[132].

Обратимся к сюжету о походе Олега на Царьград: «**в лето 6415** (907) **идѣ Олег на Грекы, Игоря остави Киевѣ дѫ. И придѣ къ Царюграду; и греци замкоша Сѹдъ, а градъ затвориша. И выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача, и много ѹбийств сотвори около града грекомь, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имахѹ пленникы, овехъ посекахѹ, Другиа же мучахѹ, иныя же растреляхѹ, а другыя в море вметахѹ, а ина много зла творяхѹ русь грекомь, елико же ратнии творять**» [23-24].

Приведённый фрагмент наглядно показывает черты летописного стиля: летописный зачин, характерный для подавляющего большинства воинских повестей (например, «**в лето 6745 придє безбожный Царь Батый на *рускую* землю**»)[133]; сжатость изложения; последовательная передача

---

[128] См.: *Адрианова-Перетц, В. П.* Историческая литература XI-нач. XVвв. и народная поэзия // *Адрианова-Перетц, В. П.* Древнерусская литература и фольклор. М., 1972.
[129] См.: *Лихачёв, Д. С.* Об отношении литературных жанров между собой // *Лихачёв, Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1963. С. 48-49.
[130] *Пауткин, А. А.* Батальные описания «Повести временных лет. (Своеобразие и разновидности) // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. «Филология». 1981. № 5. С. 13.
[131] Там же.
[132] Там же. С. 16.
[133] Повесть о разорении Рязани Батыем // Воинские повести Древней Руси. М. ; Л., 1949. С. 9. (Литературные памятники).

событий. Обращает на себя внимание своеобразная ритмическая организация фразы с логическим ударением на глагол: «замкоша», «затвориша», что позволяет передать стремительность развития событий. Но всё же главная черта этого стиля – предельная краткость изложения. Читателю известен лишь результат военных действий. Вероятно, задача летописца состояла в том, чтобы зафиксировать факт похода.

Обратимся теперь к эпизоду в составе сюжета о восстании волхвов под 1024 годом для того, чтобы отметить наличие специальных стилистических формул, сформировавшихся уже в летописном повествовании. С их помощью авторы воинских повестей описывали самый напряжённый момент развития сюжета – боевое столкновение.

Восстание волхвов в Суздале, подавленное князем Ярославом, и последовавший за ним голод были восприняты правителем как наказание за грехи. Сам князь говорит об этом так: «**Бог наводит по грехомь на куюждо землю гладом или моромь ѧѩ а человекъ не весть ничтоже**» [100]. Отметим, что эту мировоззренческую установку подхватывает и даже усиливает воинская повесть.

Вернёмся к разбору сюжета. На ослабевшее княжество нападает варяжский князь Якун. Враждовавшие между собой братья Ярослав и Мстислав, объединившись, дают отпор врагу. Вот как «сеча» описывается в летописи: **И бысть сеча силна, яко посветяше молонья, блещашеться оружье, и бе гроза велика и сеча силна и страшна**» [100]. Сравнения битвы с молнией и блеска оружия с грозой отнюдь не случайны, так как бой происходит тёмной ночью под грозовыми раскатами. Это позволяет автору усилить эмоциональное ощущение напряжения во время сражения.

А. С. Орлов полагает, что к моменту отделения повести от летописи воинские формулы стали использоваться авторами как клише[134], что, впрочем, не противоречило нормам средневекового литературного этикета, а, напротив, свидетельствовало о высоком уровне культуры автора. О. В.

[134] См.: *Орлов, А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей. М., 1902. С.6.

Творогов замечает: «Описание битв очень сходно по композиции: сообщается о начале битвы, затем указывается на её ожесточённость, в заключение называется победитель и говорится о бегстве противника»[135].

Заканчивается названный сюжет тем, что каждая из сторон остаётся при своём: варяжский князь возвратился за море, Мстислав предложил старшему брату княжить в Киеве, оставив за собой Черниговские земли. Последнее, о чём сообщает читателю летописец, – это о рождении в том же 1024 году сына Ярослава Мудрого, Изяслава Ярославича.

Перейдём к событиям под 1021 годом, к описанию поединка Мстислава с Редедей, обнаруживающему взаимодействие фольклорной и книжной традиции в рамках одного летописного сюжета.

Итак, пришёл Ярослав к Берестью. Мстислав в то время находился в Тьмуторокани и пошёл на касогов. Узнав об этом, касожский князь Редедя сказал: «**Что ради губивє дружину межи собою? Но снидевє ся сама бороть. Да ащє одолєеши ты, то возмеши именье моє, и жену мою, и дєти моє, и землю мою. Ащє ли аз одолею, то възму всє твоє**» [99]. Мстислав согласился: «**Тако буди**» [99]. Редедя выдвинул ещё одно условие: «**Нє оружьєм ся бьєвє, но борьбою**» [99]. Когда силы стали покидать Мстислава, он обратился с молитвою к Богородице, пообещав по возвращении воздвигнуть церковь в её честь. Небесная заступница помогла русскому воину: «**И сє рекъ удари имь о землю. И вънзє ножь, и зареза Редедю** [99].

Известно, что автор «Слова о полку Игореве» вспоминает «храброго Мстислава» во вступительной части своего сочинения: «иже зареза Редедю предъ плъки касожскыя»[136]. Эпитет «храбрый» подчёркивает мужество воина. В летописном сюжете акценты расставлены чуть иначе.

В описании победы над Редедей можно усмотреть элемент, характерный для героического эпоса, – лёгкость победы над противником,

[135] *Творогов, О. В.* Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. 1964. Т. 20. С. 32.
[136] См.: Слово о полку Игореве. М. ; Л., 1950. С. 369. (Литературные памятники).

однако летописец вводит эпизод с мотивом небесного заступничества, тем самым снижая роль князя. Вот что по этому поводу пишет В. П. Адрианова-Перетц: «Нет никаких оснований предполагать, что эта мотивировка, снижающая роль самого князя, существовала уже в устном прототипе летописного рассказа <…>. Во всяком случае, победа как “чудо”, как результат “божественной” помощи – мотив, характеризующий то антиреалистическое начало, какое религиозная идеология внесла в героическое, реальное в своей основе предание»[137].

Воинская повесть активно перенимает подобную сюжетную развязку. По наблюдениям учёного, воинские повести снижают заслуги сражающихся ратников. На поле битвы появляются небесные воины со стрелами и мечами, и, таким образом, литература иногда стремится внушить, что не мужество народа, а помощь божия решает исход битвы[138]. Однако это вполне согласуется со средневековыми историческими представлениями, провиденциалистскими в своей основе.

В завершении сюжета Мстислав вступает во владение касожскими землями, на жителей налагает дань и, возвратившись в Тьмуторокань, воздвигает церковь в честь Богородицы.

Таким образом, элементы композиционной структуры воинской повести, а именно столкновение противников, борьба с превосходящими силами врага, эпизоды с небесным заступничеством и её (воинской повести) поэтические приёмы (летописный зачин, стилистические формулы) обнаруживаются уже в сюжетах древнейшего летописания, причём эти приёмы и звенья композиции разного происхождения. Фольклорная традиция обогатила летопись, прежде всего, героическим пафосом, а книжная – помогла сформироваться летописному стилю, а эти два компонента, в свою очередь, стали неотъемлемой частью поэтики жанра воинской повести в более позднее время.

---

[137] *Адрианова-Перетц, В. П.* Историческая литература XI-нач. XVвв. и народная поэзия // *Адрианова-Перетц, В. П.* Древнерусская литература и фольклор. М., 1972. С. 60.
[138] См. Там же. С. 29.

1.5 *Черты воинской повести в летописных рассказах о походе князя Игоря на половцев под 1185 г.*

Существует два летописных рассказа, повествующих об одном и том же событии, походе Игоря на половцев под 1185 годом. Это старшие версии в Ипатьевской (начало XV в.) и Лаврентьевской (вторая половина XIV в.) летописях. В исследовательской литературе нет единой концепции, раскрывающей художественное своеобразие этих повествований. Единственное, что не вызывает спора – это назидательный тон летописца, присущий обоим рассказам. Их осмысление ведётся в двух направлениях: текстологические разыскания (например, работы Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачёва и др.) и сопоставление со «Словом о полку Игореве». В этой связи особую ценность для нас представляет статья А. А. Пауткина «Летописная повесть о походе 1185 года Игоря Святославича на половцев (к проблеме художественности)», в которой автор подчёркивает: «<…> это летописное повествование [в Ипатьевской летописи – *С. А.*] заслуживает специального внимания литературоведов, и само по себе, и как произведение, ближе других стоящее к “Слову”»[139]. Отметим ещё одно справедливое, на наш взгляд, замечание учёного: «К повести нужно подходить с собственно летописными критериями»[140]. Но, прежде чем перейти к самим рассказам, коротко осветим вопрос об их генезисе.

Рассказ Ипатьевской летописи очень характерен для летописного повествования. Он подробен и последователен. По мнению А. С. Орлова, «прозаичность его окрашена умеренным проявлением чувства, выраженного рыцарски-воинственными лозунгами, не без участия и религиозной

[139] *Пауткин, А. А.* Летописная повесть о походе 1185 года Игоря Святославича на половцев (к проблеме художественности) // Филологические науки. 1985. №2. С. 26.
[140] Там же.

сентиментальности»[141]. Рассказ Лаврентьевской летописи отрывочен. «Он в чём-то дополняет рассказ Ипатьевской и противоречит не только ему, но и Слову о полку Игореве»[142]. В. П. Адрианова-Перетц пишет: «Рассказ Ипатьевской летописи <…> представляет собой типичную для XII века историческую повесть, не лишённую поэтических черт. Обстоятельно, в хронологической последовательности он передаёт все события похода Игоря от выступления его с братьею до возвращения его из плена и его сына Владимира»[143]. Относительно рассказа Лаврентьевской летописи исследовательница отмечает: «Ещё более тенденциозен рассказ Лаврентьевской летописи <…>. Он подвергся ещё большему оцерковлению и лишён даже той поэзии, какая несомненно налицо в южной летописи»[144]. Сходной позиции придерживается и В. В. Кусков: «Летописная повесть [Ипатьевская – *С. А*.]. не лишена художественности: ей присущи драматизм, образность и выразительность отдельных мест, живость повествования»[145]. О другом рассказе исследователь пишет: «Повествование носит дидактическую окраску»[146]. Однако и тот и другой рассказы не дошли до нас в первоначальном виде. Именно поэтому большое значение имеет вопрос генезиса. Его осмысление также дополнит и углубит наши представления о неразрывной связи летописных материалов и воинской повести.

А. А. Шахматов в работе «Общерусские летописные своды XIV–XV вв.» предположил, что повесть по Ипатьевскому списку была создана в Черниговской земле, поскольку в ней отчётливо проявляется сочувственное отношение летописца к князю Игорю Новгород-Северскому и Владимиру Глебовичу Переяславскому – устранителю тяжёлых последствий Игорева похода. Это повествование в полном объёме и сохранила Ипатьевская

---

[141] *Орлов, А. С, В. П.* Слово о полку Игореве // История русской литературы : в 10 т. М. ; Л., 1940. Т. 1. С. 380.
[142] *Орлов, А. С.* Слово о полку Игореве // История русской литературы : в 10 т. М. ; Л., 1940. Т. 1. С. 380.
[143] *Адрианова-Перетц, В. П.* Слово о полку Игореве // История русской литературы : учебник для вузов. М., 1941. Т. 1, ч. 1. С. 69.
[144] Там же.
[145] *Кусков, В. В.* История древнерусской литературы. М., 2006. С. 104.
[146] Там же.

летопись. А в Переяславской области рассказ был сокращён и через ряд владимирских летописных сводов попал в Лаврентьевскую летопись[147]. Сходной позиции придерживается А. С. Орлов в монографии, посвящённой «Слову о полку Игореве»[148]. Дополняет рассуждения Шахматова и Орлова Д. С. Лихачёв. По его мнению, «в обоих [рассказах – *С. А.*] есть некоторые общие части, восходящего к дошедшему до нас летописанию пограничного со степью Переяславля Русского»[149].

Относительно рассказа Ипатьевской летописи Б. А. Рыбаков замечает, что «текст <…> не является целостным, единым произведением, написанным от начала до конца одной рукой. В нём видны вставки, разрывающие первоначальный текст, несогласованные оценки действий Игоря, свидетельствующие о наличии разных текстов, плохо объединённых редактором и <…> параллельные рассказы об одном и том же событии»[150]. Исследователь пишет и о генезисе произведения: «Повесть <…> помещена почти на стыке двух разных частей свода: великокняжеская летопись Святослава использована по 1186 г. включительно <…>, а уже с 1187 г. идёт летопись, связанная только с Рюриком»[151].

Относительно происхождения рассказа Лаврентьевской летописи Б. А. Рыбаков возражает А. А. Шахматову, А. С. Орлову и Д. С. Лихачёву. Историк отмечает: «Иногда называют Переяславльскую летопись как источник его [летописца – *С. А.*] сведений, но это нужно решительно отвергнуть. То, что говорится здесь о Владимире Переяславльском, написано в очень спокойных деловых тонах и не свидетельствует о каком-либо пристрастии к нему»[152]. Отметим, что это наблюдение не касается

---

[147] См.: *Шахматов, А. А.* Общерусские летописные своды XIV-XV вв. СПб., 1901-1904. С.34-35.
.[148] См.: *Орлов, А. С.* Слово о полку Игореве. М., 1946.
[149] *Лихачёв, Д. С.* Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк // Слово о полку Игореве. М. ; Л., 1950. - С. 244. - (Литературные памятники).
[150] *Рыбаков, Б. А.* Летописные источники «Слова» // *Рыбаков, Б. А.* Слово о полку Игореве и его современники. М., 1971. С. 173.
[151] Там же.
[152] Там же. С. 196.

художественных особенностей памятника, а характеризует лишь его происхождение.

Очевидно, что исследователи летописных рассказов, повествующих о походе Игоря на половцев, не пришли к единому решению проблемы их генезиса. Этот вопрос остаётся неразрешённым до конца и сегодня.

Переходя к анализу этих произведений, оговоримся, что подробнее мы рассмотрим рассказ Ипатьевской летописи, так как он более приближен к летописной традиции. Можно даже сказать, что перед нами *летописная воинская повесть* на основании того, что в структуре произведения содержатся элементы, характерные для повестей о ратных подвигах. А. С. Орлов выделяет «литературную оболочку» произведений рассматриваемого жанра: отдельные термины и формулы («и бысть сеча зла и ужасна» и др.); стереотипную схему последовательного действия (неудача, затем плач, молитва); идея, патриотическая или религиозная (поведение неприятелей по действу дьявола)[153].

И в том и другом рассматриваемом повествовании есть описание солнечного затмения. В рассказе Лаврентьевской летописи оно более развёрнуто: «<…> **в среду на вечери бысть знамение солнци и морочно бысть велми, яко и звезды видети человеком к огню, яко землею бяше и солнце ученися, яко месяц из рогъ, яко угль жаровъ исхожаше: страшно бе видети человеком знамение Божье**»[154].

Отметим, что помимо выразительного описания явления в тексте имеется ещё и авторская оценка: «страшно». Это наречие усиливает и без того яркое впечатление, то есть можно сказать, что описание явления природы, представленное как чудо, выполняет эмоционально-эстетическую функцию, являясь сюжетообразующим звеном. Сходную роль выполняет чудесное, например, в «Сказании о нашествии Тохтамыша», памятнике более поздней эпохи: «**Бысть некое проявление по многы нощи: являшеся**

[153] См.: *Орлов, А. С.* Об особенностях формы воинских русских повестей. М., 1902. С. 8.
[154] Памятники литературы Древней Руси XII век. М., 1980. С. 366. Далее цитируется это издание с указанием страниц в скобках. В дальнейшем используется сокращение ПЛДР.

таково знамение на небеси на Востоце пред раннею зарею а звезда некаа, аки хвостата и аки копейнымъ образомъ, овогда же въ вечерней зари овогда же утренней дьж. Се же знамение проявляше злое пришествие Тохтамышево на Рускую землю»[155]. Очевидно, что и в том и другом случае функция описания природных явлений – *предупреждение беды*.

В рассказе Ипатьевской летописи сообщается лишь о факте затмения: «**солнце стояще, яко мѣсяць**» [352]. Можно предположить, что в данном случае для летописца важнее было зафиксировать факт солнечного затмения, а не описать астрономическое явление природы, что вполне согласуется с летописной традицией. Летописец не только сообщает о факте затмения, но и показывает реакцию князя и бояр на это явление: «**Братья и дружино! Тайны Божия никто же не вѣсть, а знамению творѣць Богъ и всему миру своему, а нам что створит Богъ или на добро, или на наше зло, а то же намъ видети**» [352]. Обращение князя к боярам не остаётся без ответа: «**Княже, есть ни на добро знамение се**» [352]. Сообщение о затмении выполняет сюжетообразующую функцию, поскольку дальнейшее развитие сюжета представляет собой проявление знака свыше. Чудесное обнаруживается уже в экспозиции. Н. К. Гудзий указывает на то, что князь истолковал Божий знак с позиции провиденциализма: «Победу русских при первом столкновении с ними Игорь объясняет помощью Божьей, поражение же, наступившее после победы, наказанием Божьим за убийства и кровопролития, учинённые им в Русской земле»[156].

В повествовании очень развито диалогическое начало. По мнению О. В. Творогова, «в ряде случаев стержнем сюжета является не столько “деяние”, сколько приписываемое кому-либо “мудрое слово”, предсказание, высказывание»[157].

---

[155] ПЛДР XIV - середина XV века. М., 1981. С. 190. Далее использую сокращение ПЛДР.
[156] *Гудзий, Н. К.* История древней русской литературы. М., 2003. С. 133.
[157] *Творогов, О. В.* Сюжетное повествование в летописях XI-XIII в // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 43.

Фабула рассказа проста: после сообщения о факте затмения даётся описание первого столкновения русских войск с половецкими: «**И яко быша к рѣцѣ по Сюурлию и выевша ис половецкихъ полков стрельци и пустивше по стрѣлѣ на русь и тако поскочиша. Русь же бяхуть не перевѣхалѣ к реке Сюрлия и поскочиша же и ти половци, силы половѣцькии, которыѣ же далече рѣкы стояхуть**» [352]. Особо отметим важность таких композиционных звеньев, как точная фиксация всех участников похода, описание движения войска, самого сражения, что сближает рассказ о походе с воинской повестью. Обстоятельность и целостность ему придают «хронологические уточнения», выделенные А. А. Пауткиным: «Точное обозначение времени действия, в которых указывается не только дата, день недели, но и, как правило, конкретное время суток: “месяца апреля в 23 день во вторник” и т. д.;

1. Указание на продолжительность действия: “И жда два дни брата” и т. д.;
2. Обороты, необходимые летописцу для показа одновременных событий, обозначение связи прошлого и настоящего и для соединения отдельных эпизодов воедино: “Игорь же бяшеть в то время на коне” и т. д.»[158]

Неизвестный автор описывает построение войска Игоря, повествуя о первом столкновении следующим образом: «**И ти изредиша полков 6. Игорь полк середѣ, а поправу его Всеволожь, а полѣву Святославль, сыновия его посредѣ его сынъ Володимерь, а другий полк Ярославль, иже бяху с Огостином коцеве, а третий полк напереди же стрѣльци иже бяхуть от всих князи выведи а тако изрядиша полкы своя**» [352]. Расположение войска и имена дружинных предводителей воспроизведены летописцем с исторической точностью. Далее следует преследование убегающего врага и пленение половецких князей. В рассказе есть и второе

[158] *Пауткин, А. А.* Летописная повесть о походе 1185 года Игоря Святославича на половцев (к проблеме художественности) // Филологические науки. 1985. №2. С. 27.

сражение, закончившееся трагично: «**И тако бишася крѣпко ту длину до вечера, и мнози ранени и мертви быша в полкохъ русских**» [354]. На утро Игорь был захвачен в плен. В плен были взяты и другие князья: «**Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужь именем Челбукъ, а Всеволода, брата его, ялъ Романъ Кзичь, а Святослава Олговича а Ездечюкъ въ Вобурцевичехъ, а Володимера а Копти в Улашевичехъ**» [356]. В плену Игорь осознаёт свой грех: «**Азъ по достоянью моему восприяхъ победу от появления твоего, владыко господи, а не поганьскыя дерзость обломи силу рабъ твоихъ. Не жаль ми есть за свою злобу прияти нужьная вся, ихъ иже есмь приялъ азъ**» [356]. После того, как половцы одержали победу над Игоревым войском, они принялись разорять другие русские города, в частности Переяславль: «**Римовичи же затворишася в городѣ и возлзъшѣ на заборолѣ и тако Божимъ судомъ лѣеста двѣ городници с людми тако к ратнымъ.**» [358]. Этот эпизод демонстрирует христианско-религиозный взгляд летописца на описываемые им события, подчёркивается, что городницы рухнули «по воле Божьей».

Игорь с помощью половецкого мужа (христианина по вероисповеданию) Лавра бежит из плена. Желая убежать вместе с русским князем, Лавр обратился к Игорю: «**Поиди, княже, в землю Русскую, аще восхощет Бог а избаветь тя**». [362]. Когда половцы напились кумыса, Игорь притворился спящим и, выбравшись из шатра, перебрался на другой берег реки, затем вскочил на коня вместе с половцем. Перед побегом князь поклонился образу Божьему и кресту честному со словами: «**Господи сердцевидче! Аще спасеши мя, владыко, ты недостойнаго**» [362]. Особо отметим характерный мотив действенности молитвы в освобождении князя из половецкого плена: «**Се же избавление створи господь в пятокъ в вечере**» [362]. В финале Игорь возвращается «в свой Новгород», а из Новгорода в Чернигов, а затем – в Киев.

Таким образом, жанровые элементы воинской повести (основные и дополнительные) обнаруживаются уже в летописных рассказах XII века: летописный зачин, описания построения войска и сражения, пусть и сжатое. Диалогическое начало весьма развито[159]. Чудесное представлено в христианско-религиозном понимании и выполняет дидактическую функцию, что свидетельствует о миросозерцании автора и героев. На сюжетно-композиционном уровне проявление чудесного выполняет сюжетообразующую функцию. И. П. Ерёмин отмечает: «Как правило, летописец просто регистрировал события, факт за фактом, иногда сопровождая их своей морально-политической оценкой. А когда они поражали его воображение своей грандиозностью и требовали объяснения, он ссылался на веление Бога, на Божью волю»[160]. По мысли летописца, искреннее осознание греха, молитва, покаяние могут дать прощение, спасение.

Как заключает А. А. Пауткин, «повесть Ипатьевской летописи о походе Игоря на половцев 1185 г. по совокупности литературных качеств представляет собой <…> образец летописной воинской повести, столь полно и выразительно сочетающий в себе характерные признаки жанра»[161].

Черты воинской повести обнаруживаются и в рассказе Лаврентьевской летописи. Как нам представляется, это:

1. *Описание затмения*: «**Месяца мая въ 1 день на память Святаго пророка Иеремия, в середу на вечерни бы знаменье въ солнци и морочно бысть велми, яко и звезды видети человекомъ въ очью, яко зелено бяше, и въ солнци учинися яко месяць, из рогъ**

[159] См.: *Творогов, О. В.* Сюжетное повествование в летописях XI-XIII в // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 35-36.
[160] *Ерёмин, И. П.* Повесть временных лет // *Ерёмин, И. П.* Лекции и статьи по древней русской литературе. Л., 1987. С. 50 .
[161] *Пауткин, А. А.* Летописная повесть о походе 1185 года Игоря Святославича на половцев (к проблеме художественности) // Филологические науки. 1985. №2. С. 28.

его, яко угль жаровъ исхожаше. Страшно бе видети человекомъ знаменье божие»[162].

2. *Перечень участников похода*: «**И сняшася у Переяслаля Игорь с двѣмя сыномѡ из Новѣгородѣ Сѣверцсѣого, брат его Всеволод ис Трубѣча, Святославъ из Рыльска и помочь черниговськая** [366]. Та же мотивировка выступления в поход, что и в «Слове о полку Игореве» : «**Мы есми ци не князи же? Такыже собе хвалы добудем**».
3. *Столкновение войск и исход первого сражения*: «**сступишася**», «**побѣжени бывше половци**» <…> [367].
4. *Столкновение войск и описание второго сражения*: «**И сняшася с ними стрѣльцы, и бишася 3 дни стрѣльцы, а копьи ся не снимали, дружины ожидаючи свою, а к воде не дадучи им ити** <…> **бишася с ними крѣпко бысть сѣча зла вѣлми**» [366]. Поражение в битве воспринимается как гнев Божий. Итог: «**Князи вси изьимани быша, а боляре и вельможа дѡ избита, а другая изьимана и та язвена** [368]».
5. *Бегство Игоря из плена*: «<…> **ускочи Игорь князь бежал у половець а не оставить бо господь праведнаго в руку грѣшничю**» [369].

Отметим, на наш взгляд, сюжетную незавершённость (отсутствует эпизод побега Игоря из плена) рассказа, что является большой редкостью для воинских повестей.

[162] ПЛДР XII век. М., 1980. С. 367. Далее цитируется это издание с указанием страниц в скобках.

1.6 Фантастическое в содержании «Слова о полку Игореве»

Мы не можем оставить без внимания «Слово о полку Игореве», поскольку некоторые исследователи (прошлого и современности) сопоставляли его с воинскими повестями. Н. В. Трофимовой при сравнении «Слова» с летописными повестями, на наш взгляд, удаётся сгладить острые углы, так как общим жанрообразующим фактором является объект повествования – поход, сражение[163].

Учёным выделяются следующие общие жанровые признаки:

– «рассказ о неудачном походе Игоря Святославича на половцев в “Слове” выстроен в целом в соответствии с логическом схемой воинских повестей и включает традиционные три этапа: подготовка битвы – сражение – последствия похода. Первый элемент, не укладывающийся в эту схему, – *авторское вступление*»[164];

– «речь Игоря к войску с призывом выступить в поход и указанием его цели (этап подготовки)»;[165]

– описания двух битв Игоря с половцами;

– перечисление военных трофеев[166].

Существенным представляется нам итоговое суждение исследователя о жанровом своеобразии памятника: «Было бы неверно <…> думать, что “Слово” – воинская повесть. Нужно учитывать, что сам способ передачи событий в памятнике принципиально отличен от летописного жанра, это не повествование, а цепь образных картин»[167].

---

[163] *Трофимова, Н. В.* Из истории древнерусской воинской повести / Н. В. Трофимова // Герменевтика русской литературы. М , Языки славянской культуры : Прогресс-традиция, 2004. Вып. 11. С. 558.

[164] *Трофимова, Н. В.* Из истории древнерусской воинской повести / Н. В. Трофимова // Герменевтика русской литературы. — М.,: Языки славянской культуры : Прогресс-традиция, 2004. Вып. 11. С. 559 [курсив мой – С. А.].

[165] *Трофимова, Н. В.* Из истории древнерусской воинской повести / Н. В. Трофимова // Герменевтика русской литературы. М., Языки славянской культуры : Прогресс-традиция, 2004. Вып. 11. С. 559.

[166] *Трофимова, Н. В.* Из истории древнерусской воинской повести / Н. В. Трофимова // Герменевтика русской литературы. М.,: Языки славянской культуры : Прогресс-традиция, 2004. Вып. 11. С. 561.

[167] *Трофимова, Н. В.* Из истории древнерусской воинской повести / Н. В. Трофимова // Герменевтика русской литературы. М., Языки славянской культуры : Прогресс-традиция, 2004. Вып. 11. С. 558-590.

Осмысление художественных особенностей фантастического в «Слове о полку Игореве» расширит и углубит наше представление о предмете исследования, поскольку чудо есть форма проявления фантастики.

Д. С. Лихачёв предлагает рассматривать «Слово» в контексте историко-культурных событий. Результатом подобного рассмотрения является тезис: «”Слово о полку Игореве” не выходит за пределы художественных возможностей своего времени, но эти возможности оно использует в полной мере, до предела»[168]. Однако если рассматривать это произведение с точки зрения художественного вымысла, оно всё-таки неординарно. Далее учёный пишет: «Оно (“Слово”) создаёт обобщения, образы на основе разнообразного исторического материала, и в ограниченной мере, но всё же, пользуется *вымыслом*»[169] [курсив мой – *С. А.*]. Вымысел, в свою очередь, является одним из средств создания «фантастической реальности» в «Слове»: «”Слово о полку Игореве” вводит фантастический элемент в характеристику действующих лиц своего повествования. Это по преимуществу относится к лицам, представляющим историческое прошлое Руси: к Баяну и Всеславу Полоцкому. Вымысел играет существенную роль в создании этих образов. При этом автор не выдаёт своего вымысла за действительность <…> Он чисто литературный*, условный*»[170] [курсив мой – *С. А.*]. Эта особенность поэтики выделяет «Слово» из ряда других произведений древнерусской словесности. В нём фантастика, имеющая народные истоки, представляется игрой воображения, тогда как в житиях и воинских повестях чудесное – это проявление фантастического, непосредственно связанного с христианско-религиозным мировоззрением людей той эпохи. Д. С. Лихачёв отмечает: «Вымысел – чудеса, видения, сбывающиеся пророчества [древнерусский – *С. А.*] писатель выдаёт за реальные факты и сам в огромном большинстве случаев верит в их реальность»[171].

---

[168] *Лихачёв, Д. С.* «Слово о полку Игореве» - героический пролог русской литературы. Л., 1967. С. 46.
[169] Там же.
[170] Там же.
[171] *Лихачёв, Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 108.

В этой связи наше обращение к фантастическим эпизодам «Слова» вполне закономерно. В специальной литературе (работы Д. С. Лихачёва, Т. М. Акимовой, А. С. Дёмина) есть лишь отдельные наблюдения над природой фантастического в «Слове» (основательнее всего изучена образная сторона). В изучении рассматриваемой темы существуют две крайности: исследователи либо недооценивают значимость фантастических элементов, например, В. П. Адрианова-Перетц,[172] либо, напротив, преувеличивают её. В частности, А. С. Дёмин считает фантастическим всё, что сближает «Слово» с героическим эпосом. Так, в характеристике воинов-курян («**А мои ти куряне свѣдоми къмети**») исследователь видит «фантастический изобразительный мотив постоянной окружённости курян оружием с самого их рождения, причём вооружением, находящимся в идеальном состоянии»[173], что, обратим внимание, свойственно для героического эпоса с его идеализацией и героизацией. Мы на этот счёт как раз придерживаемся точки зрения В. П. Адриановой-Перетц: «Это идеальные воины, с самого рождения воспитанные в воинских обычаях, и воинская удача их описывается в преувеличенных очертаниях, половецкими богатствами, отнятыми у бегущего врага»[174]. В этой связи для нас важным представляется замечание В. П. Автономовой: «Не всякое невозможное будет являться фантастическим»[175]. Само же понятие «фантастика» исследовательница определяет следующим образом: «Фантастика <…> – нарочитая, подчёркиваемая самим художником невероятность измышленных им образов и мотивов, условно применяемых в качестве художественного средства»[176], с чем нельзя не согласиться. Она размышляет также над соотношением реального и фантастического: «<…>

[172] См.: *Адрианова-Перетц, В. П.* «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия // Слово о полку Игореве. М. ; Л., 1950.
[173] *Дёмин, А. С.* Автор «Слова о полку Игореве: героические мотивы // *Дёмин, А. С.* Поэтика древнерусской литературы XI-XIII вв. М., 1998. С. 43.
[174] *Адрианова-Перетц, В. П.* Указ. соч. С. 299.
[175] *Автономова, В. П.* Художественное своеобразие фантастики в русском героическом эпосе. Саратов, 1981. С. 4.
[176] Там же.

фантастическое всегда содержит зерно действительности, но отражает последнюю опосредованной сознанием субъекта»[177].

В соответствии с обозначенным аспектом, мы обратимся к эпизодам солнечного затмения, выезда войска князя Игоря в поход, сражений, сна Киевского князя Святослава, рассказу о Всеславе Полоцком, плача Ярославны, побега Игоря из плена с целью выявления художественной значимости фантастических элементов на сюжетном и образном уровнях. Причём некоторые эпизоды интересны не только как элементы сюжетно-композиционной структуры, но и как самостоятельные явления, поскольку именно в них фантастическое начало проявляется наиболее отчетливо (побег Игоря из плена и рассказ о Всеславе Полоцком). Начнём с эпизода солнечного затмения.

В «Слове» затмение *изображается* (термин А. С. Дёмина) несколькими фразами, рисующими яркую картину, из которой читателю становится понятно, что печальный итог будущего сражения неизбежен: «**Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты**»[178] [10]. На сюжетно-композиционном уровне этот эпизод можно соотнести с *завязкой*. О роли природы в «Слове» очень точно написал Д. С. Лихачёв: «Говоря о природе, он [автор – *С. А.*] не рисует пейзажей в нашем смысле этого слова, а повествует о действиях природы, о реакции природы на события. Событиям у людей соответствуют события в природе <…>. Природа в “Слове” не фон событий и не декорация для них – она сама действующее лицо или, может быть, нечто вроде античного хора. Природа откликается на события как своеобразный помощник рассказчика, выражающий авторское мнение, авторские чувства»[179].

---

[177] *Автономова, В. П.* Художественное своеобразие фантастики в русском героическом эпосе. Саратов, 1981. С. 5.

[178] Слово о полку Игореве. М. ; Л., 1950. С.10 (Литературные памятники). Далее цитируется это издание с указанием страниц в квадратных скобках.

[179] *Лихачёв, Д. С.* Произведения XI-XIII вв., стоящие вне жанровых систем // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 205.

Но природа интересует нас не только как активное действующее лицо повествования. Одухотворённость природы в духе народного творчества (Т. М. Акимова)[180] даёт нам возможность рассматривать её как фантастическую силу, ведь затмение солнца – это тоже природное явление. Природа принимает активное участие и в эпизоде выезда Игорева войска в поход: «**Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь, стонущи ему грозою, птичь убуди; свист звѣринъ въста; збися Див, кличет верху древа а велит послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тьмутораканьскый блъван**!» [12]. Даже в эпизоде после первого удачного сражения в голосе природы звучат тревожные интонации: «**Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было оно обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный ворон, поганый половчине**» [14]. Природа очень выразительно передаёт ощущение тревоги за русских воинов перед вторым неудачным сражением: «**Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають; черныя тучя с моря идуть, хотят прикрыти 4 солнца, а в них трепещуть синии молнии. Быти грому великому! Идти дождю стрѣлами с Дону великаго! Ту ся копием приламати, ту ся саблям потручяти о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О Руская землѣ, уже за шеломянемъ еси**!» [14]. В этом описании А. С. Дёмин усматривает изобразительный мотив, что, по его логике, является проявлением фантастики. Он пишет: «Предметы как бы без людей участвуют в битве, показывая её “техническую” бесчеловечность, о какой раньше и “не слышано” было»[181]. Мы, однако, солидарны с В. П. Адриановой-Перетц, считавшей, что здесь мы снова сталкиваемся с былинной идеализацией, а не с проявлением фантастического: «Гиперболизируя воинскую доблесть и

[180] См.: *Акимова, Т. М.* Призыв к единению // Волга. 1985. №6. С.147-150.
[181] *Дёмин, А. С.* Автор «Слова о полку Игореве: героические мотивы // *Дёмин, А. С.* Поэтика древнерусской литературы XI-XIII вв. М., 1998. С. 43.

политическую власть своих героев, “Слово о полку Игореве”, подобно героическому эпосу, не выходит за границы правдоподобия, не делает людей сверхъестественными существами, не наделяет их ни необычным ростом, ни небывалой физической силой; их идеализированная доблесть, как и у героев народного эпоса, проявляется лишь в моменты схватки с врагом. Только на поле битвы они “кликом плъки побеждают” <…>. Идеализация определённых сторон действительности в “Слове” – поэтический способ передачи отношения к ней автора: в центре внимания его люди, которые, как и в устном героическом эпосе, *своими силами* будут бороться с врагом, не взывая к помощи потустороннего мира»[182].

На момент встречи двух войск природа откликается следующим образом: **Сѣ вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ с моря стрѣлами на храбрыя плкы Игоревы. Земля тутнет, рѣкы мутно текуть; пороси поля прикрываютъ; стязи глаголют а половци идуть от Дона и от моря; и от всѣхъ странъ Рускыя полкы оступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша черлеными щиты**» [14-15]. Итог битвы выражен по-летописному кратко: «**Бишася день, бишася другый; третьяго дни к полудню падоша стязи Игоревы**» [16].

Ещё один эпизод, в котором проявляется действенность предсказания неизбежности трагического исхода похода, – это сон киевского князя Святослава. Уже первые его строки настраивают читателя на минорный лад: «**А Святославь мутенъ сонъ виде в Киеве на горахъ**» [19]. Мутный сон – неясный сон, тревожный сон. Главная тема сна – тема смерти: «”**Си ночь, с вечера, одѣвахуть мя а рече а чьрною паполомою на кроваты тисовѣ; черпахуть ми синее вино, с трудомь смѣшено; сыпахуть ми тощими тулы поганых толковин великый женчюгь на лоно и нѣговахуть мя. Уже доскы без кнѣса в моемъ теремѣ златоверсѣмъ; всю нощь с вечера босуви врани възграяху у Плѣснеска на болони, бѣша дебрь Кисаню и**

[182] *Адрианова-Перетц, В. П.* «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия // Слово о полку Игореве. М. ; Л., 1950. С. 300.

нє сошлю к синємꙋ морю”» [19]. В ответе бояр звучит известие о сбывшемся предчувствии судьбы князей Игоря и Всеволода: «”**Ѵжє, княжє, тꙋга ꙋмь полонила: сє бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмꙋтороканя, а любо испити шєломомь Дону. Ѵжє соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опꙋташа в пꙋтины желєзны**”» [19]. В этом, на наш взгляд, очевидно проявление фантастического, как и в том, что увиденное во сне реализуется и в действительности. На сюжетном уровне сон Святослава поддерживает и подтверждает значимость предопределения, обнаруживаемого в эпизоде солнечного затмения.

Эпизод, подготавливающий быструю, стремительную развязку, – это плач Ярославны. На мольбу жены Игоря, обращённую к трём стихиям, откликаются и Бог, и природа, помогая Игорю бежать из половецкого плена.

Побег Игоря из плена интересен не только как *развязка* повествования, но и отдельно, как самостоятельный эпизод, так как в нём ощущается близость «Слова о полку Игореве» к фантастике русской волшебной сказки. Д. С. Лихачёв писал: «Динамические свойства той “модели мира”, которую создал в своём произведении автор “Слова”, чрезвычайно близки к народной сказке. Там также события совершаются как бы без физического усилия; об этом свидетельствуют и обычные сказочные присказки: “сказано-сделано”, “близко ли – далеко ли, низко ли – высоко ли”, а также различные сказочные “орудия”, облегчающие действия сказочных персонажей: ковёр-самолёт, скатерть-самобранка, шапка-невидимка, волшебные слова, по которым всё исполняется, помощные звери и волшебные помощники людей. Сказочные персонажи не знают сопротивления физической среды, они знают только препятствия в виде посторонней персонифицированной злой воли – так же, как в “Слове”»[183]. Этим же действием, совершающимся без усилий, учёный объясняет персонификацию и овеществление отвлечённых понятий обиды,

[183] *Лихачёв, Д. С.* Произведения XI-XIII вв., стоящие вне жанровых систем // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 201.

славы и др.: «Эти отвлечённые понятия материализуются, приобретают способность действовать, как физическая материя: они текут, сеются, растут, разливаются, пробуждаются, усыпляются, куются. Веселие поникает, “туга” полоняет ум, “жирная печаль” течёт по Русской земле»[184].

Продолжает линию соотнесения «Слова» с волшебной сказкой Н. С. Демкова. Она отмечает сюжетно-композиционные узлы, общие для произведений литературы и фольклора: «Для изучения композиции и художественной структуры важно отметить, что схема волшебной сказки, использованная в “Слове” в связи с изображением судьбы князя Игоря, отразилась не только в эпизоде бегства Игоря из плена: элементы её обнаруживаются в разных фрагментах текста – и в плаче Ярославны (выкликанье из смерти), и в описании пленения князя (семантика упоминания отдельных деталей в “Слове” напоминает о царстве мёртвых), и в описании выезда в поход (Игорь нарушает “запрет” – выезжает вопреки солнечному затмению)».[185] Подобное «переключение» читателя с одной традиции на другую исследовательница объясняет особенностями изображения в средневековой литературе: «тема определяет художественные средства изображения»[186]. В роли волшебного помощника в этом эпизоде «Слова» выступает природа: «**Кликну; стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся половецкии подвизашася. А Игорь князь поскочи горностаем к тростию и белым гоголем на воду. Въвержеся на борз комонь и скочи с него босым волком. И потече к лугу Донца и полетѣ соколом под мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обеду и ужине. Коли Игорь соколом полетѣ, тогда Влуг волком потече, труся собою студеную росу; преторгоста бо своя борзая комоня** <…>. **Донець рече: “Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!” Игорь рече: О, Донче! Не мало ти величия, лелеявшу князя на волнах, стлавшу**

[184] *Лихачёв, Д. С.* Произведения XI-XIII вв., стоящие вне жанровых систем // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 202.
[185] *Демкова, Н. С.* Проблемы изучения «Слова о полку Игореве // *Демкова, Н. С.* Средневековая русская литература. СПб., 1997. С. 62.
[186] Там же.

ему зѣлену траву на своихъ сребреныхъ брезехъ, одѣвавшу его теплыми мглами подъ сѣнию зелену древу; стрежаше его гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чернядьми на ветрехъ”» [28-29]. Д. С. Лихачёв отмечает, что туманные ночи теплее, поэтому ночь «одевает» в туманы беглеца[187].

В «Слове о полку Игореве» содержится рассказ о Всеславе Полоцком: «**Всеслав князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ в ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кыева дорыскаше до куръ Тьмутороканя: великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше**» [26], в котором также обнаруживается близость рассматриваемого произведения к сказочной фантастике. На эту мысль нас навели суждения Д. С. Лихачёва: «<…> оборотничество Всеслава Полоцкого – такая же литературная условность, необходимая для создания яркого образа князя-вотчинника, как и оборотничество Бояна, необходимое для создания искусного и вдохновенного певца-поэта. Всеслав сравнивается с лютым зверем, он волком рыскает ночью, перерыскивает путь великому Хорсу. Но это вовсе не значит, что автор “Слова” действительно считал Всеслава волхвом, что он верил в его оборотничество. Автор “Слова” также мало верил в способность Всеслава перевоплотиться в волка, как и в языческого бога Хорса, которому Всеслав якобы перерыскивал при этом путь, или в способность Бояна носиться серым волком и летать сизым орлом»[188]. Не менее ценными представляются нам и замечания В. П. Автономовой, отметившей отличия эпической фантастики от сказочной. По её мнению, фантастика в былине воспринимается как часть реальности, тогда как «Превращение в сказке – типичное проявление волшебства, выполняющее функцию мотивировок общей фантастической атмосферы в её сюжете»[189]. В былине же колдовство

[187] См.: *Лихачёв, Д. С.* «Слово о полку Игореве» - героический пролог русской литературы. Л., 1967. С. 64.
[188] Там же. С. 46.
[189] *Автономова, В. П.* Художественное своеобразие фантастики в русском героическом эпосе. Саратов, 1981. С. 61.

и оборотничество даны «как реальные, имеющие широкое распространение, а потому не вызывающие удивления»[190].

В заключении отметим, что Д. С. Лихачёв называет волшебником не только певца Бояна, но и автора «Слова», ведь он, с одной стороны, повествует о событиях, которые хорошо известны читателю, а с другой – искусно держит того в напряженной тревоге за судьбу войска Игоря. Это даёт нам основание считать проявления фантастики средством беллетризации повествования.

Таким образом, следует подчеркнуть, что фантастика в «Слове о полку Игореве», обнаруживаясь на разных уровнях текста: сюжетно-композиционном и образном, – имеет преимущественно народную (былинно-сказочную) основу. Нельзя отрицать, что фантастические элементы выполняют сюжетную функцию, поскольку весь сюжет представляет собой реализацию предопределения, уловимого уже в картине солнечного затмения и проявившегося наиболее отчётливо в тягостном сне князя Святослава. Немаловажно отметить, что фантастика в «Слове» несёт еще и эмоционально-эстетическую нагрузку, так как она используется автором для создания общего колорита произведения, атмосферы необычайного. А вымысел в этом произведении имеет двоякую природу: мифологическую и методологическую, если иметь в виду классификацию И. Лыскова.

Таким образом, следует констатировать, что чудесное оказывается сопряжённым с широким кругом проблем: историзм, вымысел и реальность, реальность и фантастика. В отражении реальных событий значительное место отводится проявлениям чуда, которые, в свою очередь, являются формой фантастики. Существующие представления о жанре воинской повести позволяют нам настаивать на том, что мы имеем дело с особым жанрообразованием, формирование которого происходит уже в древнейшем летописании, а к концу XII столетия уже появляется первый его образец (в Ипатьевской летописи). Для того, чтобы проследить за бытованием

[190] Там же.

интересующего нас компонента (структурного и содержательного) в художественном пространстве, обратимся к повестям более поздней эпохи.

Глава 2
Чудо в воинских повестях XIII–XV веков

В этой главе речь пойдёт о произведениях, созданных в эпоху расцвета жанра воинской повести. Материалом для анализа послужат тексты, относящиеся к разным тематическим группам: повести о княжеских усобицах («Сказание о битве новгородцев с суздальцами» и «Рассказ о восстании в Новгороде в 1418 году»), повести татарского цикла (Повести о битвах на реках Калке и Вожже), а внутри татарского цикла повести о Куликовской битве («Летописная повесть о Куликовской битве» и «Сказание о Мамаевом побоище»), а также произведения, которые описывают события, произошедшие после Куликовской битвы («Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву», «Повесть о Темир-Асаке» и «Повесть о стоянии на реке Угре»). Позволим себе отступление от хронологического рассмотрения текстов в целях сохранения целостности нашего повествования и рассмотрим произведения в указанной последовательности.

2.1 Чудесное в повестях о княжеских усобицах

Для аналитического рассмотрения мы взяли «Сказание о битве новгородцев с суздальцами» и «Рассказ о восстании в Новгороде в 1418 году», так как в этих произведениях чудо выполняет одну и ту же роль – помогает избежать кровопролития.

Обратимся к «Сказанию о битве новгородцев с суздальцами». В феврале 1170 года объединённые силы русских княжеств под предводительством сына Андрея Боголюбского Мстислава осадили Новгород. После трёхдневной осады 25 февраля произошло сражение, закончившееся победой новгородцев. Это событие нашло отражение и в летописях, и в устных преданиях. Существуют две летописные версии: *проновгородская* и *антиновгородская*, которые возникли независимо друг от

друга в близкое к событию время. Позднее возникла легенда, объяснявшая победу новгородцев над превосходящими силами врага чудесной помощью патрональной иконы Новгорода. В основу легенды о перевернувшейся иконе мог лечь действительный факт. Новгородская икона Знамения Богородицы сохранилась доныне.

Как письменный памятник это произведение сложилось в 40–50-е годы XIV века (Первая редакция под названием «Слово о знамении»). Новые редакции возникали вплоть до XVII века[191].

Н. В. Трофимова точно характеризует композицию этого памятника: «Чудо проявляется в конце повести о походе суздальских войск на Новгород, при этом намеренно нарушена хронология. Повествование даётся развёрнуто: сначала рассказывается о времени и месте, где произошло событие, затем кратко сообщается о самом чуде, а потом автор рассуждает о причинах его, используя ретроспективную историческую аналогию и библейские цитаты»[192].

Уже первые строки «Сказания» предупреждают читателя: «**Сътворися знамение великое и преславное чюдо от иконы святыя Богородица в Новегороде**» [448]. Из приведённой цитаты видно, что чудо проявляется в *экспозиции*.

Далее рассказывается предыстория, из которой читатель узнаёт о том, что это не первое столкновение между новгородцами и суздальцами. Новгородцы уже одолевали неприятеля с Божьей помощью: «**И пособи Богъ мужем новгородъцемь и ушиба от полку Андреева осмисотъ мужь, а**

[191] См.: комментарий Л. А. Дмитриева (ПЛДР XIV-середина. XV веков. М., 1981. С. 562). Далее цитируется это издание с указанием страниц в квадратных скобках. Цитируется текст «Сказания» по самому раннему списку его первоначальной редакции пергаменнной праздничной Минеи XIV века из Софийского собрания – ГПБ, Софийское собрание № 396, лл. 1 об. – 4 об. Стоит отметить, что Л. А. Дмитриев воссоздал литературную историю этого памятника, а для рассматриваемого списка очертил сюжетно-композиционную структуру, отметил проявление гнева Божьего, противопоставление света и тьмы на образном уровне и мотив действенности молитвы. См. Дмитриев, Л. А. Житийные повести русского Севера XIII-XVII вв. как памятники литературы». Л., 1973. С. 111-112. Считаем, что чудо в «Сказании» воплощается не в одном, а в целой цепи событий, предвосхищая подобный способ функционирования (бытования) чудесного в памятниках Куликовского цикла.

[192] *Трофимова, Н. В.* Чудеса в древнерусском воинском повествовании // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2011. №4 /33. С. 74.

прочеи избегоша» [448]. Рассмотрим эпизод осады. Во вторую ночь святой архиепископ Иван, молясь, услышал голос: «**Иди в церковь святаго Спаса на Ильину улицу и возми икону святую Богородицю и вынеси на острогъ, противу супостатъ**» [450]. Можно предположить, что глас свыше предвосхищает исход сражения.

Книжник акцентирует читательское внимание не столько на самом сражении, сколько на факте свершающегося чуда: «**Бывшю же часу 6-му начаша приступати ко городу вси полци русскыя. И спустиша стрелы, яко дождь умноженъ. Тогда же икона божьим промысломъ обратися лицемъ на град и виде архиепископ слезы текуща от иконы, и приять въ фелонъ свой. О, великое, страшное чюдо! Како се можеше быти от суха древа?**» [450, 452]. Слёзы на иконе воспринимаются автором «Сказания» как милосердие Божье, выраженное с помощью отрицательного параллелизма: не слёзы, а знак милости – молитва Богородицы, обращённая к сыну, которая не осталась без ответа, так как тьма напала на суздальцев.

В «Сказании о битве новгородцев с суздальцами» чудесное начало проявляет себя на разных уровнях художественного текста: сюжетно-композиционном (от экспозиции до кульминации) и образном (свет / тьма).

Обратимся к «Рассказу о восстании в Новгороде в 1418 году». Начинается он с упоминания о знамении: «**Идяще от иконы святыя богородицы Покрова акы кровь по обе стороне ризъ ея**» [500]. Эти слова не только сообщают читателю факт, но настраивают его на дальнейшее восприятие драматичных событий, то есть в данном случае можно сказать, что проявление чуда выполняет эмоционально-эстетическую функцию.

Сюжет рассказа довольно прост: «наущением дьявольским» Степанко оскорбил боярина Данилу Ивановича, из-за чего началась распря: «<…> **бяше и губление: овы от стрелы, овы же оторужиа, беша же мертви аки на рати; и от грозы тоя страшныя и от возмущениа того великаго въстрясеся весь град, и нападе страх на обе стороне**» [502]. О

междоусобной схватке прослышал архиепископ Семион. Помолившись со слезами, он пошёл на мост, взяв с собой крест Господен и образ пресвятой Богородицы. Взойдя на мост, «**святитєль ѡц вземъ, животворящий крєст, нача благославляти обє странє; ови, взирающє на чєстный крєст, плакахуся**» [502].

Особо отметим мотив действенности молитвы. Для этого произведения он сюжетообразующий, поскольку после свершения молитвенного акта сила молитвы не уменьшается: люди благодарят Богородицу за прекращение вражды.

Таким образом, можно заключить, что повести об усобицах сближает не только их тематика, но и поэтические приёмы (сообщение о знамении, мотив действенности молитвы). Для данной группы произведений чудесное начало весьма значимо, поскольку получает предметное воплощение. В роли предотвратителей сражения выступают сакральные предметы (крест, икона).

2.2 Чудесное в воинских повестях о монголо-татарском нашествии (до Куликовской битвы)

По верному замечанию Д. С. Лихачёва, «с середины XIII века основными жанрами русской литературы стали воинские повести, жития мучеников за веру, проповеди, призывающие к нравственному очищению как залогу будущего освобождения. Монументализм литературного стиля, столь характерный для предшествующего периода, отныне приобретает более сдержанный, суровый и лаконичный характер»[193]. В этот период актуализируется эпико-героическое начало в литературе, поэтому, прежде чем говорить о проявлениях чудес, скажем несколько слов о такой важной составляющей поэтики воинской повести, как героическое начало.

«Повесть о битве на реке Калке» существует в двух редакциях: краткой и полной. В состав Лаврентьевской летописи входит краткая редакция, в Тверской сборник – полная. «Повесть» восходит к Владимирской Великокняжеской летописи 1228 г., куда она, очевидно, попала из летописи Переяславля Русского.

В отличии от Лаврентьевской летописи, текст которой дошёл до нас цельным, текст Тверского сборника (более поздний) представляет собой компиляцию. В нём произошло механическое соединение двух сводов, причём две части независимы друг от друга и не объединены даже редакторски. Первый свод составлен в 1534 году. В нём содержатся заимствования из Новгородской Первой и Софийской летописей. Второй свод рассказывает в основном о тверских событиях[194].

Текст Тверского сборника мы рассмотрим более подробно, так как в нём эпическое начало преобладает над публицистическим. Нам интересен этот текст, так как это первое упоминание о столкновении русских с монгло-татарами.

---

[193] *Лихачёв, Д. С.* Литература трагического века в истории России // ПЛДР XIII век. М., 1981. С. 5.
[194] См. комментарий Д. М. Буланина (ПЛДР XIII век. М., 1981. С. 547).

Открывается повесть вступлением, из которого читатель узнаёт, какая страшная беда пришла на Русь: «**По грехомъ нашим придоша языци незнаеми, безбожнии мовитяне, их же никто добре не весть ясно кто суть, и отколе изыдоша, и что язык их и которого племени суть, и что вера ихъ. И зовуть я татари, а инии глаголють таурмени, а друзии печенези**»[195]. Е. А. Прохазка отмечает, что этикетная формула «по грехомъ нашимъ» стала стереотипной[196]. Далее летописец размышляет о причинах произошедшего: «Но не сихъ же ради сие случится, по гордости ради и величаниа рускыхъ князь попусти Бог сему бытии» [150]. В произведении большое внимание уделено экспозиции, в которой рассказывается о междоусобице между князьями-братьями Юрием и Константином. По сути, перед нами «повесть в повести». Рассмотрим её.

После того как сын князя Всеволода Юрьевича Константин захотел сделать в Ростове великокняжеский престол, «**но не восхоте этого Пречистыя Богородица**» [150], отец передал престол младшему сыну – Юрию, что вызвало недовольство брата. На наш взгляд, формулу «и восхоте Богородица (Бог)» можно считать этикетной, так как она встречается и в других вариантах, например, «не попусти Господь». Юрий начал защищаться, но столкновения между братьями не произошло: «не попусти ему Господь» [150]. Небесное заступничество позволяет в данном случае избежать междоусобной распри. Константин «**отъиде къ Костроме и тоа съжже**» [150], Юрий находился в Пужбале, а его войско – в двух верстах от Ростова, на реке Ишне. Сражение всё же случилось. Константин одержал победу, и помог ему в этом «**некто** <…> **житель Александрь, глаголемый Поповичь**» [150]. В произведении написано об этом так: «**Александрь же выходя многы люди великого князя Юрия избиваше**» [150]. Заметим, что описание сражения характеризуется летописной сжатостью, поскольку перед

[195] Повесть о битве на реке Калке // ПЛДР XIII в.М., 1981. С. 148. Далее цитируется это издание с указанием страниц в квадратных скобках.
[196] См.: *Прохазка, Е. А.* О роли общих мест в определении жанра древнерусских воинских повестей // ТОДРЛ. 1989. Т. 42. С. 226-239.

нами летописная повесть. Отношения между братьями были напряжёнными: «**Многажды бо князь великий Юрий на братнє достоаниє прихождаше, но съ срамомъ возращашеся**» [150]. Между братьями произошло ещё два сражения, первое на реке Гзе, второе – на Липице. Сражение на Гзе описано согласно летописной традиции: «**Єдиною выйдє на него** [Юрия – *С. А.*] **Константинъ, и бысть имъ бой за Юриевымъ на рецє Гзє. И тамо побєди Константинь, молитвами Пречистыа, своєю правдою и тєми жє храбрыми Александромъ, слугой Топоромъ, ту жє бє и Тимоня Золотой поясъ. И ту убиша у великого князя храброго Юрятy, о семъ вєлми опечалился бы Юрий; побежден жє смирися събратом**» [150]. Для описания битвы автор использовал формулу: «и бысть им бой». Это один из вариантов исходного клише «и бысть сеча зла», как установил А. С. Орлов.[197] Отметим, что летописец не оставляет без внимания заслуги Александра и Топора. Этот приём, возможно, заимствован автором повести из «Жития Александра Невского». Ещё автор подчёркивает, что Константин победил с помощью молитв и правды. Нам думается, что формула «молитвами Пречистыа» вполне может быть признана этикетной, поскольку встречается во многих произведениях, тем более что исследователь отметил «вмешательство небесных заступников»[198]. На сюжетно-композиционном уровне мотив небесного заступничества играет кульминационную роль. О битве при Липице сказано очень кратко: «**И бысть им бой на Липицахъ** <…> **а ту всє полки** <…> **Юрия избыти**» [152].

Далее летописец переходит к описанию татарского нашествия: «**Начать бо слухъ приходити, яко сии бєзбожнии многы страны поплєниша** <…> [152]». Эпико-героическое начало сменяется публицистическим.

Наступает момент, когда половецкий хан Котян обращается за помощью к своему зятю, русскому князю Мстиславу: «**Дьнесь нашу землю**

[197] См.: *Орлов, А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей. М., 1902. С. 11-12.
[198] Там же. С. 6.

отъяли суть, а вашу пришедше заутра възьмутъ, то помозете намъ» [154]. Мстислав ответил: «**Поможемъ сим; аще ли мы сим не поможемъ, то сии имуть предатися къ ним, то оним болши будетъ сила намъ тяготнее будетъ от нихъ**» [154]. На наш взгляд, диалог выполняет в произведении сюжетообразующую функцию, так как просьба половцев о помощи сплотила русских князей: «**И начаша вои пристрвати, кождо свою власть: князь великий Мстиславъ Романовичь, Ростиславича Киевский и Мстиславъ Святославичь Черниговский, Всеволодовича Козельский и Мстиславь Мстиславичь Галичский** <…> **съ ними же и младии князи: Данила Романовичь Мьстиславича, и князь Михайло Всеводоловичь Черниговский, и князь Всеволод Мстиславичь Киевского сынъ, и инии князи мнози**» [154]. Отметим, что в приведённом фрагменте проявлен такой элемент поэтики летописной повести, как точная фиксация всех участников похода. Этикетная формула «начаша вои пристрвати» восходит, на наш взгляд, к формуле «собрать вои», «совокупить вои»[199]. Татары услышали, что русские и половцы идут против них и прислали своих послов: «**Аще есте послушали половець, а послы наши избыли, а идете противу насъ, то вы поидите. А вас мы ничимь не заимали, а всемъ намъ Бог**» [154]. Мстислав Галицкий и его тысяча воинов одолели врага, который обратился в бегство: «**И ту имъ не бысть помочи**» [154].

Теперь рассмотрим центральный эпизод произведения – боевое столкновение на реке Калке.

Русские узнали, что враг идёт осматривать их войско. Данила Романович и другие князья оседлали коней и помчались, чтобы увидеть войско татар. Увидев его, князья послали к великому князю Мстиславу Романовичу со словами: «**Мстиславе и Мстислав! Не стоите, поидемъ противу имъ**» [156]. Битва описана в произведении лаконично: «**И поидоша въ поле, и сретоша их татарове, и ту стрелци русстии погнаша ихъ в**

[199] См.: *Пауткин, А. А.* Батальные описания «Повести временных лет» . (Своеобразие и разновидности) // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. Филология». 1981. № 5. С. 13.

поле далече, ихъ секуще; и взяша скоты ихъ, а съ стады утекоша» [156]. Подчеркнём, что с течением времени описание сражения становится более развёрнутым. Если в летописи только констатируется факт боя и сообщается его результат, то в воинской повести, пусть и летописной, этот элемент поэтики получает художественную выразительность.

В повести есть ещё один эпизод сражения: **Тако съступишася полкы, и напередъ иха на татарове и Данило Романовичь, и Семен Олюевичь и Василко Гавриловичь. Ту Василка събодоша, а Данилу убодену бывшу въ перси, но не чюяше, буести ради и мужества; бе бо младъ осьминадесяти летъ, но крепокъ бяше на брань извиваше татаръ мужествене полкомъ своимъ»** [156]. Этикетная формула «и съступишася полкы» знаменует собой начало сражения, как установил А. С. Орлов[200]. Итог битвы был печален: **И бысть сеча зла, и бысть победа на князи рускиа, яко же не бывала отъ начала Руские земли»** [158]. По Русской земле пошёл плач.

Таким образом, в «Повести о битве на реке Калке», состоящей из нескольких законченных сюжетов, эпическое и публицистическое начала сменяют друг друга, а героическое соседствует с чудесным.

Вернёмся к собственно повестям о монголо-татарском нашествии. Рассмотрим «Повесть о битве на реке Вожже». За два года до столкновения на Куликовом поле, на реке Вожже произошла первая встреча войск Мамая с дружиной Князя Московского Димитрия Ивановича. То была «разведка боем» накануне Куликовской битвы. Опасаясь сопротивления Москвы, правитель Золотой Орды Мамай послал войско под командованием воеводы Бегича. Не дожидаясь прихода врага, князь дал бой на реке Вожже (Вожжа – река северо-западной части Рязанского княжества в сорока-пятидесяти километрах от границы с Московским княжеством, впадает в реку Оку). В произведении сражение описано так: «**Се бысть побоище прилучися**

[200] См.: *Орлов, А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей. - М., 1902. С.12.

месяца августа, 11 день, на память святаго мученика Ѳулпа <…> **въ среду при вечере. И поможе Богъ князю великому Дмитрею Ивановичу, одоле ратным и победи врагы своя, и прогна поганых татаръ**»[201]. На наш взгляд, формулу «и помог Бог» можно считать этикетной, соотносимой, возможно, с фразой «Игорю Бог путь кажет» в «Слове о полку Игореве».

Исход сражения и бегство врага передаётся в следующих выражениях: «**И посрамлени быша окаанныи половци, възвратишася съ студом, без успѣха, нечестивии измалтяне, побгоша гоними гнѣвом Божиим!**» (96).

Неизвестный автор повести акцентирует читательское внимание на том, что враг был побеждён с Божьей помощью, не вдаваясь в подробности, в чём именно помощь заключалась.

[201] ПЛДР XIV-середина XV века. М., 1981. С. 94. Цит. по списку Симеоновской летописи пер. пол. XVI века. БАН 16.8.25.

2.3 Чудесное в памятниках Куликовского цикла

О произведениях, посвящённых событиям Куликовской битвы, накоплена обширная научная литература, причём внимание исследователей может быть сосредоточено как на всех трёх памятниках: «Летописной повести», «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище», так и каждом из них в отдельности[202]. Исследователи касаются самых разных аспектов поэтики этих повествований: от способов изображения героев (А. Н. Робинсон) до ретроспективной и исторической аналогий (В. В. Кусков). Следует отметить и разыскания текстологической направленности. По словам М. Н. Тихомирова, «первоначальные краткие рассказы о кровопролитном сражении с татарами обросли поэтическими вымыслами и литературными украшениями, и за их цветистой внешностью не всегда легко увидеть истину, даже представить себе с полной ясностью настоящий ход событий, связанных с битвой 1380 г.»[203]. Обратим внимание, что исследователей больше привлекают «Задонщина» и «Сказание» (хотя, как представляется, «Летописная повесть» не уступает им в художественной выразительности, а просто выполняет другую задачу).

Как установила М. А. Салмина, в основе «Летописной повести» о Куликовской битве лежит рассказ Троицкой летописи под 1408 годом, который до нас не дошёл. Сначала возникла краткая повесть, затем пространная. В целом же пространная повесть – самостоятельный рассказ, в котором гораздо подробнее освещаются события, предшествующие Куликовской битве, чем само сражение. Пространная повесть отличается от краткой публицистичностью и литературными особенностями. По мнению

[202] «Задонщину» чаще всего сопоставляют со «Словом о полку Игореве». Мы оставляем это произведение за рамками исследования, поскольку, нам кажется, что оно не содержит в себе эпизоды, которые можно было бы счесть чудесными.

[203] *Тихомиров, М. Н.* Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 335. (Литературные памятники).

исследовательницы, это произведение не могло появиться ранее 1437 года[204]. Особого внимания заслуживает работа В. А. Грихина «Отражение событий Куликовской битвы в “Летописной повести о побоище на Дону”», автор которой выявляет сюжетно-композиционные элементы рассматриваемого памятника:

– погодная запись, констатирующая сложную политическую ситуацию, которая сложилась к осени 1380 г. (экспозиция);

– замыслы Мамая (желание вступить в бой мотивируется поражением в битве на реке Вожже за два года до Куликовской битвы);

– засылание Мамаем послов в Литву;

– переход русских войск через Дон;

– описание битвы[205].

В. А. Грихин верно обозначает художественную задачу, стоящую перед составителем повести, а именно: изложить события и высказать своё отношение к ним: «У нас нет оснований отказывать автору “Летописной повести” в чёткости и последовательности изложения материала. Он акцентирует внимание на тех событиях, которые, с его точки зрения, являются наиболее существенными, позволяющими высказать субъективное отношение, проникнутое героико-патриотическим и публицистическим пафосом»[206]. Основным средством для достижения цели, по наблюдению учёного, является противопоставление «окаянного Мамая» и христолюбивого князя Дмитрия Ивановича. Но более яростное негодование вызывает у автора рязанский князь Олег – «Иуда-предатель», «душегубивый изменник».

Сюжетоообразующим звеном повествования служит, на наш взгляд, последовательно выдерживаемое противопоставление: нападающие – грешники / обороняющиеся – праведники, которое обнаруживается как в

[204] См.: *Салмина, М. А* Ещё раз о датировке «Летописной повести о Куликовской битве // ТОДРЛ. 1977. Т. 32. С. 3-5.
[205] См.: *Грихин, В. А.* Отражение событий Куликовской битвы в «Летописной повести о побоище на Дону // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. «Филология». 1980. № 5. С. 9.
[206] Там же. С. 9-10.

авторских словах («**хотя человеколюбивый богъ спасти и свободити родъ христианский молитвами пречистыа его матере от порабощения измалтянскыа, от поганаго Мамая и от сонма *нечестиваго* Ягайла, и** <…> **велеречиваго и худаго Олега Рязанскаго, не снабдевшаго веры христианской**»), так и в речах персонажей, предводителей двух войск. Речь Мамая: «**Пойдемь на рускаго князя и на всю землю Рускую, яко же при Батыи было. Христианство потеряем, а церкви божиа попалим, и кровь христианскую прольемь, а законы их погубимь**»[207]. Речь Дмитрия Ивановича: «**Пойдём противу окаяннаго и безбжнаго** <…> **Мамая за правоверную веру христианскую, за святыа церкви, и за вся младенца и старца, и за вся христианы, сущаа и несущая**». Центральное событие произведения – битва – воссоздана с помощью специальных воинских формул: «**И бысть сеча зла и велика, и брань крепка, и трусъ велик зело; яко от начало миру сеча не была такова**» (122). Летописец подчёркивает превосходящие силы врага, ведь на него (Дмитрия Ивановича) поднялись три земли, три рати: первая – татарская, вторая – литовская, третья – рязанская.

Чудо последовательно проявляется в нескольких формах, в цепи событий и факторов:

– благословение князя епископом Герасимом: «**Благослови мя, отче, поити противу** <…> **Мамая и нечестиваго Ягайла и отступника нашего Олега, отступившаго от света в тьму**» (116, 118);

– благословение и грамота Преподобного игумена Сергия: «**битися с татары**» (118);

– метафорическое противопоставление света и тьмы, предопределяющее исход битвы ещё до её описания: «**И повеле Господь тме отступити, а свету пришествие дарова**» (120);

---

[207] ПЛДР XIV – середина XV века. М., 1981. С. 112. Цит. по списку Новгородской Карамзинской летописи XVI в. (ГПБ, F.IV. 603). Исправления внесены по Голицынскому списку первой редакции Новгородской четвёртой летописи (ГПБ, Q.XVII, 62). Далее цитируется это издание с указанием страниц в скобках.

– молитва князя: «**Помози ми, Боже мой, спаси мя ради милости твоеа, вижь д врагы моа яко умножишася враги на мя. Господи, что ся умножишия стужающиеи мнѣ? Мнози въсташя на мя, мнози, борющиеся со мною, мнози гонящиеи мя, стужающиеи ми, вси языци обыдоша мя; именем Господним я противяхся имъ**» (122). Обратим внимание, что князь противопоставляет врагу не воинскую доблесть, а имя Господне.

– помощь «небесных воинов»: «**Аггели помогают христианомъ и святых мученикъ полкъ и воина Георгиа, и славнаго Дмитриа, и великых князей тезоименитых д Бориса и Глеба. В них же бе воевода съврьшеннаго плъка небесных вой д архистратигъ Михаил. Двое видели треслънечный плъкъ и пламенныа их стрелы, яже идут на них; безбожнии же татарове от страха божиа и от оружия христианскаго падахуу**» (124). Мамай, признав силу и величие христианского Бога, призывает своих воинов бежать дорогами непроторёнными. Невидимой рукой Бог устрашил полки татарские, и они побежали. Русские воины секли врага без милости.

– чудесное спасение князя: «**Всь доспехъ его битъ язъвенъ, но на телеси его не бяше раны никоеа же; а бился с татары лицом в лице, став напреди в первомъ суйме**». (126) Здесь читатель сталкивается с чудом-удивлением.

Особую значимость приобретает молитва, подкреплённая благословениями священнослужителей. В самый напряжённый момент схватки на помощь русским ратникам приходят небесные воины: Ангелы и Святые. На образном уровне важнейшим звеном являются антитезы: грешники (враги) / праведники (защитники), свет и тьма. Тьма уступает свету, а значит, русские побеждают татар. Слово «чудо» встречается в тексте лишь раз: «**Ты еси богъ творяй чюдеса единъ**» (116). Этот возглас Великого князя свидетельствует о христианско-религиозном понимании

природы чуда, непостижимости Божественного волеизъявления. Примечателен и финальный эпизод спасения князя, усложняющий структуру повествования, придающий летописному рассказу занимательность.

Перейдём к «Сказанию о Мамаевом побоище».

Полное название произведения – «**Начало повести о том, как даровал бог победу государю великому Дмитрию Ивановичу за Доном над поганым Мамаем и как молитвами пречистой Богородицы и русских Чудотворцев православное христианство а русскую землю Бог возвысил, а безбожных агарян посрамил**».

Это самый объёмный и обстоятельный рассказ о победе русских войск на Куликовом поле. Вопрос о соотношении его редакций очень сложен и имеет обширную литературу. Мы обозначим лишь время создания этого памятника – первая четверть XV века, по мнению большинства специалистов.

Мы не ставим перед собой задачи дать обзор всей научной литературы, посвящённой «Сказанию», так как её объём очень велик, а ограничимся лишь теми исследованиями, авторы которых проявляют интерес к теме небесной силы. Особую значимость в этой связи имеет книга В. Ф. Переверзева «Литература Древней Руси», работа Ю. К. Бегунова «Об исторической основе Сказания о Мамаевом побоище» и статья А. А. Шайкина «Памятники Куликовского цикла».

В. Ф. Переверзев считает «Сказание» «воинской повестью нового типа»[208]. Новизна, по мысли учёного, заключается в ослабевании звучания героических мотивов и в усилении мотивов «церковно-мистериальных». Единственное, в чём можно усмотреть проявление героического начала, по мысли учёного, – это «мотив стройности и громадности, сталкивающихся между собою воинских сил»[209]. Изображая битву как священнодействие, по словам исследователя, автор «Сказания» насыщает текст «рассказами о

[208] *Переверзев, В. Ф.* «Сказание о Мамаевом побоище» – воинская повесть нового стиля // *Переверзев, В. Ф.* Литература Древней Руси. М., 1979. С. 168.
[209] Там же. С. 175.

загадочных, имеющих пророческий смысл явлениях, в которых бог иносказательным языком вещает умеющим понимать этот язык предопределённое его волей будущее». Учёный упоминает об одном таком явлении, наиболее интересном с его точки зрения (слушание голоса земли воеводой Волынцем). В нашу задачу входит рассмотрение художественно-смысловой значимости подобных явлений, содержащихся этом памятнике. Их происхождение может быть фольклорным и христианско-религиозным. А. А. Шайкин выделяет чудесные эпизоды в композиции произведения:

– обращение к небесным заступникам;

– благословение Сергия и призыв хранить тайну Митрополита Киприана;

– природа – волшебный помощник князя Дмитрия Ивановича (как в «Слове о полку Игореве»);

– «серия знамений, обозначающих ход и итог предстоящей битвы»[210];

– слушание земли;

– видение разбойника Фомы Кацибея.

Обратимся к проявлениям чудесного. Первый эпизод – пророчество старца Сергия, игумена Троице-Сергеева монастыря. Князь попросил у него благословения. Тот ответил: «**Не уже бо ти, господине, еще венецъ сиа победы носити, нъ по минувших летех, а иным убо многым ныне венци плетутся** <…>. **Имаше, господине, победити супостаты своя елико довлеть твоему государству**»[211]. Сергий не только предсказывает судьбу князя, но и предугадывает исход предстоящего сражения. Это реализация христианско-религиозных представлений о чуде.

Ещё один эпизод – слушание голоса земли Воеводой Волынцем. Сам герой говорит: «**Слышех землю плакачущуся надвое: едина бо сь страна, аки некаа жена, напрасно плачущися о чадехъ своихъ ельньскым гласом,**

[210] *Шайкин, А. А.* Памятники Куликовского цикла // *Шайкин, А. А.* Поэтика и история. На материале памятников русской литературы XI-XVI веков. М., 2005. С. 264.

[211] Сказание о Мамаевом побоище // ПЛДР XIV-середина. XV вв. М., 1981. С. 146. Далее цитируется это издание с указанием страниц в квадратных скобках.

другаа же страна, аки некаа девица, единою возопи велми плачевным гласом, аки в свирель некую жалостно слышати велми <…> **надеюся милости Божиа. Молитвою Святых** <…> **Бориса и Глеба** <…> **чаю победы** <…> **татаръ. А твоего христолюбиваго въиньства много падеть, нъ обаче твой врърхъ, твоа слава будет**» [168]. Слушание земли подтверждает пророчество старца Сергия.

Обратим внимание на видение сторожа Кацибея накануне сражения: «**На высоце месте стоя, видети облакъ от востока велик зело изрядно, пria, аки некаикиа плъки к западу идущь** <…> **придоша два уноши, имуща на себе светлыи багряница, лица их сияюща, аки солнце, в обоих рукахъ у них острые мечи**» [168]. Ю. К. Бегунов в статье «Об исторической основе Сказания о Мамаевом побоище» соотносит этот эпизод с видением ижорского старца Пелгуя из «Повести о житии Александра Невского». Основания для подобного сопоставления весьма веские, так как автор «Сказания» вслед за автором «Повести о житии» подчеркивает, что победа на Куликовом поле была одержана именно благодаря небесным заступникам святым Борису и Глебу, которые служили русским воинам идеологической защитой от иноземных захватчиков.

Следует обратить внимание на события, произошедшие в ночь перед боем и позднее. В канун боя небесное заступничество проявляется не в отдельных эпизодах, а целой цепи событий. Ночь перед битвой – «ночь светоносного праздника рождества святой Богородицы». За помощью к Богородице князь обращается не однажды, поэтому есть основания считать действенность молитвы одним из проявлений чуда. Действенность молитвенного обращения усиливается посланием-благославением игумена Сергия, переданным князю гонцом. Вместе с посланием гонец передал Дмитрию Ивановичу «хлебец Пречистой Богородицы».

Теперь перейдём к осмыслению самого напряжённого эпизода повествования – самому сражению.

В тот момент, когда татары стали побеждать русских, на помощь одолеваемым пришли воины засадного полка: «**Єдиномыслении же друзи выседоша из дубравы зелёны, аки соколи искушеныа, урвалися от златых колодицъ, ударилися на великиа стада жировины, на ту великую силу татарскую дѣ и начали дѣ татар сечь немилостивно**» [178]. Это переломный момент боя. В ход сражения вмешиваются святые Борис и Глеб: «**Сынове же русскые, силою святого духа и помощию святых мученикъ Бориса и Глеба, гоняще, сечаху их аки лес клоняху, аки трава от косы подстилается у русских сыновъ под конские копыта**» [178]. Далее следует развязка: Мамай призывает на помощь своих богов, но не дожидается помощи свыше и обращается в бегство. Таким образом, можно заключить, что чудо проявляется на уровне кульминации развития действия.

Ещё один эпизод, заслуживающий внимания, – спасение князя Дмитрия Ивановича. Владимир Андреевич не нашёл на поле боя своего двоюродного брата и стал спрашивать у дружинников, не видел ли кто-нибудь Великого князя. Один из дружинников ответил, что видел его израненного, но не смог помочь ему, так как сам бился с тремя врагами. Тогда Владимир Андреевич сказал: «<…> **кто виде или кто слыша пастыря нашего началника?** <…> **Кому сиа честь будеть, кто по беде сей явися?**» [180]. Начались поиски. Великого князя нашли недалеко от поля брани в стороне дубравы целым и невредимым. В этом фрагменте мы сталкиваемся с чудом-удивлением, так как никто из дружинников не ожидал того, что князь останется невредим. Заметим, что финальный аккорд сообщает сюжету произведения дополнительную напряжённость.

Нельзя не вовлечь в наш анализ Киприановскую редакцию «Сказания о Мамаевом побоище». Вопрос о соотношении редакций и списков «Сказания» имеет обширную литературу (работы С. К. Шамбинаго, А. А. Шахматова, А. С. Маркова и др). Наиболее убедительной признана точка зрения и

наименования редакций, предложенные Л. А. Дмитриевым: Летописная, Киприановская, Основная и Распространённая редакции[212].

По мысли учёного, текст памятника увеличивался в объёме от редакции к редакции. Наибольшим исследовательским вниманием пользуются две последние, однако, нас будет интересовать именно Киприановская редакция «Сказания», поскольку в ней чудесное проявляется, на наш взгляд, с большей полнотой и имеет свои особенности. По словам Л. А. Дмитриева, «мысль о важности митрополита Киприана в событиях 1380 г. подчёркивается в Киприановской редакции в ряде эпизодов. Это придаёт рассказу о Куликовской битве церковный характер: борьба с Мамаем – прежде всего война за православную церковь, за христианскую веру. Церковная направленность Киприановской редакции Сказания проявляется ещё и в том, что в ней с особой силой подчёркивается роль митрополита Петра как покровителя Москвы и русских. Церковная, официально-религиозная направленность Киприановской редакции обнаруживается и в заглавии, где перечисляются все святые, которые помогли русским в битве с татарами на Куликовом поле»[213].

Киприановская редакция учитывается только при воссоздании литературной (творческой) истории «Сказания о Мамаевом побоище». Между тем, по нашему мнению, она представляет интерес и сама по себе, особенно если учесть, что констатация факта «совершившегося чуда» содержится уже в пышном заглавии памятника: «**Повесть полезна бывшаго чюдеси, єгда помощию божиею и пречистыя его матери богородицы, и угодника их святаго чюдотворца Петра митрополита всея Руси, и преподобного игумена Сергиа чюдотворца, и всех святых молитвами князь велики Дмитреи Иванович з братом своим из двоюродных, с князем Володимером Андреевичем и со всеми князи русскими на Дону посрами и прогна Воложскиа Орды гордаго князя Мамая и всю Орду его**

[212] См.: *Дмитриев, Л. А.* Литературная история «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 406-421. (Литературные памятники).
[213] Там же. С. 408.

со всею силою их нечестивою изби»[214]. Один из ведущих исследователей произведений Куликовского цикла Л. А. Дмитриев называет ссылки на божественное провидение, помощь святых – «обязательными атрибутами литературного повествования»[215] и объясняет это явление религиозным мировоззрением эпохи. Однако, как представляется, воспринимать «ссылки на чудо» только как этикетное явление недостаточно. Среди этих ссылок встречаются пространные описания и эпизоды, существенные для развития повествования.

В Киприановской редакции «Сказания» можно выделить несколько «чудесных» эпизодов:

– пророчество преподобного игумена Сергия;

– Дмитрий Иванович у гроба чудотворца Петра;

– письмо и благословление преподобного игумена Сергия;

– слушание земли;

– появление засадного полка;

– чудесное «избавление» от смерти великого князя.

Сюжетообразующую функцию выполняет эпизод пророчества преподобного игумена Сергия: «**Преподобный же игумен Сергий умоли его** [великого князя – *С. А.*] **ести его хлеба в трапезе: Даст ти а рече а господь бог и пречистаа богородица помощь и не у еще сие победы венець с вечным сном тебе есть, прочим же мнозем без числа готовятся венци с вечною памятию**» (56). И велел приготовить освященную воду и по окончании трапезы благословил крестом великого князя и окропил его святой водой с просьбой умилостивить Мамая дарами. Игумен предсказывает как судьбу самого князя, так и исход сражения, вселяя в него чувство уверенности в своих ратных силах.

[214] Сказание о Мамаевом Побоище. Киприановская редакция // Сказания и Повести о Куликовской битве. Л., 1982. С.43. (В дальнейшем цитируется это издание с указанием страниц в скобках).

[215] *Дмитриев, Л. А.* За землю русскую // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 16. (Страницы истории отечества).

Следующий эпизод, усиливающий пророческий смысл предыдущего предсказания, – Дмитрий Иванович у гроба чудотворца Петра: «**Таже иде ко гробу чюдотворца Петра и припаде со слезами моляся и получити помощь и заступление от врагов и низложити гордость ихи суровьство**» (57). Важным представляется осмысление происходящего игуменом Сергием: «**Господь бог будет ти помощник и заступник, и тъй победит и низложит супостаты твоя и прославит тя**» (57). Он делает акцент не на воинской доблести князя и его воинов, а на помощи Божией: «Бог победит и низложит врагов твоих», – что свидетельствует о христианско-религиозном значении и понимании чуда.

Рассмотрим эпизод слушания земли Дмитрием Боброком Волынцем: «**Есть бо две вести: едина тебе на радость, а другаа на велию скорбь. Припадах убо ухом на землю и слышах землю, плачющу надвое, горко и зело страшно. Едина убо страна, аки некаа жена, напрасно плачющи, дерзающи и кричащи татарским гласом о чадех своих, бьющися и слезы изливающи, аки реки. А другаа страна земли, аки некаа девица, плачющи и вопиющи, аки свирелным, плачевным гласом, в скорби, печали велице** <…>. **Да не оскорбятся и не унынют сердца многых. Но с верою и милостынею призывай на помощь господа бога, и пречистую богородицу, и чюдотворца Петра, и вся святыа. Вооружись животворящим крестом Христовым, то бо его велие непобедимое оружие на враги видимыа и невидимыа**» (61). Слушание земли Дмитрием Боброком Волынцем корреспондирует с пророчеством игумена Сергия. И священнослужитель, и боевой соратник великого князя предсказывают гибель большого числа людей и спасение Дмитрия Ивановича. Перекличка этих двух эпизодов ощущается сильнее, если принять во внимание наказ обоих провидцев не говорить об увиденном ими никому. Отметим ещё, что в роли чудесных помощников выступают предметы религиозного поклонения: крест Христов и просфора, присланная вместе с письмом игумена Сергия:

«**Да будет ти господь бог помощник и пречистаа богородица и святый чюдотворець Петр. И присла к нему была ему хлебець пречистый богородицы. Князь же велики сьяде той хлеб святый, просте руце свои и велегасно возопи:** <…> **Пресвятая госпоже богородице, помагай нам! Тоя молитвами, Христе Боже, и святаго чюдотворца Петра, и великого святителя Киприана митрополита, и преподобнаго игумена Сергиа помилуй и спаси нас от бесермен сих, въоружившихся на нас!**». (63). Пророчество исполняется следующим образом: «**И уже девятому часу изходящу и се, внезапу потяну ветер созади их, понужаа их** [воинов засадного полка – *С. А.*] **изыти на татар** <…>. **Тогда убо божественною помощию и пречистыа его матере в великый страх и ужас впадоша нечестивые измаильтяне; от божественныа силы невидимо устрашишася и возкликнуша, глаголюща: Увы, нам! Увы, нам!**» (66). То есть враги были деморализованы.

Далее в дело вступают воины засадного полка: «**Тако убо видяшася Мамаю и татаром его, яко изыдоша из дубравы христианстии полцы тмочисленныа, и никто же от татар можаше стати противу их. И побеже Мамай со князи своими в мале дружине. И мнози татарове оружием падоша от христианскаго воиньства, пособием божиа матере и великаго чюдотворца Петра, друзии в реце истопоша** <…>. **А княжии полцы гнашася за татары и до станов их и полониша богатства и имениа их много**» (66). Авторская интерпретация событий совпадает с точкой зрения героев «Сказания»: «**И такова убо бысть победа и помощь божиа, и чюдеса и знамениа божиа матере, и великаго чюдотворца Петра, и преподобнаго игумена Сергиа, и святых страстотерпец Бориса и Глеба, и всех святых, и родительскаа молитва православных христиан, яко и гдеи не доходиша христиньстии полци, тамо татарове избиении мертви лежаху, невидимою божиею силою и пречистыа его матере и святых его**» (66). Примечательно, что автор «Сказания» неоднократно

повторяет: заслуга в победе принадлежит, прежде всего, «небесным воинам», хотя ратники Дмитрия Ивановича, защищающие родную землю, тоже являются активными участниками сражения.

И последний эпизод – спасение великого князя: **дѣ нача битися с татары преже всех**. [Дмитрий Иванович – *С. А.*] **да одесную его и ошуюю его оступиша татарове, аки вода, ударяли, и много по главе его, и по плещама, и по утробе его бьющее и колюще, и секуще, но от всех сих господь бог своею милостью, и молитвами пречистыа его матере, и великого чюдотворца Петра, и всех святых молитвами соблюде его от смерти. Утруден же бысть и утомлен от великого буания татарьскаго толико яко близ смерти. Беаше же крепок зело и мужествен, и телом велик и широк, плечист, и чреват велми, и тяжек собою зело, брадою же и власы черн, взором же дивен зело**» (67). Помощь свыше в этом эпизоде оттеняет героические усилия воина, не заслоняя их совсем.

Таким образом, чудо в Киприановской редакции «Сказания о Мамаевом побоище» проявляется на разных уровнях художественного текста: прежде всего, на сюжетно-композиционном, поскольку является стимулом развития действия, помогая предугадать исход битвы (пророчество преподобного игумена Сергия и слушание земли). Примечательно, что и слушание земли, явление, имеющее фольклорные корни, и пророчество игумена, представляющее христианско-религиозный взгляд на событие, предвещают одно и то же – гибель большого числа людей: самые знатные князья, воеводы и бояре перечислены поимённо, а точного числа сложивших голову в бою не подсчитать. Это подчёркивает масштабность происходящего, грандиозное значение того, что свершилось два столетия назад (Киприановская редакция была создана в XVI веке). На образном уровне функции чудесных помощников выполняют предметы религиозного поклонения (Крест Христов и Просфора Пречистой Богородицы). Их могущество усиливается благодаря молитвам князей и благословениям

священнослужителей. Постоянные стилистические повторы придают повествованию торжественность и эмоциональную выразительность.

2.4 Чудесное в произведениях, которые описывают события, произошедшие после Куликовского сражения.

Финальным аккордом осмысления проявлений чуда в текстах XIII–XV веков станет анализ трёх произведений: «Повести о нашествии Тохтамыша», «Повести о Темир-Асаке» и «Повести о стоянии на реке Угре».

Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву существует в двух вариантах: кратком («Повесть о московском взятии от царя Тохтамыша») и пространном («Повесть о московском взятии от царя Тохтамыша и о пленении русской земли»). Литературная история этого памятника представляет собою своего рода детектив без развязки. В трудах исследователей нет единой точки зрения относительно первоисточника данной повести. И всё же с большой долей уверенности можно сказать, что сначала был создан краткий вариант, затем пространный. Возникает закономерный вопрос: является ли это произведение самостоятельным или входит в состав летописи? Большинство учёных (Д. С. Лихачёв, Н. М. Тихомиров, М. А. Салмина, Б. Н. Путилов) придерживаются мнения, согласно которому, если оно дошло до нас в составе летописей, значит, это произведение не обладает самостоятельностью. Например, Н. М. Тихомиров пишет: «<…> она [повесть – *С. А.*] не является в полном смысле оригинальной, а представляет собою расширенный и дополненный свод двух более ранних повестей, в свою очередь, резко отличающихся друг от друга»[216]. Сходную мысль высказывает и Д. С. Лихачёв: «<…> отдельной повести о нашествии Тохтамыша не существовало, и летописцы, описывавшие события 1382 г., не выходили за пределы обычных приёмов своей работы, а отчасти и общей направленности изложения»[217]. Однако есть и иная точка зрения по этому вопросу. Л. А. Дмитриев предположил: «Хотя краткая и пространная редакции летописной повести о нашествии

[216] *Тихомиров, М. Н.* Древняя Москва. М., 1947. С. 192.
[217] *Лихачёв, Д. С.* Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» // Исследования и материалы по древнерусской литературы. М., 1952. С. 15-16.

Тохтамыша на Москву дошли до нас только в составе летописей, возможно, что первоначально составлялась как самостоятельное произведение и в состав летописей была включена позже – в сокращённом виде в свод 1408 г. и в полном – в свод 1448 г.»[218]. Подобное предположение даёт возможность рассмотреть этот памятник как самостоятельное художественное произведение, разумеется, принимая во внимание его летописные особенности.

Следует констатировать, что Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву не обошли вниманием авторы соответствующих глав и разделов академических Историй русской литературы. С. К. Шамбинаго, Б. Н. Путилов и Л. А. Дмитриев, обобщая суждения и наблюдения своих предшественников над поэтикой этого произведения, сосредотачивают внимание на следующих вопросах: жанровое своеобразие, проблема героя, традиции и новаторство.

Относительно жанра Н. И. Тотубалин замечет: «Повесть выдержана в духе исторических сказаний. Она написана, очевидно, лицом духовного звания. Об этом свидетельствуют и прекрасные описания разорения церквей, подкреплённые библейским изречением, сетованием автора на то, что “святые места погании осквернища”»[219]. Есть у исследователя и второй аргумент в защиту своего предположения: «<…> выдвижение Остея героем повести даёт основание предполагать, что эта её редакция вышла из недр канцелярии митрополита Киприана, известного своей ориентацией на Литву»[220]. С. К. Шамбинаго указывает на оригинальность этого произведения: «Повесть о Тохтамыше уникальна в русской литературе, сама

---

[218] *Дмитриев, Л. А.* Литература эпохи русского Предвозрождения XIV-XV веков // История русской литературы : в 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 180. Что есть произведение в древнерусской литературе пытался понять и Д. С. Лихачёв: «Понятие «произведения» было более сложно в средневековой литературе, чем в новой. Произведение – это и летопись, и входящие в летопись отдельные повести, жития, послания. Это и житие в целом, и отдельные описания чудес, ‘’похвалы’’, песнопения, которые в это житие входят. Поэтому отдельные части произведения могли принадлежать к разным жанрам, а так как в средние века художественный метод был тесно связан с жанром произведения, то произведение в отдельных случаях могло быть написано различными художественными методами» (Лихачёв, Д. С. Развитие русской литературы XI-XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 55).

[219] *Тотубалин, Н. И.* Повесть о нашествии Тохтамыша // Русские повести XV-XVI веков. Л., 1958. С.369.

[220] Там же.

никому не подражала. Её оригинальность подчёркивают два весьма показательных мотива»[221]. Эти мотивы таковы:

– выдвижение на первый план гостей-купцов: сурожан, суконников;

– искусный выстрел “суконника” Адама, поразивший татарского вельможу[222].

Однако вывод, который делает С. К. Шамбинаго, противоположен выводу Н. И. Тотубалина в вопросе принадлежности автора к духовенству: «Эти особенности Повести о Тохтамыше вызывают предположения, что произведение вышло не из официальной или митрополичьей канцелярии, но появилось в среде торговой, понимавшей значение гибели городского богатства – “казны”»[223]. Противоречия эти до сих пор не сняты. Однозначно ответить на этот вопрос трудно, однако исследователи всё же склоняются к тому, что более светский характер имеет краткая редакция, церковный – пространная.

Ценное наблюдение над проблемой героя делает Б. Н. Путилов. Он пишет: «В “Повести о Тохтамыше” нет индивидуального героя, который находился в центре повествования. Её герои – простые люди, городские низы, “сурожане”, “суконники” и “прочие купцы”, которые должны были взять в свои руки оборону Москвы, после того как великий князь Дмитрий Иванович покинул город, не получив в своих попытках организовать отпор врагу поддержки от других князей: “они не хотяху помогати”, забыли, что надо жить “друг другу пособляя и брат брату помогая”»'[224]. Это обстоятельство весьма необычно для воинских повестей в целом. В этом произведении, конечно, есть герои-князья, но великий князь Дмитрий Иванович – далеко не главное действующее лицо повествования, а эпизод с участием князя Владимира мы рассмотрим чуть ниже.

---

[221] *Шамбинаго, С. К.* Литература Московского княжества конца XIV и XV вв. // История русской литературы : в 10 т. М. ; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 208.

[222] Там же.

[223] Там же..

[224] *Путилов, Б. Н.* Литература конца XIV-XV веков. Развитие исторических жанров и зарождение бытовой повести // История русской литературы : в 3 т. М. ; Л., 1958. Т. 1. С.189.

Подступы к осмыслению мотива божественного заступничества в воинской повести были обозначены С. К. Шамбинаго: «Вступлением к повести <…> служит указание на появление “хвостатой звезды” “аки копейным образом”, знаменующей “злое пришествие Тохтамышево”»[225]. Нам всё же думается, что характеризовать описание знамения как «вступление» не совсем точно, поскольку перед нами не произведение ораторского красноречия, а памятник повествовательной природы. Следовательно, это описание можно соотнести с *завязкой*, содержащей в себе беллетристический элемент и задающей тон высокохудожественной изобразительности, которую отмечают все исследователи этого произведения. А его функция может быть определена как *предупреждение о грозящей опасности*. В этом произведении мы встречаемся с такой формой проявления небесного заступничества, как *предзнаменование (предупреждение) беды*. Дальнейшие события трагичны: татары добрались до Москвы и взяли город хитростью, хотя русские без боя не сдались: «**И идяху стрѣлы** <…> **аки дождева тучя**» (196).

Есть и второй эпизод, связанный с небесным заступничеством. Князь Владимир Андреевич (брат Дмитрия Ивановича), как сказано в повести, «**стояще оплъчився близъ Волока събравъ силу около себе. И неции от татаръ не вѣдуще его ни знающи его наехаша на нъ. Он же о возѣ укрпився и удари на нихъ и тако милостию божиею овых уби, а иных живых поима, а инии побѣгоша и прибѣжашя к царю, повѣдашя ему бывшее. Он же с того попудися и оттолѣ начать помалу поступати от града**» (204). Судьба Олега Ивановича, князя Рязанского, «Иуды-предателя», сложилась печально. Он был вынужден бежать, а его землю Рязанскую захватили и разорили. В этом фрагменте для нас важно, что князь «о бозе укрепився». То есть оружием князя является не столько меч, сколько вера. Это особенно заметно, если принять во внимание, что в арсенале врага

[225] *Шамбинаго, С. К.* Литература Московского княжества конца XIV и XV вв. // История русской литературы : в 10 т. М. ; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. - С. 206.

имеются меч и огонь, на что автор указывает неоднократно. Таким образом, боевой конфликт переводится в сферу трансцендентного. Победа и физическая, и моральная за тем, в чьём сердце Бог.

Несмотря на весь трагизм, в повести звучат нотки надежды: Тохтамыш отправляет в Москву посла по имени Карач, а Дмитрий Иванович велит ставить дворы и отстраивать города.

Интерес читателей и исследователей к «Повести о Темир-Асаке» объясняется, по мнению И. Д. Жучковой, её жанровым своеобразием, ведь с одной стороны, перед нами «воинская повесть [что и даёт нам возможность обратиться к этому произведению – *С. А.*], рассказывающая о первой победе русских войск после страшного Тохтамышева разорения», и «сказание о чуде иконы Владимирской богоматери, спасшей столицу русского государства от нашествия жестокого азиатского завоевателя Тимура»,[226] – с другой.

Повесть о Темир-Асаке была создана в самом начале XV века, в 1402–1408 гг. Композиционно она членится на две части: «Первая часть – легендарная биография Темир-Асака и его завоевания; вторая часть – выступление в поход Василия Дмитриевича, перенесение иконы Владимирской богоматери, её “сретение” и “чудо от иконы”»[227].

Исследователи (С. К. Шамбинаго, Б. Н. Путилов, В. П. Гребенюк и др.) отмечали наличие «чуда от иконы» в памятнике, однако роль этого эпизода сводилась либо к проявлениям средневекового мировоззрения, либо к выражению идеи «патроната и богоизбранности русской земли»[228] и легитимности власти московского князя. Например, Б. Н. Путилов отмечает: «<…> вторая часть повести, рассказывающая о неожиданном избавлении Руси от опустошительного нашествия, содержит важную и новую для того времени оценку московской великокняжеской власти как освящённой “свыше”, пользующейся божьим покровительством, и потому морально

[226] *Жучкова, И. Д.* Повесть о Темир-Асаке // Словарь книжников и книжности Древней Руси вторая. половина XIV – XVI вв. Л., 1989. Ч. 2. С. 283.
[227] *Гребенюк, В. П.* «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI–XVII веках // Русская литература на рубеже двух веков (XVII – начало XVIII в.). М., 1971. С. 190.
[228] Там же. С. 200.

высокой, справедливой и законной. Эта власть воплощена в князе Василии Дмитриевиче, который противостоит Темир-Асаку как тип государственного деятеля. В связи с этим кругом идей в повесть включён рассказ о “чуде от иконы”. В момент прихода татар происходит перенесение из Владимира в Москву главной церковной святыни – иконы богородицы. Тем самым еще более подчёркивается роль Москвы как нового политического и религиозного центра Руси»[229].

Мировоззренческую особенность повести характеризует Н. И. Тотубалин: «После двухнедельной остановки из пределов Рязанского княжества он [Темир-Асак – *С. А.*] неожиданно повернул обратно и ушёл в приазовские степи. Это радостное для Руси событие, как раз совпавшее по времени с перенесением иконы из Владимира в Москву, и послужило основанием для создания повести о чудесном избавлении от нашествия Темир-Асака. Реальные причины, заставившие монгольского завоевателя отказаться от похода на Русь, в полной мере не выяснены до сих пор. Тем более они были непонятны автору повести. Поэтому в соответствии с религиозными воззрениями своего времени он связал их с вмешательством божественной силы»[230].

Однако за пределами исследовательской внимания остаётся осмысление проявлений божественного вмешательства как «явлений художественного порядка»[231], на чём мы и сосредоточимся. Прежде всего, нас интересуют два аспекта: сюжетные функции и способы введения чудесного в текст повести. Способы «появления» чудес следующие: мотив действенности молитвы, авторский комментарий, констатация факта свершившегося и библейская аналогия.

Рассматривая их в сюжетной последовательности, отметим:

---

[229] *Путилов, Б. Н.* Литература конца XIV-XV веков. Развитие исторических жанров и зарождение бытовой повести // История русской литературы : в 3 т. М. ; Л., 1958. Т. 1. С. 186.
[230] *Тотубалин, Н. И.* Повесть о Темир-Асаке // Русские повести XV-XVI веков. Л., 1958. С. 371.
[231] См.: *Лихачёв, Д. С.* «Слово о полку Игореве»- героический пролог русской литературы. Л., 1967.

– *мотив действенности молитвы*: «**Заступниче нашь Господь, да не речеть: Гдѣ есть Богь ихъ? — ты бо еси Богъ нашь, иже гордымъ противляяся! Стани, Господи, в помощь рабомъ твоимъ, на смиреныя своя рабы призри! Не попусти, Господи, сему оканному врагу поносити нас, твоя бо держава неприкладна и цесарство твое нерушимо! Слыши словеса варвара сего, избави насъ и град нашь от аканнаго и безбожнаго цесаря Темирь Аксака**»[232]. На этот будто бы риторический вопрос взывающего к небу повествователя следует ответ: неприятель “убояся и устрашися, и ужашеся и смятеся”, и “нападе на нъ страх и трепет”, и поворачивает назад»[233];

– *авторская интерпретация описываемых событий, констатация факта свершившегося чуда*: «**Тако Божиею благодатию неизреченныя милости, молитвами святыя Богородица, град нашь Москва цѣлъ и сохраненъ бысть, а Темирь Аксакъ царь возратися въспять, поиде въ свою землю. Оле преславное чюдо! О превеликое удивление! О многое милосердие к роду крестьяньскому! Въ который день принесена бысть икона пречистыя Богородица из Володимеря на Москву, и в той день Тимирь Аксакъ царь убояся и устрашися, и ужасеся, и смятеся, и нападе на нь страхъ и трепетъ, вниде страх въ сердце его и ужасъ в душю его, вниде трепетъ в кости его, и скоро отвержеся и охави воевати Руские земли, и въсхитишася быстрие путнаго шествия, и скорѣе *грядяху* к ордѣ, а к Руси тылъ опоказующи, и *обратися* съ сродници своими въсвояси; *возвратишася* безо успѣха, възмятошася и въсколебашеся, аки нѣкими гоними быша. Не мы бо их гонихомъ, но Богъ прогони изъ невидимою силою своею и пречистыя его Матери, скорыя заступници наша въ бѣдахъ**» (238). В этом эпизоде нам важно,

[232] Цитируемый текст взят из рукописи Сборника XV века Государственной Публичной библиотеки, Соловецкое собрание, № 914/804, лл. 476-488 – здесь сохраняется ранний вариант, не включённый ещё в текст летописи; текст сверен и исправлен по изданию: Софийская вторая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 124-128.

[233] *Путилов, Б. Н.* Литература конца XIV-XV веков. Развитие исторических жанров и зарождение бытовой повести // История русской литературы : в 3 т. М. ; Л., 1958. Т. 1. С.186.

что чудо предстаёт перед читателем не только как часть христианско-религиозного миропонимания, но и как «превеликое удивление», особенно если учесть, что сила Господа – это «невидимая сила», по выражению автора. Поскольку это центральный эпизод повести без сражения, выскажем предположение, что «чудо от иконы» проявляет себя в кульминационном моменте действия произведения;

– *библейская аналогия*: «**Якоже древле при Єзикѣиле цари и при Исаии пророц Сенахиримъ, царь асурийский, прииде на Єрусалимъ ратью, зло похваляяся в гордости велицѣ и на Бога вседержителя хулныя глаголы възмущая; царь же Єзикиль тогда боляще, но аще боленъ бѣ, помолится къ Богу со слезами, *купно* съ пророкомъ Исаиемъ и со всѣми людми — услыша Богъ молитву ихъ, паче же Давыда ради угодника своего, посла Богъ ангела своего, мню великого архангела Михаила, абие в ту нощь ангелъ Господень уби от полка асурийска 100 и 80 и 5 *тысяч*; наутреи же въсташа, обрѣтоша мертва трупия лежаща; царь же асурийский Сенахиримъ убояся зѣло и устрашися, со останочными своими вои скоро отбѣжа въ Ниневгию град и тамо от своихъ детей убьенъ бысть и умре**» (238; 240). Как пишет В. П. Гребенюк, «само нашествие Темир-Асака сравнивается с библейской историей о нашествии царя Ассирийского на Иерусалим, таким образом, борьба с Темир-Асаком получает вечный, вневременный смысл»[234]. Аналогия сопрягается с современностью: «**Не наши воеводы прогнаша Темирь Аксака, не наши воиньства пострашили его, но силою невидимою нападе на нь страх и трепетъ, страхомъ Божьимъ устрашился гнѣвомъ Божимъ гонимъ бѣ, подщався и отиде от Руския земля, отступивъ поиде прочь отнюду же прииде, земли Рустѣй отнюду же не прикоснуся, ни оскорби, ни остужи, ни вреди ея, не поиде безъ врата. Мы же въстахомъ и прости быхомъ, онъ же заиде исчезе; мы ожихомъ и**

[234] *Гребенюк, В. П.* «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI–XVII веках // Русская литература на рубеже двух веков (XVII – начало XVIII в.). - М., 1971. – С. 192.

прости быхомъ, помощь наша *от Господа,* сотворшаго небо и землю» (238; 240). На наш взгляд, этот эпизод не является сюжетным витком, будучи своеобразным авторским «послесловием» к рассказанной истории, которое позволяет повествователю ещё раз высказать своё отношение к описываемому и даёт возможность быть убедительнее в расстановке акцентов в произведении.

Таким образом, мотив небесного заступничества проявляет себя в сюжетном движении повествования: в первом случае («Повесть о нашествии Тохтамыша») эпизод, его содержащий, можно соотнести с завязкой, во втором – с кульминационным моментом действия («Повесть о Темир-Асаке»). Формы его реализации – знамение и «чудо от иконы». Нельзя не отметить, что этот мотив может служить средством выражения авторской позиции. В этом случае он включается в текст при помощи библейской аналогии.

Рассмотрим проявления чудесного в «Повести о стоянии на Угре». Это произведение оказалось в центре внимания историков, которых интересовала его историческая основа (В. Д. Назаров), фигура московского князя Ивана III (А. Е Пресняков, Я. С. Лурье). Я. С. Лурье указал и на неоспоримые литературные достоинства памятника: «Древнерусские книжники, писавшие о событиях 1480 года, конечно, пользовались при этом образами и стилистическими приёмами, свойственными литературе их времени, но сообщали они о реальных и очень важных событиях, смысл которых необходимо понять и историкам, и литературоведам»[235]. Ученый не обошёл вниманием «ссылки на чудо», мотивировав их политической позицией летописца: «Что касается ссылок на чудо при объяснении исторических событий, то они, конечно, довольно обычны в древнерусских литературных памятниках, но включать рассказ, задевающий самого великого князя только для того, чтобы ввести тему чуда, официальные летописцы едва ли стали бы

[235] *Лурье, Я. С.* Конец золотоордынского ига («Угорщина») в истории и литературе // Русская литература. 1982. № 2. С. 64.

<…>. Великокняжеские летописцы упомянули о колебаниях в 1480 году, вероятнее всего по той простой причине, что о них прекрасно знали современники: следовало поэтому не скрывать эти факты, а объяснить их, возложив ответственность на “злых человек”, советников, уже попавших к тому времени в опалу»[236]. Однако эти «ссылки» значимы и в художественном отношении. Необходимо учесть несколько важных историко-географических подробностей. «Повесть о стоянии на Угре» была создана предположительно в 80-е годы XV века. В это же время происходит её действие. Произведение тематически связано с повестями Куликовского цикла. В основе лежит реальное историческое событие (царь Ахмат действительно воссоединялся с польским королем Казимиром для того, чтобы воевать с Русью). В повести изменено только имя героя. Это был хан Ахмед.

Угра – северный приток Оки, впадающий в нее в районе Калуги, западнее Серпухова и Тарусы. То, что Царь Ахмат, не сумев перебраться через Оку, пошел по Литовским землям, подтверждают ряд источников (ростовская повесть об Угре, Московский свод и Лихачевский летописец)[237].

Фабула повести такова. Пришла весть к великому князю, что царь Ахмат идёт с ордой да ещё в союзе с польским королём Казимиром (король и направил его против Руси, желая сокрушить христианство). Князь же великий находился в Коломне, а сына своего Ивана поставил у Серпухова, а князя Андрея Васильевича Меньшого в Тарусе, а прочих князей и воевод – в иных местах, а других – по берегу. Ахмат прознал, что великий князь стоит у Оки и пошёл к Московской земле, желая взять в союзники короля и его войско. Бывалые проводники указали ему путь к реке Угре. А князь поехал из Коломны в Москву к церквам Спаса Пречистой Богородицы и к Святым Чудотворцам с просьбой о помощи христианам, намереваясь обсудить, как защищаться от врага, с митрополитом Геронтием и с матерью, великой княгиней Марфой, и с дядей Михаилом Андреевичем, и с духовным отцом

[236] *Лурье, Я. С.* Конец золотоордынского ига («Угорщина») в истории и литературе // Русская литература.1982. № 2. С. 64.
[237] См.: комментарий Я. С. Лурье на с. 667 (ПЛДР вторая половина. XV века. М., 1982).

архиепископом ростовским Вассианом, и с боярами (были тогда они в осаде в Москве). И молили его «великим молением», чтобы крепко бился он за христианство против басурман (экспозиция). Князь великий внял их мольбе, получил благословление и направился к Угре и, переправившись через реку, стал у Кременца с небольшим числом людей – остальных же отпустил на Угру. Ахмат ожидал, что король придёт к нему на помощь, но тот был занят в междоусобной распре и помочь не сумел. А подошёл со своим войском к Угре, надеясь перейти реку.

В этом произведении можно усмотреть два «чудесных» эпизода в описании боя, который так и не состоялся:

– «**И придоша татарове, начаша стрелять, и наши на них, инии же придоша противу князя Андрея, а инии противу великого князя мнози, а овии противу воевод встругъ приступиша. Наши стрелами и пищалми многих побиша, а их стрелы межу наших падахуть и никого же уязвляхуть. И отбиша их от брегу. И по многи дни приступахуть бьющееся и не возмогоша, ждуще, егда река станет**»[238]. Это обстоятельство представлено в произведении как помощь свыше русским воинам.

– «**Тогда же бысть Преславное Чюдо Пречистыя Богородица: егда отступиша от брегу наши, татарове страхом одержими побегоша, мняще, яко берег даяхуть им Русь и хотят с ними битися. И наши, мнящее татар за ними реку пришедших, за ними женут придоша на в Кременецъ** <…>. **Едини от других побеже и никто же женяше**» [516].

То есть Небесная Заступница не только отводит от русских воинов вражеские стрелы, но и помогает избежать кровопролития. Можно сказать, что небесное заступничество имеет значение кульминации. Завершается произведение риторическим воззванием летописца сохранить независимость Руси от иноземного ига.

[238] Повесть о стоянии Угре // ПЛДР вторая половина. XV века. М., 1982. С. 516. Далее цитируется это издание с указанием страниц в квадратных скобках.

Таким образом, чудо обнаруживается на сюжетно-композиционном, образно-стилевом уровнях произведений о татарском нашествии. Особо отметим эпизоды, где действуют небесные заступники (Богородица, Борис и Глеб и др.), решая исход сражения в обеих повестях. Важно отметить и силу чуда, заключённого в слове (молитва князя, благословение священнослужителей, помещённые, как правило, в экспозиции). Чудесное может быть введено в текст как прямо («бысть преславное чудо»), так и иносказательно («**И повѣлѣ Господь тмѣ отступити а свѣту пришествіе дарова**»). Во втором случае метафорическое противопоставление, заявленное до описания самой битвы и сообщения об её исходе, может подсказать читателю, чем закончится сражение. На сюжетном уровне ярче всего чудо проявляет себя в кульминационном моменте действия. Благодаря ему русские воины одолевают врага или же обе рати избегают военного столкновения.

Для произведений о княжеских усобицах характерны предметные воплощения чуда (Крест Христов, Икона). Заметим, что в более позднюю эпоху эта форма чудесного всё же сохранит жизнеспособность и проявит себя, например, в «Повести о взятии Смоленска Иваном Грозным». Что касается двух редакций «Сказания о Мамаевом побоище», то, как представляется, для Основной редакции характерна большая выразительность при описании «громадности» (В. Ф. Переверзев) противоборствующих сил, тогда как для Киприановской, учитывая её церковную направленность, имеет значение идейная сторона победы на Куликовом поле, что вовсе не означает отсутствие изобразительности в Киприановском варианте (вспомним хотя бы подробное описание портрета князя Дмитрия Ивановича, весьма редкого для воинских повестей).

Глава 3

Судьба воинской повести и особенности чудесного в произведениях первой половины XVII века

3.1 Мотив чуда в «Повести о взятии Смоленска Иваном Грозным»

В этой главе речь пойдёт о произведениях переходной эпохи, а именно, первой половины XVII века: «Повести о взятии Смоленска Иваном Грозным» и двух повестях Азовского цикла, позволяющих проследить как жанровые трансформации, так и изменения в проявлении чудесного.

Общие процессы изменений в жанровой системе русской литературы XVII века затронули и воинскую повесть, которая продолжает существовать наряду с историческим повествованием, принимающим разнообразные жанровые формы: историко-легендарная повесть, историко-документальное сочинение.

Историко-легендарная «Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным» дошла в составе трёх летописцев XVII–XVIII вв. неофициального характера в окружении сказочно-исторических повестей («Сказания об убиении Данила Суздальского и о начале Москвы», «Повести про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоунина»), а также в составе Латухинской степенной книги конца XVII – начала XVIII вв.[239].

Повесть сообщает, что царь Иван Васильевич уже третий год стоял под Смоленском. На третий год прибывает к нему посланник архиепископа тверского Евфимия с замком и ключом. Архиепископ благословил царя и повелел ему «запирать замок и отпирать ключом Смоленск град». Это вызвало у царя гнев, и он велел казнить посланника, но «*божию помощию* **Смоленска-града в третий день людие посидельцы** [осаждённые – *С. А.*]

[239] См.: *Салмина, М. А.* Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным // Словарь книжников и книжности Древней Руси XVII. век. СПб., 1998. Ч. 3. С. 101-102.

град отворили и здалися царю гладные ради великие нужды. И государевы воеводы во град ехав, град взяли»[240]. Иван Васильевич простил архиепископа, славя Богоматерь.

Существенным представляется замечание М. А. Салминой о переносе действия повести в эпоху Ивана Грозного, тогда как присоединение Смоленска к русскому государству произошло в 1514 г. при Василии III. Время возникновения произведения, как полагает М. А. Салмина, – 30-е гг. XVII века – период борьбы за город с польским королём[241].

Исследователь выделяет некоторые проблемы изучения этого произведения, такие как изображение героя, вымысел и действительность, жанровое своеобразие. Характеризуя образ Ивана Грозного, она отмечает: «Героем своего рассказа автор повести сделал не Василия III, настоящего завоевателя Смоленска, а Ивана IV, нарисовав его образ в соответствии со сложившимися уже к этому времени фольклорными и литературными традициями, согласно которым, наиболее характерной чертой царя считалась его гневливость»[242]. Ещё один фольклорный след, по её мнению, можно усмотреть в упоминании в тексте повести числа три: «Василию III, чтобы овладеть городом, пришлось предпринять три похода и три приступа. Можно допустить, что упоминание трёх лет, проведённых царём и великим князем Иваном Васильевичем “под градом”, является воспоминанием о трёх походах Василия III, но можно видеть здесь лишь фольклорный приём, так как число фигурирует в повести ещё раз: Смоленск пал на третий день»[243].

Исследователь делает акцент и на момент сбывшегося пророчества: «В повести можно усматривать тему сбывшегося пророчества: слова архиепископа, которые, на первый взгляд, звучали как насмешка, в конце

---

[240] Цит по изд.: ПЛДР XVII век : (книга вторая). М., 1989. С. 26. Текст повести издан по Старшему её списку ГМИ Музейное собрание № 3996 середины XVII в. Опубликовано М. А. Салминой в ТОДРЛ (1969. Т. 24. С. 192-195).

[241] *Салмина, М. А.* Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным // Словарь книжников и книжности Древней Руси XVII век. СПб., 1998. Ч. 3. С. 101-102.

[242] *Салмина, М. А.* Древнерусская Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозном // ТОДРЛ. 1969. Т. 24. С. 193.

[243] Там же. С. 193 -194.

концов, оказываются истиной»[244]. Вопрос о соотношении вымысла и реальности М. А. Салмина справедливо связывает с жанровыми особенностями памятника: перед читателем развёртывается псевдо-исторический сюжет, а у автора произведения была задача «не столько воссоздать действительные исторические факты, сколько рассказать *занимательную* [курсив мой – *С. А.*] повесть, содержащую некоторые реалии, что придаёт ей облик исторического предания»[245]. Занимательность, на наш взгляд, проявляется и в стремлении передать душевные волнения царя, ведь он всё не мог понять, как следует брать город: приступом или подкопом. Сложность психологического состояния передаёт и ритмический рисунок повествования с логическим ударением на действие: «**А стоял под градом три годы, занеже крѣпок град древяной бысть и острог. Не домысляше, како приступом или подкопы а взят** <…> **много крови пролье, рускаго воинства паде и казны истощив, а не можаху никако ж града взять**». Таким образом, краткое, но выразительное описание осады, обозначенной через детали, позволяют автору передать эмоциональное состояние царя, пытающегося подчинить себе город.

Небольшая по объёму «Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным» интересна своими художественными особенностями. Ключевую роль в произведении, думается, играют слова послания архиепископа Евфимия: «**Благославляю тя, царю, запирай тѣм замком и отмыкай ключем Смоленскъ град**» (будь хозяином города), поскольку они не только знаменуют собой переход от предыстории к самой истории, но и обозначают символическое действие (запирать город на замок, отпирать), приносящее реальный результат. Чудо проявляется в этом произведении на уровне образов, ведь «союзники» царя не столько воины с и их ратными качествами,

[244] Там же. С. 193.
[245] *Салмина, М. А.* Древнерусская Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозном // ТОДРЛ. 1969. Т. 24. С. 195.

а сакральные предметы – замок и ключ[246]. Их могущество возрастает благодаря благословению тверского архиепископа.

Мы имеем основание рассматривать это произведение в ряду воинских повестей с точки зрения некоторых жанровых признаков. Весь текст представляет собой летописную статью, содержит летописный зачин: («**в лѣто 7063 (1555) года, 29-го июля**») и не имеет развёрнутых описаний. И наконец, повествует об осаде города (на это намекает уже название – «Повесть о взятии»). Однако летописная краткость не исключает изобразительных деталей в повествовании. На наш взгляд, ярче всего они проявляются в описании падения купола возле шатра: «**И бысть Смоленска града из болшей пушки стрѣлили и прииде пушечное ядро и сорва маковицу у церкви Преображенья спасова и поставив маковицу зле шатер царевъ, да едва в шатрѣ царя маковицей не убило**». Автор не даёт никакого «ключа» к толкованию этого эпизода, но можно предполагать, что создатель повести предостерегает и одновременно намекает на благоприятное стечение обстоятельств, которое приведёт царя к военной удаче.

«Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным» отчётливо свидетельствует, как менялось с течением времени соотношение реальности и вымысла в историческом повествовании XVII века. Доля вымысла возрастает. От исторической основы сохранилось только одно – факт осады Смоленска. Подробности этой осады и взятия вымышлены. По наблюдениям М. А. Салминой, «остаётся неясным намёк на конфликт Ивана Васильевича с тверским епископом. Может быть, в нём следует видеть лишь отголосок имевших место в прошлом враждебных отношений Твери к Московскому

[246] Символическим смыслом может быть наполнен такой объект, как ворота: «Ворота в Древней Руси символизировали собою город, его независимость, независимость страны. Открыть ворота или затворить их имело символическое значение. Действия эти свидетельствовали о желании горожан сложить оружие или оказать сопротивление. Именно в связи с этим образовывался ряд выражений. Вместо того, чтобы сказать, что горожане решили сопротивляться, очень часто говорится *«затвориша врата»*; вместо того, чтобы сказать, что город сдался, в летописи найдём: *«отвориша врата»*. Как явствует из многочисленных случаев употребления в летописи выражений, отворить и затворить ворота можно свои и чужие (последние) насильно, но затворить ворота можно только свои, своего города или своей земли». // Слово о полку Игореве. М. ; Л., 1950. С. 442-443 (комментарий Д.С. Лихачёва). (Литературные памятники).

государству и, напротив, дружеских по отношению к Литве? Во всяком случае, ни один тверской владыка не носил имени Евфимия ни при Иване IV, ни при Василии III, но небезынтересно заметить, что архиепископ тверской назывался Евфимием в 1627–1641 гг.»[247], то есть в предполагаемое время создания произведения. «Этикетные» формулы чудесного («божьей помощию») наполняются конкретно-бытовым содержанием – осада завершилась взятием по реальным причинам не только благодаря «божьей помощи», но и из-за голода и нужды, что, в целом, свидетельствует о правомерности нашего представления о чуде как о сложном явлении, наполненном не только христианско-религиозным, но и художественно-эстетическим смыслом.

[247] *Салмина, М. А.* Древнерусская Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозном // ТОДРЛ. 1969. Т. 24. С. 194.

3.2 Мотив небесного заступничества в повестях Азовского цикла (первая половина XVII века)

В ряду исторических повестей XVII века особенный литературный интерес представляют произведения азовского цикла, рассказывающие о событиях русской истории 1637–1642 гг. Он состоит из повестей: Исторической, Поэтической, Документальной, Особой и Сказочной.

Так называемая Историческая повесть об Азовском взятии («Повесть и храбрость и мужество атаманов и казаков донского войска о граде Азове, предписание о граде Азове и о происхождении атаманов и казаков великого донского войска и о взятии его») – самая ранняя повесть цикла, определяемая как «публицистическое произведение, призванное идеологически обосновать необходимость взятия крепости»[248]. В жанровом отношении она максимально приближена к воинской повести. Отражение действительности, исторических событий сквозь призму религиозно-православного сознания многое определяет в идейно-смысловом наполнении произведения, его сюжетно-композиционной структуре, стилевом оформлении.

А. Н. Робинсоном выявлены особенности стиля этого произведения: использование автором традиционных воинских формул, вовлечение церковнославянского языка при воспроизведении молитвенных обращений, использование ритма дружинных песен[249].

Повесть состоит из трёх частей. Во Введении («Преднаписание о граде Азове») излагается полулегендарная история города, основанного греками, в которой высказывается важная мысль о том, что захват Азова есть «исполнение божественной воли». Бог хочет вернуть христианам их город. Таким образом, религиозный конфликт обозначен уже в экспозиции. Далее рассказывается «О происхождении атаманов и казаков великого донского

[248] *Каган, М. Д.* Повесть об Азове историческая // Словарь книжников и книжности Древней Руси XVII век. Л., 1998. Ч. 3. С. 63.
[249] См.: *Робинсон, А. Н.* Повести об азовском взятии и осадном сидении // Воинские повести Древней Руси. М. ; Л., 1949. С. 185-187 (Литературные памятники).

войска». Затем следует непосредственно описание осады и взятия Азова. Заключение сообщает о явлении казакам Богородицы и Иоанна Предтечи, зовущих их на штурм и предсказывающих победу, что усиливает звучание основополагающей идеи, а именно, – «покровительства небесных сил в овладении Азовом»[250]. Обозначенный во вводной части повести конфликт мотивирует и характер освещения событий, и сюжетное движение. Многолетняя борьба Донских казаков за крепость Азов была обусловлена комплексом причин реально-исторического и политического свойства, и начало боевых действий, связанных с её взятием, трактовано, прежде всего, как следование божественному волеизъявлению в выполнении важной миссии – отвоевать «у бусурман» издревле христианский город[251]. «**Да в том же градѣ Азовѣ по прежней нашей православной християнской вѣрѣ греческого языка престол божий, а стоит церковь и доныне святого и славного пророка и предтеча крестителя господня Иванна**»[252], которого казаки считали своим покровителем[253]. Казаки готовы для его «отвоевания» смерть принять, ибо ведь «**за православную истинную християнскую и непорочную вѣру, и за святыя божия церкви, и за государя царя**» [50]. Далее в основной повествовательной части разворачиваются события, связанные со взятием крепости, начало которых освящается молитвой с призыванием в помощь всех «святых небесных сил». Следует отметить, что постоянные молитвенные обращения, равно как и небесная помощь, – повторяющийся элемент сюжетно-композиционной структуры, её сквозной мотив. Казаков воодушевляет на ратные подвиги религиозно-патриотическая идея – остановить азовцев-«бусурман», чтобы они «**впредь в Российской земли церкви божия не разоряли и православных бы християн, братию и**

[250] *Каган, М. Д.* Повесть об Азове историческая // Словарь книжников и книжности Древней Руси XVII век. Л., 1998. Ч. 3. С. 63.
[251] *Робинсон А. Н.* Указ. соч. С. 182.
[252] Текст цит. по изд.: Воинские повести Древней Руси. М. ; Л., 1949. (Литературные памятники) С.48. Далее указываются страницы в квадратных скобках.
[253] См. комментарий А. Н. Робинсона на с. 308, помещённого в книге, по которому цитируется текст произведения.

сестрь наших под меч не клонили, и в плен к себе в работу не водили, и во свою бусурманскую веру лестию не превращали» [52].

Все узловые моменты повествования, включая подготовку к приступу, подкопы, разрушение крепостной стены, само взятие, преследование побеждённых азовцев, – сопровождаются проявлением незримой помощи свыше: «**И всех в степи и во граде божиею помощью под меч подклониша**» [55].

Обратимся к центральной части произведения. Решение казаков идти на Азов подкрепляется обращением атамана Михайла Иванова к великому войску Донскому: «**Пойдём мы атаманы и казаки, под тот град Азов среди дни, а не нощию украдом, своею славою великою, не устыдим лица своего против бестудных бусурман**» [51]. Оно напоминает традиционные речи князей, обращённые к дружине, – один из характерных сюжетно-композиционных элементов воинской повести, обнаруживаемых ещё в произведениях Киевского периода. Можно предположить, что функция атамана Михайла Иванова сходна с ролью князя в произведениях более ранних эпох, так как именно от него исходит инициатива выступления в поход.

Далее следует описание первого сражения: «**Месяца апреля в 21 день в пятницу Азов осадили. И учредивше войско на четыре полки, и в те полки полковников и ясаулов себе выбраша, и окопавше около того всего града Азова все великое Донское Войско ко граду Азову рвы великия и туры плетеныя землею насыпаша, и под стену всего града, как мочно из рук друг на друга каменем метати**» [51]. Когда палили из малых орудий и больших пушек, то «**бысть аки туча грозная восходила**» [53], азовцы стали «**унывающе и плачущиеся**» [53], а на казаков низошло Божье одарение: «**Мало нас господь наказа, а много помилова**» [53]. Сравнение сражения с грозой – это тоже дань традиции. А. Н. Робинсон отметил роль устойчивых формул: «Начитанность автора повести проявлялась прежде

всего в использовании многовековой поэтической традиции воинских повестей. Историческая повесть пользуется обычной воинской терминологией, украшает её традиционными образами, отмечает те же моменты боя, не проявляя в этих эпизодах намерения отойти от общепринятой манеры изображения воинских картин <…>. Древнерусские книжники постоянно сравнивали военную стрельбу, взрывы крепостных стен с грозою, громом и молнией: от стрельбы казаков “бысть аки грозная туча восходила”, в момент же взрыва городской стены – “бысть аки молния великая от того порохового дыму”. Когда казаки ворвались в Азов, начался жестокий рукопашный бой»[254]. Наблюдения учёного подтверждает и описание главного сражения: «**И милостию божиею и пречистые богородицы помощию, и святаго великого предтечи спасова Иванна, и государьским счастьем, и великого Донского войска промыслом и радением в день воскресны, в четвертом часу дни месяца июня во 18 день на память святого мученика Леонтия, тот мастер Иван, по повелению атаманов и казаков в подкопе порох запалил. И по строению божию ту градную стену вырвало и многих бусурманов за град с камением метало. И бысть аки молния великая от того порохового дыму.** <…> **И в том дыму друг друга не видеша, и бысть сеча великая, друг друга за руце хватаху, и сечахуся, и ножами резахуся. И бысть от того часа и до вечера сеча велия и самопалное стреляние**» [54-55]. Заметим, что казаки побеждают врага не только традиционно благодаря воинской доблести и помощи небесных покровителей, но и «государьским счастьем». Данные словарей древнерусского языка дают возможность трактовать это словосочетание как «удача атамана», поскольку слово «государьское» указывает именно на атамана Михайла Иванова, а под «счастьем», возможно, имеется в виду удача. Таким образом, автор намекает и на благоприятное стечение обстоятельств, что в целом и привело к победе

[254] *Робинсон, А. Н.* Повести об азовском взятии и осадном сидении // Воинские повести Древней Руси. М. ; Л., 1949 Литературные памятники). С. 168.

Донское войско. Подчёркивается и роль атамана, так как именно он является идейным вдохновителем военной кампании. Волевое же усилие подкрепляется «Божьим одарением»[255].

Завершающим аккордом повествования является «видение»: «**Ови человека видеша стара, ини же жену светлообразну. И глаголаша им, чтобы спешили подкопом и взятием града, что уже де время приспело преславной християнской вере бытии**» [56]. По мнению А. Н. Робинсона, «автор повести использует традиционное для древней литературы “видение” <…>, предвещающее скорую победу» [314]. Именно идея богоугодности военного предприятия, борьбы казаков за неприступную крепость, по всей вероятности, и является смысловым центром произведения, поскольку звучит и в авторском слове, и в речах персонажей, будучи освящённой образами Богородицы и Иоанна Предтечи.

В этом произведении несомненны жанровые признаки воинской повести, свидетельствующие о её жизнеспособности: последовательное изложение событий, точная фиксация даты сражения с указанием дня памяти Святых, пространные описания сражений, помощь небесных сил. Однако небесное заступничество, как очевидно, сопряжено здесь с ратным мужеством воинов-казаков, личными качествами и удачей предводителя войска – «государьским счастием», то есть божественное вмешательство – одно из слагаемых военного успеха. Думается, подобное «содружество» есть проявление новых веяний эпохи, жанровых трансформаций, коснувшихся воинских повестей в первой половине XVII столетия, изменений в понимании роли личности в потоке истории. Это может служить основанием для уточнения итогового суждения А. Н. Робинсона: «Как произведение художественной литературы повесть отражает некоторые типичные черты поэтики воинских повестей, но не выделяется чем-либо существенным из

[255] Словарь древнерусского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 109 ; Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. 3. Стлб. 863.

произведений этого типа»[256]. Видимо, всё-таки, выделяется – более сложным пониманием её автором причинно-следственных связей.

Заключительная часть произведения возвращает к теме победы войска «**по ѵмолению и по вере православных християн, и по храбрости, и по воинству всего великого Донского войска**» [56]; её предначертанности, небесным знамением подкреплённой, – видением, бывшим во время осады Азова.

Чудесное, таким образом, претворяясь в формах небесного заступничества, выполняет в Исторической повести о взятии Азова сюжетообразующую функцию.

В повести об Азове Поэтической (об осадном сидении Донских казаков), занимающей, как известно, центральное место в цикле, сохраняется значимость мотива небесного заступничества. Уникальность жанра произведения, своего рода «художественной отписки», по определению А. Н. Робинсона, – в использовании формы казачьего документа в соединении с органически усвоенными традициями воинской повести, способствовавшими передаче глубокого драматизма Азовских событий, и с элементами фольклорной стилистики и образности, которые придавали повествованию задушевно-лирический тон[257].

Близость к воинским повестям более раннего периода, в частности, как давно замечено, произведениями Куликовского цикла, и, прежде всего, «Сказанию о Мамаевом побоище», проявлена и в использовании традиционных воинских формул, и в протокольно точной фиксации численности превосходящих сил неприятеля, и в мотиве Божественного промысла, помощи свыше и т. п. Он не имеет здесь того всеобъемлющего характера, как в Исторической повести об Азове, но весьма значим в идейно-смысловой наполненности текста. Казаки уверены в своей победе, так как

[256] *Робинсон, А. Н.* Повести об азовском взятии и осадном сидении // Воинские повести Древней Руси. М. ; Л., 1949 (Литературные памятники). С. 187.
[257] *Робинсон, А. Н.* Из наблюдений над стилем поэтической повести об Азове // Ученые записки Мос. гос. ун-та. 1946. Вып. 118, кн. 2. С. 71.

сильны упованием на небесное заступничество и ратную доблесть: «**А мы люди божьи, надежда у нас вся на Бога и на матерь Божию Богородицу и на наших сродников и на всю братию и товарищей своих**» [66]; и «**хотя нас, казаков, в осаде сидит не много, только 5000, а за божиею помощию не боимся сил ваших великих 300000**» [67]. В повести особо акцентировано и ощущение казаками своей связи с могущественным русским государством как ещё одной причины уверенности в своей силе, давшей результат[258]: «**Взяли мы Азов город дш не разбойничеством дш дородством своим и разумом**» [67].

Традиционна в произведении тема молитвенных обращений и их действенной силы; чуда от икон; видений, предсказывающих победу. Этими формами проявления чудесного насыщены заключительные описания – в их яркой изобразительности – осадного сидения. И произошло чудо: через 93 дня осады вдруг турки побежали, в сущности, никем не гонимые. «Именно в таком ключе события и были осмыслены в Поэтической повести», – отмечает Д. С. Менделеева[259]. Пленные турки сказали, будто увидели на небе «**тучу великую и страшную, идущую от Московского царства, а впереди а по воздуху два страшных юноши, а в руках своих держат мечи обнаженные, а грозятся на наши полки бусурманские**» [80][260].

Следует сказать, что этой в повести есть и эпизод, который трактуется не как чудо, а как конкретно-бытовой факт. Церковь уцелела не по Божьей воле, а благодаря удачному географическому положению: «**А и наряд наш пушечный переломали все. Одна лиш у нас во всем Азове городе церковь Николина в полы осталась, потому и осталася, что стояла внизу добре к**

[258]См.: *Митрофанова, В. В.* Повесть об Азовском осадном сидении / В. В. Митрофанова // Русская повесть XVII века. Л., 1954. С. 368–369.

[259] *Менделеева, Д. С.* История литературы Древней Руси. М., 2008. С. 278.

[260] А. Н. Робинсон справедливо на наш взгляд полагал, что «два юноши» есть не кто иные как Святые Борис и Глеб. Сравни, например похожий эпизод из «Повести о житии Александра Невского: «Стоящю же ему при краи моря, стрежашеть собою пути, и пребысть всю нощь во бдении; якоже нача всходити солнце, и слыша шюм страшен по морю, и виде насад един гребущь, посреди насада стояща мученику Бориса и Глеба в одеждах червленых и беста руце держаста на раме, гребци же седяху акы мглою одеяны; и рече Борис: “Брате, Глебе! вели грести; да поможем сроднику своему Александру”». О видении старейшина рассказал только князю и получил от него ответ: «Сего не рци никому же».

морю под гору» [69]. А божья милость была послана казакам за соблюдение поста и усердную молитву.

Нельзя не согласиться с итоговыми суждениями М. О. Скрипиля: «Повести об Азове являются последним значительным звеном в истории русской воинской повести»[261] и сочетают в себе традиционное и новое: с одной стороны, «они помнят ещё и переводные повести воинского стиля», а также «используют стилистику повестей о Куликовской битве, и в ряде случаев традиционные формулы повествовательного воинского стиля сохраняются ими почти без изменений»[262]. С другой, – в них проявляются и новые черты, «корнями уходящие в быт и фольклор донского казачества»[263], например, прощание казаков с родной землёй в момент ожидания смерти. По заключению исследователя, «литературно несомненно связанные с внутренней перепиской войска Донского, повести об Азове показывают, как боевая донская жизнь, полная случайностей и неожиданностей, преодолевала выработанные шаблоны и делового, и воинского стиля»[264].

Повести Азовского цикла первой половины XVII века, при всём их своеобразии, сохраняют основные жанровые признаки воинской повести, к которым относится использование чудесного, разнообразно проявленного в формах небесного заступничества, помощи свыше. Однако чудо сосуществует наравне с воинской доблестью и личной удачей. Для Исторической повести мотив небесного заступничества является сюжетообразующим, в Поэтической – скорее стилевым компонентом, ведь видения перенесены в финал повествования[265].

---

[261] *Скрипиль, М. О.* Повести об Азове // История русской литературы : учебник для вузов. М., 1941. Т. 1, ч. 1. - С. 246.

[262] Там же.

[263] Там же.

[264] Там же.

[265] Тот же же перенос «видений» в финал повествования в качестве приметы стиля можно наблюдать и в Сказочной повести: «Казаки же, ничто же ведущи сего, како пречистая дева богородица, мати Христа бога нашего, сошед с небес с лики ангелскими, да с нею же Иоан предтеча и святитель Христов Николай чюдотворец престаша на помощ нам, казакам, и победиша и прогнаша турецкаго злочестивого царя Брагима <…>» [111].

Таким образом, в литературе первой половины XVII века создаются как полноценные образцы воинской повести в её основных жанровых характеристиках (Повести об Азове), так и, в соответствии с общей тенденцией развития исторического повествования, тексты историко-легендарного типа с элементами воинской повести («Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным»).

Заключение

В специальной литературе имеются разные обозначения предмета нашего исследования: небесное заступничество, помощь свыше, Божественное вмешательство, промысел Божий, чудо, чудесное и т. п. Поскольку понятие «чудо» сложно и многоаспектно, мы, по мере необходимости, затрагиваем его религиозную и философскую составляющие. Претворения чудесного оказываются связанными с широким кругом проблем: жанровых особенностей воинской повести; специфики средневекового историзма; чуда в соотнесении с реальным и вымышленным.

Летописный генезис воинской повести исследователями не ставится под сомнение, летописание наложило узнаваемый отпечаток на поэтику воинской повести. Это, прежде всего, трехчастная сюжетно-композиционная структура и некоторые изобразительно-выразительные средства, такие как стилистические формулы для обозначения этапов боевого столкновения (встреча полков, начало битвы, её исход и др.), которые обнаруживаются уже в древнейшем летописании («Повести временных лет»).

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает «Слово о полку Игореве». Помимо жанровой переклички с воинской повестью, этот памятник содержит «фантастические» эпизоды, функции которых (как сюжетные, так и внесюжетные) сходны с функциями чудесного в воинских повестях (например, описание солнечного затмения). Это обстоятельство вызывает предположение, что поэтика чудесного формируется не только в недрах летописания (летописных рассказов о военных походах князей), но и в «Слове о полку Игореве».

Мировоззренческая функция чуда наиболее отчётливо проявляется в памятниках XI–XII вв. (например, повесть о походе князя Игоря на половцев под 1185 г. в Ипатьевской летописи), хотя в них также заметна роль чудесного на сюжетно-композиционном и образно-стилевом уровнях текста.

С течением времени б*о*льшую значимость приобретает его художественно-эстетическая функция, описания его претворений становятся пространнее, превращаются в развёрнутые эпизоды, художественные зарисовки. Меняется сотношение реального и вымышленного в историческом повествовании, в частности, в повестях XVII века. Доля вымысла возрастает.

Предпринятый в работе анализ текстов воинских повестей XII–XVII вв. показал, что чудо, являясь дополнительным элементом поэтики воинских повестей, её обогащающим, в случае его включения в структуру произведения весьма значимо, поскольку обнаруживает себя на разных уровнях художественного текста:

а) сюжетно-композиционном: элементы чудесного выполняют сюжетную функцию, проявляясь в разных звеньях сюжета (от экспозиции до кульминации и развязки);

б) образно-стилевом: чудо воплощается в различных образах (образы Богородицы, Бориса и Глеба и других святых – небесных заступников);

в) эмоционально-экспрессивном: чудо является одним из средств усиления героико-патриотического пафоса произведений, выражения христианско-религиозных чувств, (например, в Киприановской редакции «Сказания о Мамаевом побоище»), выполняя и дидактическую функцию.

К формам проявления чуда мы относим: видение, знамение, глас свыше, сбывшееся пророчество, чудо от иконы, силу молитвы и сакральных предметов, которые выступают в качестве «волшебных» помощников русских воинов.

Все исследованные воинские повести XIII–XV веков можно разбить на две группы: повести о княжеских усобицах и о монголо-татарском нашествии. Внутри «татарских» повестей отчетливо выделяются повести Куликовского цикла.

Для повестей о княжеских усобицах характерны предметные воплощения чуда (крест, икона), в то время как в повестях о татаро-

монгольском нашествии исход сражения нередко решается благодаря небесному заступничеству святых (чаще всего Бориса и Глеба). Несостоявшееся сражение и бегство врага как следствие вмешательства «небесных воинов» тоже воспринимается древнерусским книжником как нечто чудесное.

Сюжетные функции чудесных явлений обнаруживаются в решении исхода сражения (в памятниках Куликовского цикла), предотвращении столкновения («Угорское стояние»), предупреждении о грозящей опасности («Повесть о нашествии Тохтамыша»).

Чудо является, как очевидно, не только художественно-эстетической категорией, но и мировоззренческой. Средневековый человек верил в то, что всё свершается по «милости Божьей», а любые горести, будь то вторжение иноземцев, голод, воспринимал как проявление «гнева Божьего» в наказание за грехи, что согласуется с особым характером исторических представлений русского Средневековья.

В историческом повествовании первой половины XVII века чудесное начало выполняет свою роль, наряду с ратной доблестью воинов и личной удачей, являясь лишь одним из слагаемых успеха и сохраняя при этом своё значение и в сложении сюжета произведения, и в его стилевом оформлении, что, как мы полагаем, связано с усилением личностного начала и открытием характера в древнерусской литературе.

Чудесное в воинской повести, в целом, как свидетельствует предпринятый анализ, оказывается сопряженным с героическим, историческим и провиденциальным, входя в произведения на правах реальности.

Исследуемый материал даёт возможность вслед за учёными, А. С. Орловым и А. А. Пауткиным, выявившими этикетные формулы, которые использовали древнерусские авторы для создания батальных описаний (такие как «съступишася полки»; «и бысть сеча зла»; «исполчить дружину»), выявить формулы, маркирующие вмешательство небесных сил, а именно: «и

помог Бог»; «въсхоте Бог (Богородица)»; «попусти Бог»; «молитвами Пречистыа Богородицы» и др. Способами включения чудесного в тексты повестей являются: констатация факта свершившегося чуда – «бысть Преславное Чюдо», авторский комментарий, подтверждения действенности молитвы, библейские аналогии.

В качестве перспективы исследования можно наметить рассмотрение в очерченном ракурсе воинских житий – «Повести о житии Александра Невского», «Слова о житии и преставлении Димитрия Ивановича» и «Сказания о Довмонте Псковском», являющих собой образцы взаимопроникновения и взаимовлияния двух книжных жанров – жития и воинской повести, а также исторического повествования XVI–XVII вв. в его разновидностях.

Список использованной литературы

1. *Автономова, В. П.* Художественное своеобразие фантастики в русском героическом эпосе / В. П. Автомонова. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1981. 84 с.
2. *Адрианова-Перетц, В. П.* Историческая литература XI-начала XV вв. и народная поэзия / В. П. Адрианова-Перетц // *Адрианова-Перетц, В. П.* Древнерусская литература и фольклор. Москва ; Ленинград : Наука, 1972. С. 20-62.
3. *Адрианова-Перетц, В. П.* О связи между древним и новым периодами в истории славянских литератур / В. П. Адрианова-Перетц // Труды отдела древнерусской литературы. 1963. Вып. 19. С. 427-447.
4. *Азбелев, С. Н.* Литература периода национально-освободительной борьбы и становления единого русского государства / С. Н. Азбелев // Русская литература и фольклор (XI-XVII вв.). Ленинград : Наука., 1970. С. 55-68.
5. *Алейникова А. З.* Древняя русская литература : учебное пособие / А. З. Алейникова. Комсомольск-на-Амуре : Издательство Амурского ГПГУ, 2010. 138 с.
6. *Акимова, Т. М.* Литература и фольклор // О фольклоризме русских писателей / Т. М. Акимова. Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Ю. Н. Борисов. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 2001. С. 17-27.
7. *Акимова, Т. М.* Практические занятия, коллоквиумы, контрольные работы по древней русской литературе / Т. М. Акимова, В. К. Архангельская. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1973. 60 с.
8. *Акимова, Т. М.* Призыв к единению / Т. М. Акимова // Волга. 1985. № 6. С.147-150.

9. *Алексеев, С.* Чудо / С. Алексеев // Энциклопедический словарь : в 86 т. / под ред. И. Е. Андреевского. Репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауз – И. А. Эфрон, 1890 г. Москва : Терра,1993. Т. 77. С. 12-19.
10. *Антропова, Н. А.* Рассказы о чудесах в произведениях Аввакума и Епифания как социальный феномен / Н. А. Антропова // Герменевтика древнерусской литературы. Москва : Издательство «Знак», 2008. Сб. 13. С.711-748.
11. *Архангельская, А. В.* Русская литература литературы XI — XVII вв. : учебное пособие / А. В. Архангельская, А. А. Пауткин. Москва : Издательство Московского университета, 2003. 216 с.
12. *Архангельская, В. К.* «Слово…» и летописание XII века / В. К. Архангельская // Волга. 1985. № 6. С. 151-155.
13. *Архангельская В. К.* Лекции по истории древней русской литературы. Материалы к практическим занятиям по курсу // Рукописный фонд архива проф. В. К. Архангельской в Учебной Лаборатории «Кабинет фольклора им. проф. Т. М. Акимовой» Института филологии и журналистики СГУ имени Н. Г. Чернышевского. П. 1, т. 1-23 ; п. 1, т. 25, т. 29.
14. *Бахтина В. А.* Удивление в сказке / В. А. Бахтина // Фольклор народов РСФСР / ответственные редакторы: Т. М. Акимова, Л. Г. Бараг. Уфа : Башкирский государственный университет [издание], 1977. Вып. 4. С. 38-44.
15. *Бахтина В. А.* Эстетическая функция сказочной фантастики. Наблюдения над русской народной сказкой о животных / В. А. Бахтина. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1972. 50 [2] с.
16. *Бегунов, Ю. К.* Героика Древней Руси / Ю. К. Бегунов // За землю Русскую! Памятники литературы Древней Руси XI-XV веков. Москва : «Советская Россия», 1981. С. 5-25.
17. *Бегунов, Ю. К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» / Ю. К. Бегунов // Слово о полку Игореве и памятники

Куликовского цикла. Москва ; Ленинград : Художественная литература, 1963. С. 477-524.

18. *Белова, О. В.* Чудо и вера: народные легенды о религиозных праздниках, обрядах и обращении иноверцев / О. В. Белова // Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции. Москва, 2001. С. 194-217.
19. Библейская Энциклопедия / Репринтное издание Энциклопедии под редакцией архимандрита Никифора. Москва : [б. и.], 2006. 1088 с.
20. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : издательство «Норинт», 2002,1536 с.
21. *Буслаев, Ф. И.* О литературе. Исследования. Статьи. / Ф. И. Буслаев. / Сост., вступ. статья, примеч. Э. Афанасьева. – Москва : издательство «Художественная литература», 1990. 512 с.
22. *Водовозов, Н. В.* История древней русской литературы / Н. В. Водовозов. Москва : Просвещение, 1962. 372 с.
23. *Водовозов, Н. В.* Повесть о битве на реке Калке / Н. В. Водовозов // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. П. Потёмкина. 1958. Т. 67, вып. 6 : Русская воинская повесть XIII века. С. 3-20.
24. Воинские повести Древней Руси. Москва ; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1949. 358 с. (Серия «Литературные памятники»).
25. *Герасимова, Л. Е.* Парадокс и чудо в современной литературе: два женских взгляда / Л. Е. Герасимова // Православная традиция и диалог культур в современном мире. Саратов: Издательство Саратовской. митрополии, 2013. С. 234-244.
26. Героическое прошлое русского народа в художественной литературе. Москва ; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1941. 80 с.
27. *Гребенюк, В. П.* «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI–XVII веках / В. П. Гребенюк // Русская литература на рубеже двух веков (XVII – начало XVIII в.). Москва : Наука,1971. С. 185-206.

28. *Грихин, В. А.* Отражение событий Куликовской битвы в «Летописной повести о побоище на Дону» / В. А. Грихин // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 1980 № 5. С. 3-12.
29. Громов, М. Н. Русская философская мысль X-XVII веков : учебное пособие / М. Н. Громов, Н. С. Козлов. Москва : Издательство Московского государственного университета, 1990. 288 с.
30. *Гудзий, Н. К.* История древней русской литературы / Н. К. Гудзий. Москва : Аспект Пресс, 2002. 592 с. (Серия Классический учебник).
31. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. Санкт-Петербург ; Москва : М. О. Вольф, 1882. Т. 4. 712 с.
32. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. Санкт-Петербург ; Москва : М. О. Вольф, 1882. Т. 1. 812 с.
33. *Дёмин, А. С.* Автор «Слова о полку Игореве: героические мотивы / А. С. Дёмин // *Дёмин, А. С.* Поэтика древнерусской литературы XI-XIII вв. / А. С. Дёмин. Москва : Издательство «Рукописные памятники Древней Руси», 1998. С. 41-46.
34. *Дёмин, А. С.* Древнерусская фантастика / А. С. Дёмин // *Дёмин, А. С.* О художественности древнерусской литературы / А. С. Дёмин. Москва : Языки русской культуры, 1998. С. 695-702.
35. *Демин, А. С.* Поэтика древнерусской литературы (XI—XIII вв.) / А. С. Демин / отв. ред. В. П. Гребенюк. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 408 с. (Серия «Studia philologica»).
36. *Демкова, Н. С.* Средневековая русская литература : поэтика, интерпретация, источники : сборник статей / Н. С. Демкова. Санкт-Петербург : Издательство Санкт–Петербургского университета, 1997. 219 с.
37. *Державина, О. А.* Повесть древнерусская / О. А. Державина // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. Москва : Советская энциклопедия, 1968. Т. 5. С. 817-819.

38. *Дмитриев, Л. А.* За землю русскую / Л. А. Дмитриев // Воинские повести Древней Руси. Ленинград : Лениздат, 1985. (Серия «Страницы истории отечества»).
39. *Дмитриев Л. А.* Беллетристические элементы в историческом повествовании XIV-XVвв. / Л. А. Дмитриев, Я. С. Лурье, О. В. Творогов // Истоки русской беллетристики : возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / ответственный редактор Я. С. Лурье. Ленинград : Наука, 1970. С. 263-319.
40. *Дмитриев, Л. А.* За землю русскую / Л. А. Дмитриев // Воинские повести Древней Руси. Ленинград : Лениздат, 1985. (Серия «Страницы истории отечества»).
41. *Дмитриев Л.* А. Сказание о битве новгородцев с суздальцами / Л. А. Дмитриев // Житийные повести русского Севера XIII-XVII вв. как памятники литературы: эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Ленинград : Наука, 1973. С.95-148.
42. *Елеонский, С. Ф.* Литература и народное творчество / С. Ф. Елеонский Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения, 1956. 238 [2] с.
43. *Ерёмин, И. П.* Лекции и статьи по древней русской литературе / И. П. Ерёмин. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1987. 327 с.
44. *Ерёмин, И. П.* Литература Древней Руси : этюды и характеристики / И. П. Ерёмин. Москва : Наука, 1966. 266 с.
45. *Жучкова, И. Д.* Повесть о Темир-Асаке / И. Д. Жучкова // Словарь книжников и книжности Древней Руси второй половины XIV – XVI вв. Ленинград : Наука, 1989. Ч. 2 : (Л-Я). С. 283-287.
46. Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Ленинград : Наука, 1970. 600 с.

47. История русской литературы : в 10 т. Москва ; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1940. Т. 1. 404 с.
48. История русской литературы : в 3 т. Москва ; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР [Ленингр. отд-ние], 1958-1964. Т. 1. 730 с.
49. История русской литературы : в 4 т. Ленинград : Наука, 1980. Т. 1 : Древнерусская литература и литература XVIII века. 813 с.
50. История русской литературы : учебник для вузов / под ред. В. А. Десницкого (гл. ред.), В. С. Мейлаха, А. Л. Плоткина. Москва : Учпедгиз, 1941. Т. 1, ч. 1. 320 с.
51. История русской литературы X — XVII вв. : учебное пособие / Л. А. Дмитриев [и др.] ; под ред. Д. С. Лихачева. Москва : Просвещение, 1979. 462 с.
52. История русской литературы XI – XVII вв. : учебник / под ред. Д. С. Лихачева. Москва : Просвещение, 1980. 462 с.
53. *Истрин, В. М.* Очерк истории древнерусской литературы домонгольского периода (XI-XIII вв.) / В. М. Истрин. Москва : Издательский центр «Академия», 2002. 384 с.
54. *Каган, М. Д.* Повесть об Азове историческая / М. Д. Каган // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3 : (XVII век), ч. 3 : П—С. С. 63–64.
55. *Каравашкин, А. В.* Война и мир в древнерусской литературе / А. В. Каравашкин // Исторические повороты культуры: сборник научных статей (к 70-летию профессора И. В. Кондакова) / общая редакция и составление О. Н. Астафьевой. - Москва: Согласие, 2018. С. 215-223.
56. *Кожинов, В. В.* Историзм / В. В. Кожинов // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. Москва : Советская энциклопедия, 1966. Т. 3. С. 227-230.
57. Краткий словарь литературоведческих терминов / ред., сост.: Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. Москва : Просвещение, 1978. 223 с.

58. *Кузьмин, А. И.* Героическое в древней русской литературе / А. И. Кузьмин // *Кузьмин, А. И.* Героические темы в русской литературе / А. И. Кузьмин. Москва : Просвещение, 1974. 304 с.
59. Куликовская битва в литературе и искусстве : материалы и исследования по древнерусской литературе. Москва : Наука, 1980. 287 с.
60. *Кусков, В. В.* История древнерусской литературы / В. В. Кусков. Москва : Высшая школа, 2006. 340 с.
61. *Кусков, В. В.* История древнерусской литературы : курс лекций / В. В. Кусков. Москва : Высшая школа, 1966. 232 с.
62. *Кусков, В. В.* Проблемы историзма древнерусской литературы XI-XII вв. / В. В. Кусков // Труды отдела древнерусской литературы. 1997. Вып. 50. С. 303-309.
63. *Кусков, В. В.* Связь времён: о связях древнерусской литературы с литературой Нового времени (XVIII-первой половины XIX в.) : (к 90-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева) / В. В. Кусков // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. «Филология». 1996. Вып. 4. С. 22-33.
64. *Кусков, В. В.* Характер средневекового миросозерцания и система жанров древнерусской литературы XI – первой половины XIII в. / В. В. Кусков // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. «Филология». - 1981. - №1. С. 3-12.
65. *Липатова, А. П.* Чудо: история и характер вариативности предания и легенды / А. П. Липатова // Традиционная культура. 2008. № 2. С. 88-95.
66. Литература Древней Руси : биобиблиографический словарь / сост. Л. В. Соколова ; под ред. О. В. Творогова. Москва : Просвещение, 1996. 240 с.
67. Литература и культура Древней Руси : словарь-справочник / под ред. В. В. Кускова. Москва : Высшая школа, 1994. 336 с.
68. *Лихачёв, Д. С.* Галицкая традиция в житии Александра Невского / Д. С. Лихачёв // Труды отдела древнерусской литературы. 1946. Т. 5. С. 36-56.

69. *Лихачёв, Д. С.* Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» / Д. С. Лихачёв // Исследования и материалы по древнерусской литературы. Москва : Издательство Академии Наук СССР, 1952. С. 9-24.
70. *Лихачёв, Д. С.* Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачёв. Москва : Художественная литература, 1973. 413 с.
71. *Лихачёв, Д. С.* Предпосылки возникновения жанра романа в русской литературе / Д. С Лихачёв // Исследования по древнерусской литературе. / отв. ред. В. В. Колесов. — Ленинград : Наука, 1986. С. 96-112.
72. *Лихачёв, Д. С.* Развитие русской литературы XI-XVII вв. Эпохи и стили / Д. С. Лихачёв. Ленинград : Наука, 1973. 256 с.
73. *Лихачёв, Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачёв. Москва : Издательство Академии Наук СССР, 1947. 500 с.
74. *Лихачёв, Д. С.* Своеобразие исторического развития русской литературы X–XVII вв. / Д. С. Лихачёв // Лихачёв, Д. С. О филологии / Д. С. Лихачёв. Москва : Высшая школа, 1989. С. 128-172. (Серия «Классика литературной науки»).
75. *Лихачёв Д. С.* Система литературных жанров Древней Руси / Д. С. Лихачёв // Славянские литературы: доклады делегации советских славистов. V международный съезд славистов, София, сентябрь 1963. Москва, 1963. С. 47-70.
76. *Лихачёв Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени / Д. С. Лихачёв. 2-е издание, дополненное. Ленинград : Художественная литература, 1985. 351, [1] с.
77. *Лихачёв, Д. С.* «Слово о полку Игореве» – героический пролог русской литературы / Д. С. Лихачёв. Ленинград : Художественная литература, 1967. 120 с.
78. *Лихачёв, Д. С.* Текстология : На материале русской литературы X-XVII вв. Д. С. Лихачёв / Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). - Москва ; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1962. 605 с., 2 л. схем. : схем.; 22 см.

79. *Лихачёв, Д. С.* Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачёв. Москва : Наука, 1970. 180 с.
80. *Лопатин В. В.* Русский толковый словарь / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – 8-е изд., стереотипное. – Москва : издательство «Русский язык», 2002. 882 с. (Серия «Библиотека словарей русского языка»).
81. *Лурье, Я. С.* «Повесть о стоянии на Угре» / Я. С. Лурье // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ленинград : Наука, 1989. Вып. 2, ч. 2 : (втор. пол. XIV-XVI в). С. 204-208.
82. *Лурье, Я. С.* Из истории политической борьбы при Иване III / Я. С. Лурье // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук. 1941. Вып. 10 (№ 80). С. 78-92.
83. *Лурье, Я. С.* Конец золотоордынского ига («Угорщина») в истории и литературе / Я. С. Лурье // Русская литература. 1982. № 2. С 52-69.
84. *Лурье, Я. С.* Новонайденный рассказ «О стоянии на Угре» / Я. С. Лурье // Труды отдела древнерусской литературы. 1962. Т. 18. С. 292-297.
85. *Лысков, И.* Вымысел / И. Лысков // Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: в 2 т. Москва ; Ленинград : Л. Д. Френкель,1925. Т. 1. С. 155-158.
86. *Максимов, С. Г.* Русские воинские традиции / С. Г. Максимов. – Москва : издательство «Вече», 2010 – 320 с. : илл. (Серия «Тайны Земли Русской»).
87. *Мезин, С. А.* История русской культуры X-XVIII веков. Книга для чтения / С. А. Мезин. Москва : издательство центр гуманитарного образования, 2000. 288 с. с.: илл. (Серия «Гуманитарное образование в России»).
88. *Менделеева, Д. С.* История литературы Древней Руси : учебное пособие / Д. С. Менделеева. Москва : Издательский центр «Академия», 2008. 352 с.

89. *Мешков, В. В.* Под покровом Пресвятой Богородицы / В. В. Мешков (священник). Москва : Издательство «Вече», 2011. 128 с. (Серия «Россия Православная»).
90. *Минералов, Ю. И.* История русской литературы XVIII века / Ю. И. Минералов. Москва : Высшая школа, 2007. 384 с.
91. *Митрофанова, В. В.* Повесть об Азовском осадном сидении / В. В. Митрофанова // Русская повесть XVII века. Ленинград : Художественная литература, 1954. С. 366-375.
92. *Моисеева, Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века / Г. Н. Моисеева. Ленинград : Наука, 1980. 262 с.
93. *Мусин, Д. Е.* MILITES CHRISTI Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета / Д. Е. Мусин. Санкт–Петербург : Издательство «Петербургское Востоковедение», 2005. 368 с. (Серия «Militaria Antiqua» ; вып. 8).
94. *Назаров, В. Д.* Конец золотоордынского ига / В. Д. Назаров // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 104-120.
95. *Неклюдов, С. Ю.* Чудо в былине / С. Ю. Неклюдов // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Т. 4. С. 145-161.
96. Нудельман. Р. Н. Фантастика / Р. Н. Нудельман // Краткая литературная энциклопедия. Москва : Советская энциклопедия, 1972. Т. 7. С. 887.
97. *Орлов, А. С.* Героические темы в русской литературе / А. С. Орлов. Москва : Издательство Академии Наук СССР, 1945. 144 с.
98. *Орлов, А. С.* Древняя русская литература XI – XVII вв. / А. С. Орлов. Москва : Издательство Академии Наук СССР 1937, 380 с.
99. *Орлов, А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей / А. С. Орлов. Москва : Имп. Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1902. 50 с.
100. *Орлов, А. С.* Слово о полку Игореве / А. С. Орлов. 2-е изд. доп. Москва ; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1946. 216 с.

101. Памятники литературы Древней Руси. Москва : Художественная литература, 1981-1998. 12 кн.
102. *Пауткин, А. А.* Батальные описания «Повести временных лет» : (Своеобразие и разновидности) / А. А. Пауткин // Вестник Московского университета. 1981. № 5. С 13–22.
103. *Переверзев, В. Ф.* Литература Древней Руси / В. Ф. Переверзев. Москва : Наука, 1971. 302 с.
104. *Петухов, Е.* В. Русская литература. Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода / Е. В Петухов. 3-е изд. просмотренное и дополненное : Петроград, 1916. 476 с.
105. Повести о Куликовской битве. Москва : Издательство АН СССР, 1959. 512 с. (Серия «Литературные памятники»).
106. Повесть временных лет : в 2 т. Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1950. (Серия «Литературные памятники»).
107. Полное Собрание Русских Летописей. Т. 1. СПб. : Археографическая комиссия, 1846. 477 с.
108. Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб. : Археографическая комиссия, 1843. 337 с.
109. *Пресняков, А. Е.* Иван III на Угре / А. Е. Пресняков // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели : [сборник статей]. Санкт-Петербург : Типография Главного управления уделов,1911. С. 280-286.
110. *Прокофьев, Н. И.* О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI—XVI вв. / Н. И. Прокофьев // Литература Древней Руси : сборник трудов. Москва : Издательство МГПИ, 1975. Вып. 1. С. 5-37.
111. *Прохазка, Е. А.* О роли общих мест в определении жанра древнерусских воинских повестей / Е. А. Прохазка // Труды отела древнерусской литературы. 1989. Т. 42. С. 226-239.

112. *Пыпин, А. Н.* История русской литературы: в 2-х т. / А. Н. Пыпин. Санкт-Петербург, 1911. Т.1. 537 с., Т.2. 552 с.
113. *Ржига, В. Ф.* «Слово о полку Игореве» и древнерусское язычество. / В. Ф. Ржига // SlAVIA PRAHA, 1933-1934. Roč. 12, seš. 3/4. С. 422-433.
114. *Робинсон, А. Н.* Из наблюдений над стилем поэтической повести об Азове / А. Н. Робинсон // Ученые записки Московского государственного университета. 1946. Вып. 118, кн. 2. С. 43–71.
115. *Робинсон, А. Н.* Повести об азовском взятии и осадном сидении / А. Н. Робинсон // Воинские повести Древней Руси. Москва ; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1949. С. 166–243.
116. *Ромодановская, Е. К.* Русская литература на пороге нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода / Е. К. Ромадановская. Новосибирск : ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. 232 с.
117. *Рыбаков, Б. А.* Летописные источники о походе Игоря 1185 г. / Б. А. Рыбаков // *Рыбаков, Б. А.* «Слово о полку Игореве и его современники» / Б. А. Рыбаков. Москва : Наука, 1971. С. 171-172.
118. *Салмина, М. А* Ещё раз о датировке «Летописной повести о Куликовской битве» / М. А. Салмина // Труды отела древнерусской литературы. 1977. Т. 32. С. 3-39.
119. *Салмина, М. А* Сказание о битве Новгородцев с Суздальцами / М. А. Салмина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ленинград : Наука, 1989. Вып. 2, ч. 2 : (втор. пол. XIV-XVI в.). С. 347-351.
120. *Салмина, М. А.* Древнерусская Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным / М. А. Салмина // Труды отела древнерусской литературы. 1969. Т. 24. С. 192-195.
121. *Салмина, М. А.* Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным / М. А. Салмина // Словарь книжников и книжности Древней Руси XVII век. Санкт- Петербург : Наука, 1998. Ч. 3. С. 101-102.

122. *Салмина, М. А.* Повесть о Куликовской битве (Летописная) / М. А. Салмина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ленинград : Наука, 1989. Вып. 2, ч. 2 : (втор. пол. XIV-XVI в.). С.244-246.
123. Сказание о Мамаевом Побоище. Киприановская редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. Ленинград : Наука, 1982. С. 49-71. (Серия «Литературные памятники»).
124. *Скафтымов, А. П.* Поэтика и генезис былин / А. П. Скафтымов. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1994. 320 с.
125. *Скафтымов, А. П.* К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы / А. П. Скафтымов // Поэтика художественного произведения / сост.: В. В. Прозоров, Ю. Н. Борисов ; вст. ст. В. В. Прозорова. – Москва : Высшая школа, 2007. С. 21-40. (Серия «Классика литературной науки»).
126. Словарь древнерусского языка XI–XVII вв. Москва : Наука, 1977. Вып. 4 : (Г–Д). 403 с.
127. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / сост. В. Л. Виноградова. Ленинград : Наука,1973. Вып. 4 : (О-П). 236 с.
128. Слово о полку Игореве. Москва ; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1950. 484, 46 с., 16 л. ил. и карт. (Серия «Литературные памятники»).
129. *Срезневский, И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка / И. И. Срезневский. Санкт-Петербург : Отделение русского языка и словесности Императорской. Академии Наук, 1903. Т. 3. Стлб. 863.
130. *Сперанский М. Н.* История древней русской литературы / М. Н. Сперанский. 4-е изд. – Санкт- Петербург : Издательство «Лань», 2002. 544 с. – (Мир культуры, истории и философии).
131. *Сулейманов, О.* «Синяя мгла» и «синие молнии». Об особенностях поэтики «Слова о полку Игореве» / О. Сулейманов // Простор. 1968. № 9. С. 84-93.

132. *Тарланов, З. К.* Об одной особенности объективизации повествования в «Слове о полку Игореве» / З. К. Тарланов // Труды отдела древнерусской литературы. 1990. Т. 43. С. 143-147.
133. *Творогов, О. В.* Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси / О. В. Творогов // Труды отдела древнерусской литературы. 1964. Т. 20. С. 20-64.
134. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.
135. *Толстая, С. М.* Чудо / С. М. Толстая // Славянская мифология : энциклопедический словарь. Москва : ЭЛЛИС ЛАК, 1995. С. 292-293.
136. *Томашевский, Б. В.* Пушкин. Книга вторая. (1824-1837). Материалы к монографии. Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1961. 575 с.
137. *Тотубалин, Н. И.* Повесть о нашествии Тохтамыша / Н. И. Тотубалин // Русские повести XV-XVI веков. Москва ; Ленинград : Гослитиздат, 1958. С. 366-377.
138. *Трофимова, Н. В.* Древнерусская литература XI — XVII вв. Воинская повесть. Курс лекций. Развитие исторических жанров : материалы к спецсеминарам / Н. В. Трофимова. – Москва : Флинта, 2000. 208 с.
139. *Трофимова, Н. В.* Из истории древнерусской воинской повести / Н. В. Трофимова // Герменевтика русской литературы. Москва : Языки славянской культуры : Прогресс-традиция, 2004. – Вып. 11. С. 558-590.
140. *Трофимова, Н. В.* О некоторых закономерностях в развитии жанра древнерусских воинских повестей / Н. В. Трофимова // Герменевтика русской литературы. Москва : ИМЛИ РАН, 1994. – Сб. 7. ч. 1. С. 38-50.
141. *Трофимова, Н. В.* Чудеса в древнерусском воинском повествовании / Н. В. Трофимова // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2011. №4 (33). С. 72-79.

142. *Ужанков, А. Н.* Стадиальное развитие русской литературы XI — первой трети XVIII века. Теория литературных формаций / А. Н. Ужанков. Москва: Литературный институт им. А. М. Горького, 2008. 528 с.
143. *Фокеев, А. Л.* Начало всех начал. Древнерусская литература: учебное пособие / А. Л. Фокеев. – Саратов : издательство «Лицей», 2003. 224 с. (Серия «По страницам литературной классики»).
144. *Фокеев, А. Л.* «Повесть временных лет» как документально-этнографический источник / А. Л. Фокеев // ФИЛОLOGOS. – Елец, 2015. – Вып. 1 (24). С. 96-101.
145. *Фокеев, А. Л.* Устное народное творчество и древнерусская литература / А. Л. Фокеев. – Саратов : издательский центр «Наука», 2011. 163 с.
146. *Хрущов, И. П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях / И. П. Хрущов. Киев : Университетская типография, 1878. 212 с.
147. Чудеса в Православии / сост. В. Артемов. Москва : Издательство «Вече», 2011. 128 с. (Серия «Россия Православная»).
148. Чудеса на дорогах войны. Москва, 2010.
149. *Чумаков, В. М.* Фантастика и её виды / В. М. Чумаков // Вестник Московского государственного университета. Серия 10. 1974. № 2. С. 68-75.
150. *Шайкин, А. А.* Повесть временных лет : история и поэтика / А. А. Шайкин. Москва : Издательский дом «Русская панорама», 2011. 616 с.
151. *Шайкин, А. А.* «Се повести времяньных лет». От Кия до Мономаха (о Повести временных лет) / А. А. Шайкин. Москва : Современник, 1989. 252 с.
152. *Шайкин, А. А.* Поэтика и история: На материале памятников русской литературы XI-XVI веков : учебное пособие / А. А. Шайкин. Москва : Флинта : Наука, 2005. 452 с.
153. *Шахматов, А. А.* Общерусские летописные своды XIV-XV вв. / А. А. Шахматов. Санкт-Петербург, 1901-1904. 50 с.

154. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» : в 5 т. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995. Т. 4 : П — Слово. 336 с.